A PERSON IN THE MODERN WORLD

Research articles

B&M Publishing
San Francisco, California, USA

B&M Publishing

A PERSON IN THE MODERN WORLD

Science editor: A. Burkov

Copyright © 2013
by B&M Publishing

All rights reserved.

Published by B&M Publishing.

For permission to use material from
this text, please contact
the publisher at
2076 -16th Ave., Suite A,
San Francisco, California 94116,
Tel (415) 682 2550

ISBN-10: 0989879909
ISBN-13: 978-0-9898799-0-3

CONTENTS

T. Arzhanykh 4
Modern russian nationalism: origins and prospects
N. Biryukova & N. Spesivtseva 10
American library as a provider of lifelong adult education: Jesse Shera's views
T. Valisova 15
Aggression and motivation to success as the driving force of the formation of competitive personality
T. Voronchenko & A. Mikhina 20
Global english in russia's cultural context
R. Salakhova 28
Development of youth value attitude to motherland by means of national art crafts
A. Gadeev 34
Assessment of the American historian of the German-Soviet war
M. Zhizhina 41
Psychological culture and media behavior of an individual
T. Zaharova & A. Moiseeva 49
Emotiological aspect of the study of social emotions at senior preschool age children with speech disorders in conditions of inclusive education
M. Zelentsova 54
Prospects of "naturalization" of the person in modern philosophy
S. Kalinin 62
A symbolic image as a container of conceptual meanings (on the basis of the old Norse Eddic verse "VÖLUSPA")
A. Kopiak 70
State control in the 1927-1934 year (for example, Leningrad)
B. Minnibaev 74
Socio-economic development of the regions of Tatarstan in the mid-1950s - early 1960s. South-eastern Trans-kama
I. Orlov 78
The origin and development of the typology of fortress - type churches (eglises fortifiees) in France
A. Prokhorova 88
A multilingual pesonality of a student in multicultural society
N. Sidorenko 94
Features of the formation of ethnic Russian Crimea in the second half of the twentieth century
E. Chikalova 101
Identity crisis under conditions of globalisation and information society formation
C. Sharova & E. Fedoseev 114
The volgograd high party school is like an organizational and methodical centre of promotion of qualification

A PERSON IN THE MODERN WORLD

MODERN RUSSIAN NATIONALISM: ORIGINS AND PROSPECTS

[1] Tatiana Arzhanykh

1. Candidate of History Sciences, assistant professor of humanities and law disciplines VPO «Russian State University of Trade and Economics» (Ivanovo Branch).

Abstract

In this paper deals with the essence of nationalism and the especially of nationalist views in modern Russia. «Renaissance» of the complex social experiences designed to maintain Russia's national identity is seen in relation to the political and public practice of referring to the successes and achievements of the «Great» Soviet nationalism.

Keywords: Russia, national idea, the Soviet Union, and patriotism.

Проблема национализма – одна из наиболее остро стоящих в современном мире. При этом для исследователей, занимающихся изучением феноменов национализма и национальной самоидентификации, немаловажным представляется вопрос, что же такое национализм по своей сути: политический принцип или инструмент эмоционального сплочения и мобилизации людей. Для того чтобы правильно ответить на данный вопрос, обратимся к новейшему политологическому словарю: «Национализм (фр. nationalisme, от лат. nation – народ) – идеология, система политических взглядов, основу которой составляет идея национального превосходства и национальной исключительности, приоритет национальных ценностей». [1, с. 162]

В настоящее время существует множество классификаций национализма. Широко распространено деление национализма на этнический (он включает в себя культурный компонент и эмоциональную составляющую – чувство этнического единства) и государственный (который представляет собой идеологию националистических элит и правящих кругов). Следует отметить, что большинство современных национализмов включают моменты и

того, и другого. Одним из инструментов национализма как политической идеологии является использование многообразных символов, подпитывающих национальное чувство. Национализм возникает, если любимый народ не просто сравнивается с другими, но и противопоставляется по известному признаку «наши – не наши». Противопоставление такого рода может обнаруживаться по линии национального превосходства или по линии национальной ущемлённости, несостоятельности. Примеров подобных вариантов национализма в российской истории достаточно. Распад Советского Союза ознаменовал появление на карте мира целого ряда новых государств, где национализм принял местечково – этнический характер. В настоящий момент политическая линия суверенных государств ближнего зарубежья по отношению к России меняется: малым государственным образованиям приходится учитывать риск глобализационной унификации и постепенного размывания национальной самобытности, а то и просто «растворения» в ином государственном организме. Современной России нужно выработать новый российский национализм, который, с одной стороны, должен включать любовь и уважение каждого гражданина к своему народу и истории своей национальности, а с другой – он должен сформировать у людей осознание своей принадлежности к единой стране, имя которой – Россия.

В этой связи заслуживает внимания изучение феномена так называемого «великодержавного» советского национализма и его важнейших эмоциональных составляющих. В Советском Союзе понятие «Родина» включало в себя любовь к стране, и с таким пониманием патриотизма советский народ одержал победу над фашизмом, покорил космос, завоевал позиции сверхдержавы на международной арене. Так формировался национальный миф об уникальности и превосходстве социалистического строя и его исторической общности – советском народе.

События рубежа XX-XXI вв. нанесли удар по прежней государственной системе и устоявшемуся менталитету. Распад Советского Союза ознаменовал собой завершение программы национально-государственного строительства, предполагавшей создание нового типа общности – «советский народ». Духовно – идеологический кризис, поразивший российское массовое сознание в 1990-ые годы, проявился в двух основных формах:

- во-первых, в кризисе национальной идентичности, утрате чувства исторической перспективы;
- во-вторых, в разрыве единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу базовых ценностей, ставших предметом общественной полемики и утративших статус «абсолютных ориентиров».

Разрушение традиционных общностей, статусов, связей, референтных групп, механизмов социализации, привычного образа

жизни обрекло многих россиян на чувство одиночества и потерянности, заставило искать новые (или восстанавливать традиционные) формы коллективности (национальные, религиозные, этнокультурные, региональные, возрастные, и.т.д.), что привело к усилению противоречий между различными способами идентификации, росту напряжённости в обществе.

В новом веке патриотизм вновь возводится в ранг национально значимой и объективно необходимой ценности, особенно в деле воспитания подрастающего поколения. Главная проблема, которая обозначилась в решении данной задачи, связана с различным пониманием патриотизма и его места и роли в иерархии политических ценностей. Национальный воспитательный идеал в контексте идеологемы «Единая Россия – государство свободных и равноправных граждан» представляет собой синтез системоцентризма и персоноцентризма в понимании патриотизма. Подобный подход позволяет совместить консервативно-государственную трактовку патриотизма с личностно ориентированным вектором воспитания. Однобокое восприятие концепта «патриотизм» только в личностном аспекте чревато опасностью воспитания индивидуалистов, живущих по принципу: «Где нам хорошо, там и Родина». Любовь к Отечеству в этом случае ограничивается ценностью личности с совокупностью неотчуждаемых прав и свобод, включая свободу передвижения, выбор места жительства и гражданства. Поэтому патриотизм рассматривается в качестве действенного средства в борьбе за устранение всего, что мешает личности. Тип личности, безусловно, определяется типом социальной системы, в которой происходит личностное развитие человека. Либеральный вектор в понимании сути патриотизма обеспечивает поведенческий компонент политической жизни, реакцию человека на конкретную политическую ситуацию. Однако подобную узкую трактовку гражданственности сложно признать исчерпывающей, поскольку феномен патриотизма в данном случае существенно обедняется: из него исключаются многие факторы, влияющие на проявление ценностной полифонии и органической преемственности нравственных императивов в рамках единой исторической судьбы нации.

Неопределённость и невыраженность базовой системы ценностных ориентиров, которые могли бы объединить россиян в единую историческо-культурную и социальную общность, недоверие многих людей друг к другу, обществу, бизнесу и государству, сложившееся в 1990-е гг. неверие в себя, привели к тому, что сегодня Россия в глазах значительной части своих граждан не является привлекательной для жизни страной. По данным Института социологии РАН, часто отождествляют себя с россиянами 35% респондентов, 50% – иногда, 15% имеют отрицательную гражданскую идентичность. [2, с. 35] Как мы видим, до сих пор многие россияне в полной мере не ощущают себя гражданами Рос-

сии, т.е. не обладают полноценной российской идентичностью, а каждый шестой относится к своей стране негативно.

Одна из причин такого положения в том, что не завершён процесс формирования системы общенациональных ценностей и приоритетов. В обществе ощущается недостаток сознательно принимаемых большинством граждан принципов и правил жизни, недостаёт согласия в вопросах корректного и конструктивного социального поведения, отсутствуют созидательные смысложизненные ориентиры. Есть сильное государство, но пока нет общеразделяемого представления о едином российском народе, сплочённом чувством патриотизма, укоренённом в национальной истории, культуре, нравственности, имеющего общий идеал будущего.

Сегодня активно обсуждается мысль о необходимости для России новой национальной идеи. Представляется бесспорным, что её составляющей должен стать патриотический аспект, включающий историю и незыблемость традиций, сохранения преемственности по отношению к нравственным идеалам предшествующих эпох. Рубеж XX-XXI вв. ознаменовался динамикой глобализационных процессов в мире, а эти процессы, в свою очередь, отразились в феноменах сознания россиян. К сожалению, наплыв разнообразной аудиовизуальной информации не способствовал формированию мировоззренческой определённости и психической стабильности: явление «клипового» (мозаичного) сознания и морального релятивизма всё больше укореняются именно в молодёжной среде, поскольку сознание молодого человека подвержено изменению в наибольшей степени и в принципе открыто к внешнему воздействию. Проблема цельности мировосприятия и выстраивания иерархии нравственных ориентиров ставится в фокус целенаправленных усилий государства в русле педагогического воздействия на личность.

Сейчас ситуация в России стабилизировалась, и пришло время устранить «разруху в головах». Государственная идеология и политика могут меняться в конституционных рамках при смене Президента и Правительства, национальная идея претендует на более длительный жизненный цикл. Идеологическое обеспечение необходимо всем субъектам политики. Идеология представляет собой проработанную систему ценностей, подходов и представлений, национальная идея – не более чем идея, ясная, доступная и привлекательная для всех. В этой связи представляется уместным обратиться к опыту идеологического строительства в СССР. Тип благополучного сознания советского человека был конвергентен: в нём господствовала идея поступательной успешности государственного строя. Люди ощущали сопричастность к пусть не к идеальному и гармоничному, но мощному государству. «Мораль успеха» помещалась в определённое направление и темпоральное

измерение: грядущему поколению советских людей был обещан коммунистический рай. Коммунизм не случился, однако не всё в идеологическом наследии советского прошлого выглядит несерьёзным – были и прорывы, и открытия.

Безусловно, общегосударственная идея может быть только наднациональной, только в этом случае она может действительно служить объединяющим фактором, задавать перспективу и смысл совместной жизни людей в стране. Всякие разговоры о новых ценностях лишь усиливают моральный релятивизм, а его в сегодняшней российской действительности предостаточно. В настоящее время идёт процесс наполнения концепта «национальная идея» и селекция ценностей. Суть ценностного подхода на общегосударственном уровне состоит не в создании новых нравственных норм, но в сбережении ценностей, формировавшихся на протяжении веков, сохранении культурной среды, осознании опасности разрастания духовного вакуума.

Стиль «ретро» в российской идеологии и политике сегодня опять в моде. Не случайно 2011 год был объявлен Годом космонавтики в России, а 2012 стал Годом истории. Гагаринский полёт стал амальгамой, выпукло обозначившей чувство духовного родства и единения всех автономий в составе СССР. Идея плюрализма культур имеет также конструктивный смысл, поскольку признаёт разнообразие мира как ценности, что противоположно версии мира, управляемого из одного или двух центров (подобный тезис защищаем идеологами глобализма и гегемонизма). Геометрия и траектория глобализации достаточно ясны: глобализируется английский язык, американская массовая культура, японская и германская технологии. Тем симптоматичнее выглядит попытка поворота современной России в сторону от декора глобализма, поскольку гарантированно суверенен только тот народ, который обладает ценностью в глазах других народов, когда он неповторим и имеет уникальное позиционирование в духовном смысле.

«Русский» национализм не раз был феноменом, провоцировавшим самоидентификацию народа, как ответная реакция при столкновении с другим. Современный российский национализм – это сложный и многомерный комплекс социальных переживаний и идеологических действий, направленных на поддержание и конструирование совокупностей национальных идентичностей. Национализм может выступать как государственная практика и как средство эмоциональной привязанности большинства людей. В условиях актуализации триады «Запад – Россия – Восток» российская национальная доминанта не может иметь узко этнического или конфессионального значения. На наш взгляд, нравственно – мировоззренческая позиция российского националиста состоит в следующем. Националисты – это люди, всей душой любящие свою Родину и свою нацию, уважающие её прошлое и же-

лающие её славы и процветания, мощи и величия в будущем. Таковы были во все времена русские и представители других национальностей, отдававшие всецело себя служению Родине и безраздельно принадлежавшие только ей. Россия имеет неоспоримые заслуги перед человечеством и богатую многовековую историю. Прошлое заслуживает внимания, это – мостик, выстроенный предшественниками. Разумнее не ломать мостки, а подновив их и укрепив, идти дальше.

References:

1. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.В. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 318 с.
2. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. М.: РАН, Институт социологии. 2007. 87 с.

AMERICAN LIBRARY AS A PROVIDER OF LIFELONG ADULT EDUCATION: JESSE SHERA'S VIEWS

[1] Natalia Biryukova
[2] Nadezhda Spesivtseva

1. Head of the Pedagogic Department, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Mari State University, Mari El Republic.

2. Senior lecturer of the department of social culture technologies, co-researcher of pedagogic department, Mari State University, Mari-El Republic.

Abstract

The article describes main ideas and practical experience of Jesse Shera - an outstanding American librarian and educator. Distinctive features of non-formal adult education in American public libraries, forms and types of their educational services for adults are considered. Training future librarians in the university for working with adults is carried out.

Keywords: non-formal adult education, American public libraries, Jesse Shera, library's adult educational services, librarian education in the university.

В настоящее время во всех развитых странах мира, в первую очередь - в США, на уровне государственной политики достигнуто признание того, что знания во все возрастающей степени становятся основой развития общества. Очевидно, что необходимым средством социально-экономического прогресса в XXI веке является трансформация человечества в общество «пожизненного обучения». Положение «от обучения на всю жизнь к обучению через всю жизнь» может служить лозунгом всей современной системы образования и наиболее полно отражает потенциал и задачи непрерывного образования взрослых.

Известно, что образование взрослых – это многоаспектный процесс, осуществляемый в институтах формального, неформального и информального образования в соответствии с социокультурными условиями и особенностями, потребностями взрослых. Соединенные Штаты Америки входят в число стран с развитой системой образования взрослых и разнообразным накопленным опытом в этой сфере.

Неформальное образование (поп-formal education) организуется за пределами формальной образовательной системы для удовлетворения познавательных потребностей определенной группы людей. П. Кумбс и М. Ахмед, раскрывая содержание понятия неформального образования, понимают под ним «любую организованную, систематическую образовательную деятельность, прово-

дящуюся за пределами формальной образовательной системы, для обеспечения заданных видов обучения по отношению к специальным подгруппам населения, взрослым и детям» [7, с. 8].

Наиболее распространенными видами учреждений неформального образования являются лектории, народные университеты, музеи и библиотеки. Библиотеки США в течение всего периода своего развития постоянно обращались к предоставлению образовательных услуг взрослому населению. Они реагировали на образовательные потребности услугами, различными направлениями, формами работы, созданием структурных подразделений, реализацией проектов и программ образовательно-культурной и образовательно-посреднической направленности. Направления и формы образовательной деятельности варьировались, с учетом потребностей населения конкретной территории и исторического периода, социокультурной специфики, гражданско-правовой поддержки.

В 2006 году Американской библиотечной ассоциацией в ежегодном отчете «Состояние американских библиотек» были объявлены результаты исследования, в котором было опрошено болей тысячи взрослых старше 18 лет. Американцы назвали самых важные для них характеристики публичных библиотек. Среди них: возможность свободного пользования их услугами (79 %), восприятие библиотеки как места, где можно учиться непрерывно (71 %), повышать уровень образования (65 %), получать информацию, необходимую как для обучения в школе, так и для работы (65 %). Кроме того, три четверти ответивших согласились с мнением, что, поскольку публичная библиотека обеспечивает свободный доступ к материалам и ресурсам, она играет важную роль в предоставлении каждому шанса преуспеть в жизни [4].

Осмысление теории и богатого опыта образования взрослых в библиотеках США невозможно без обобщения теоретических взглядов и опыта практической деятельности известных представителей этой сферы непрерывного образования. Одним из таких ученых XX века является Шера Джесси Хок (Shera Jesse Hauk) (1903 - 1982) - выдающийся американский педагог, библиотековед, публицист, член Американской библиотечной ассоциации. 8 декабря 2013 года исполняется 110 лет со дня его рождения.

Дж. Шера получил образование в университетах Майами, Оксфорда, Йеля. Прошел путь от простого каталогизатора до декана Библиотечной школы университета Уэстерн Ризерв (Western Reserve University), доктора, профессора. Научное наследие Дж. Шеры обширно и многогранно, оно составляет около 400 книг и статей [1; 8].

Взгляды Дж. Шеры на роль библиотек в обществе вполне традиционны: ее основное предназначение - сохранение и передача культурного наследия, удовлетворение фундаментальной соци-

альной потребности человека в постоянном образовании и самосовершенствовании. Следовательно, основную цель библиотек он определял как содействие образованию и просвещению.

Рассматривая библиотеки как социокультурный институт, Дж. Шера считал, что развитие библиотек зависит от происходящих изменений в структуре общества и в системе ценностей общества. При этом ученый включал в понятие «культура» три составляющих: техническая база (средства); информация (знания, опыт, результаты творческого труда); социальная организация (институты и органы, которые направляют культуру или придают ей реальность). Все эти элементы должны пребывать в состоянии разумной гармонии по отношению друг к другу. «Если один из них слишком отстает от других или слишком опережает их, культура претерпевает деформацию», писал Джесси Шера [5]. Что касается института образования, то он осуществляет свое влияние на общество и его членов через систему органов, к которым относят и «…библиотеку наряду со школой, колледжем, новыми средствами информации и другими проявлениями «индустрии знаний»… Проблемы, неразвитость одного из членов, органов института образования, ведет к проблемам в других».

Безусловно, необходимость реализации библиотекой образовательной функции и в середине 20 века, и сегодня вызывает большую дискуссию. Так, Маргарет Андерсон [5], коллега и ученица Дж. Шера, задает два принципиальных вопроса. Первый: считать ли библиотеку учебным заведением? Исторически так оно и было в англо-американском мире, особенно в Великобритании, где сторонники развития публичных библиотек доказывали их образовательные цели. В США XIX-XX веков, подчеркивалась важность библиотек в осуществлении самообразования личности, развитии непрерывного образования взрослых.

Второй: кто будет реализовывать образовательную функцию библиотеки, специалисты какой квалификации и подготовки. Отвечая на этот вопрос, Дж. Шера рассуждал следующим образом: «Мы знаем, что как книга составляет лишь часть общего процесса образования, так и образование составляет лишь часть общей функции книги. Кроме того, образование составляет лишь часть задач библиотекаря, точно так же как книга – лишь часть общего арсенала преподавателя. Библиотекарь может выступать – и часто выступает – в роли педагога, но формально он не педагог – он библиотекарь. Таким образом, концепция библиотечного обслуживания требует понимания пределов возможностей библиотекаря, а так же должных областей их применения». «… Признавая, что библиотека, ее ресурсы занимают важное место в формальном и неформальном образовании, не все готовы согласиться с педагогической функцией библиотекаря».

Нельзя не отметить вклад Дж. Шеры в «перестройку» библиотечного образования в 40-е-60-е годы XX века, который он внес

как декан Библиотечной школы университета Уэстерн Ризерв (Western Reserve University). Дж. Шера настаивал, что наряду с обязательными курсами подготовки библиотекарей (каталогизация, комплектование, руководство библиотекой и др.) должны быть и факультативы по таким областям практической деятельности, как публичные библиотеки, библиотеки колледжей и университетов, обслуживание детей и молодежи и др. В учебный процесс он ввел новые направления специализации, в том числе, и подготовку библиотекарей к работе со взрослыми.

Джесси Шера стал пионером в использовании информационных технологий в библиотеках, приложил много усилий для автоматизации библиотечных процессов. При этом, несмотря на его значительный вклад в развитие информационных технологий, он верил в важность гуманистических основ библиотечного дела, призывал использовать компьютерные технологии в библиотеках с осторожностью, не подчиняясь им [6]. Исследователь подчеркивал, что роль библиотеки состоит не в обеспечении функционирования информационных потоков, а в сохранении и передаче культурного наследия, что ведет к большому социальному эффекту.

И все же, именно благодаря высокому уровню автоматизации библиотек, использованию компьютерных технологий деятельность библиотек, в том числе работа со взрослыми, выводятся на новый уровень. Это, в свою очередь, позволяет библиотеке не отставать от изменяющихся потребностей общества и расширять диапазон своих ресурсов и услуг. Как следствие - в американских библиотеках создаются и развиваются консультационные программы, службы, подразделения, Центры постоянного обучения, Центры образовательной информации.

Таким образом, деятельность библиотек США по обслуживанию взрослого населения имеет концептуальное основание, которое американские теоретики и практики библиотечного дела с определенного момента связывают с целями непрерывного образования, теорией образования взрослых. Видят в них некую общую позицию для рассмотрения своей деятельности со взрослыми. Эти взаимосвязанные позиции прослеживаются на протяжении достаточного длительного периода существования публичных библиотек США и развития американского библиотековедения. В том числе во взглядах и работах Джесси Шера. Им было сделано немало не только для формирования теоретических основ деятельности библиотеки в обществе знаний, но для развития технологий деятельности библиотек в сфере непрерывного образования, подготовки библиотечных кадров к работе со взрослыми.

References:

1. Библиотечная энциклопедия / Сост.: Е. И. Ратникова, Л. Н. Уланова. М.: Пашков дом, 2007. - 1300 с.
2. Бирюкова Н. А. Основные этапы развития американской системы образования взрослых в 20 веке // Казанский педагогический журнал. 2009. № 1. С. 119-125.
3. Спесивцева Н.В. Развитие образования взрослых в библиотеках США: исторический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск: ТГПУ, 2013. № 1. С. 111–114.
4. Чудинова В. П. Изучение американских публичных библиотек и их пользователей (2003-2008 гг.) // Библиотечное дело — XXI век. 2009. № 2 (18). С. 68–85.
5. Шира Дж. Х. Введение в библиотековедение: основные элементы библиотечного обслуживания / Пер. с англ. В. В. Скворцова, Э. Г. Азгальдова; Под ред. Н. С. Карташова. М., 1983. 256 с.
6. American National Biography. Vol. 19. New York: Oxford University Press 1999. - Pp. 801-802.
7. Coombs P., Ahmed M. Attacking Rural Poverty: How Nonformal Education Can Help. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1974. 292 p.
8. Shera Jesse - Режим доступа: http://ucla245.pbworks.com/w/page/8751414/Jesse%20Shera (дата обращения 12.02.2012).

AGGRESSION AND MOTIVATION TO SUCCESS AS THE DRIVING FORCE OF THE FORMATION OF COMPETITIVE PERSONALITY

[1] Tatiana Valisova

1. Student of FSEI HPE «the Kuban state University», Russia.

Abstract

This article observes the relationship between aggression and motivation to success in the formation of competitive individuals. The aggression and motivation to success are the driving forces for the formation of a certain ideology and ways of achievement. Describes the factors increasing the likelihood of aggression. Motivation is defined as a complex system.

Keywords: aggression, motivation, success, personality, competitiveness, power.

В современном мире проблема человеческой активности занимает особое место. Становление личности, способной осознанно ставить перед собой цели и добиваться их, брать на себя ответственность за принятые решения, детерминировано поведением, сформированным в процессе социализации. Такое поведение обеспечивает мотивация к успеху, отражающая отношение индивида к себе как личности и субъекту деятельности.

Портрет современного успешного человека достаточно противоречив. Однако в нём ярко выделяется две взаимодополняющие черты: настойчивость и агрессия. Если человек не обладает данными качествами, ему очень сложно выдержать конкуренцию и добиться высоких результатов в своей деятельности [2].

Успешные люди – это те, кто чётко видит цель, идёт к ней, не замечая неудач, игнорируя возникающие на пути препятствия. Исходя из этого, они агрессивны. Именно агрессия ведёт человека вперёд, помогая преодолеть появляющиеся на пути препятствия, постоянно стремиться к большему и совершенному.

Наблюдая за успешными людьми и тем, чего они добились в жизни, необходимо отметить, что мотивация, руководящая их поступками, направлена на достижение успеха и отличается от мотивации большинства людей. Их мотивационная и агрессивная составляющие, подкрепляя друг друга, толкают людей на активную, порой, рискованную деятельность, которая направлена на достижение максимально возможного положительного результата [3].

Стремление к успеху практически всегда сопровождается столкновением с препятствиями. Для преодоления большинства препятствий необходимо быть активным, решительным в своих

действиях и даже агрессивным. Агрессивное поведение в последнее время является тревожной социальной, педагогической и психологической проблемой.

Агрессивные люди очень быстро реагируют на внешний раздражитель. Часто к чертам личности таких людей относят быструю возбудимость, раздражительность, обидчивость, несговорчивость, упрямство, враждебность к окружающим. Данные черты проявляются в отношении не только с окружающими, но и с близкими, сверстниками и педагогами. Агрессивные выпады нередко бывают необоснованными, трудно контролируемыми [1].

К тому же агрессивность, став устойчивой чертой личности, негативно сказывается на процессах личностного роста и развития.

Агрессивность, связанная со структурой личности, проявляется во всех сферах жизнедеятельности человека. Это отражается в словах, действиях, поступках и даже в невербальном контексте человека.

Агрессивное поведение выступает своего рода способом решения проблем, защитным механизмом, который помогает личности сохранить индивидуальность, защитить чувство собственного достоинства, ценности, самооценки.

Агрессивные действия чаще всего трактуются как:

–средство достижения какой-либо цели;

–способ психологической разрядки;

–способ удовлетворения потребности личности в самоутверждении и самореализации.

Некоторые проявления агрессии являются признаком развивающихся психопатологических изменений личности. Огромную роль при самоконтроле агрессивности и агрессивных выпадов играет развитие психологических процессов сопереживания, отождествления с другими членами общества. Эти процессы помогают личности формировать представления о других людях как об уникальных и ценных представителях общества.

Причинами проявления агрессивности могут выступать разного рода факторы, причиняющие вред или доставляющие неудобство человеку. Однако существуют такие психологические процессы, которые помогают сдерживать агрессивные порывы и понимать и принимать других людей.

Проявление агрессивности у студентов может вызываться не только влиянием воспитания. Люди и ситуации, в которых оказывается студент, могут также формировать его склонности к агрессивному поведению, если оно способствует достижению успеха. При этом агрессия выступает в роли инструмента для достижения поставленной цели [1].

Мотивация представляет собой систему внутренних свойств человека, посредством которых он удовлетворяет свои потребно-

сти. Мотивация определяет поведение и направленность человека. Часто мотивация представляется субъекту в виде переживаний, проявляющихся в положительных или отрицательных эмоциях.

Мотивация к успеху – это специфический вид мотивации человека. Обладая более сильной мотивацией, чем другие, некоторые люди добиваются успеха там, где другие часто терпят неудачу.

Предполагая наличие взаимосвязи между чертами личности, мотивами и агрессивностью, очень трудно научно доказать и продемонстрировать прямую связь. Во-первых, случайные факторы той или иной ситуации воздействуют на появление агрессивного поведение больше, нежели черты личности. Хоть индивидов и можно различить по склонности к агрессивности, эти различия часто подавляются ситуационными факторами. Во-вторых, продемонстрировать прямую связь между агрессией и мотивами к успеху трудно из-за неудовлетворения желаемых требований надёжности и достоверности и валидности исследуемых критериев [1].

Многие устойчивые мотивационные характеристики могут являться мощными причинами агрессии потенциальных агрессоров, то есть черты личности, не поддающиеся изменению под воздействием ситуативных факторов. В качестве преувеличенных психологических характеристик агрессивного поведения нормальных личностей чаще всего выделяются такие черты личности, как боязнь социального неодобрения, нервозность, склонность преувеличивать негативные действия других людей. В любой ситуации человек убеждает себя в том, что он является хозяином своей судьбы и не может испытывать чувство стыда или вины [3].

В зависимости от системы норм и ценностей конкретной личности одна и та же поведенческая реакция может быть воспринята и как чрезмерно агрессивная и как нормальная. Такого рода личностные установки проявляются наиболее ярко и способны оказывать огромное влияние агрессивное поведение.

Внешние ситуативные факторы повышают вероятность возникновения агрессивного выпада. Агрессивность, возникшая на провокацию и демонстрацию личностного превосходства, постепенно трансформируется в устойчивую личностную мотивацию к успеху. Возникающие агрессивные действия, отвечающие на провокацию, порождают стремление к достижению поставленной цели.

Проблемы межличностного и межгруппового взаимодействия, с которыми сталкивается человек, способны подтолкнуть к модификации агрессивных реакций. Если индивидуальные характеристики потенциальной жертвы закономерно совпадают с агрессией, потенциальный агрессор, скорее всего, отреагирует агрес-

сивно [4].

Мотивационные стремления представляют собой сложную систему. К ним относятся мотивы, ожидания, ценности успеха, детерминанты поведения. Мотивационные модели каждой личности состоят из мотива, ожидания и ценности.

Поведение, направленное на успешное достижение цели, определяется взаимовлиянием двух тенденций: стремления к успеху и избегания неудачи.

Сила, которая непреодолимо влечёт личность к тем или иным действиям понимается как тенденция стремления к успеху, проявляясь в интенсивности и настойчивости.

Сила, которая подавляет у личности выполнение тех или иных действий, предположительно способных привести к неудаче, определяется как тенденция избегания неудачи. Подобная тенденция возникает при попытке выхода из негативной или кризисной ситуации [1].

Мотивация к социальному успеху также рассматривается как движущая сила для достижения наиболее значимых результатов в той или иной деятельности и приводит к завоеванию высокого социального положения и статуса. Также, благодаря этому, у личности появляется возможность примерить на себя новые социальные роли и показать себя с другой стороны. Однако, вскоре после завоевания высокого социального положения, с удвоенной силой начинают проявляться агрессивные реакции на окружающие обстоятельства. Большое внимание учёными уделяется исследованиям мотивации к успеху в профессиональной деятельности, её влиянию на эффективность и результативность действий, на формирование комфортных условий и здоровой психологической атмосферы. Мотивация к успеху отражается и в личностных особенностях, таких как фрустрации, самооценке, уровне притязаний.

Мотивированность человека на успех – это, прежде всего, способность к сохранению или увеличению способностей человека на максимально возможном уровне. Причём данная способность проявляется во всех видах человеческой деятельности, отвечающим требованиям успешности. Многие виды деятельности предполагают наличие агрессивной составляющей в структуре личности. Агрессивное поведение наблюдается не только у профессионалов, но и у студентов в процессе получения образования. Каждому студенту свойственен индивидуальный уровень мотивации к успеху, однако агрессивность позволяет некоторым вырваться вперёд и ставить перед собой оригинальные и достаточно трудновыполнимые цели. Агрессивность при этом помогает достигать высоких результатов и выражается в настырности, упорстве и сосредоточенности на цели.

References:

1. Бэрон Р. Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 2007.
2. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб., 2007.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия. 2009.
4. Психология человеческой агрессивности / К.В. Сельченок. Мн., 2009.

GLOBAL ENGLISH IN RUSSIA'S CULTURAL CONTEXT

[1] Tatiana Voronchenko
[2] Alla Mikhina

1. Professor, Doctor of Philology, the Director of Philology and Intercultural Communication Research Institute, Transbaikal State University, Russia.

2. Candidate of Education, Associate Professor, Transbaikal State University, Russia.

Abstract

The article is concerned with the phenomenon "Global English" and its role for Russia under the modern circumstances of globalization. The authors mainly examine the concept "Global English", analyze the problems of the English language usage in different spheres in Russia – education, sport, tourism, state management.

Keywords: Global English, the English language, international communication, globalization.

It is common knowledge that the English language has achieved some sort of a global status. The idea of growth of English as a global language is being mentioned by many scholars, educators and different authors (David Crystal, Marc Hempel, Bilal Genç, Erdoğan Bada, D. Bakopoulos, Jane O'Brien) [1, 2, 3, 4] using such words as "official language", "working language", "predominantly speaking", "international language", "drawing a larger audience", "easy-to-learn", "World language", "International Auxiliary language", "universal academic language", "a common language".

It should be mentioned that for the present there is no generally accepted definition for the notion "Global English". The Oxford Dictionaries Online site says there is "no exact results found for *Global English*". But there is a notion "World English" which is defined as "the English language including all of its regional varieties, such as North American, Australian, New Zealand, and South African English", "a basic form of English, consisting of features common to all regional varieties" [5]. Macmillan Dictionary says "sorry, no search result for "global English" and defines "World English" as "used and recognized by people in all the countries where English is spoken" and "all the different varieties of English used in countries across the world" [6]. So, it highlights the idea that English is in use in many parts of the world and serves various purposes.

Nevertheless, despite the absence of the definition of Global English in the dictionaries, several authors try to define this notion in their books. In "The Global English Style Guide: Writing Clear,

Translatable Documentation for a Global Market" John R. Kohl says that in his book "Global English refers to written English that an author has optimized for a global audience by following guidelines that go beyond what is found in conventional style guides. The Global English guidelines focus on the following goals:

- eliminating ambiguities that impede translation;
- eliminating uncommon non-technical terms and unusual grammatical constructions that non-native speakers (even those who are quite fluent in English) are not likely to be familiar with;
- making English sentence structure more explicit and therefore easier for nonnative speakers (as well as native speakers) to analyze and comprehend;
- eliminating unnecessary inconsistencies" [7, c. 2].

So, probably, the main characteristic feature of English as Global as we have seen it above is "optimized", that is without ambiguities, without uncommon terms and unusual grammatical constructions.

However, the prominent linguist David Cristal, whose whole book covers the notion of "Global English" states that English is global not because of its grammar or vocabulary. "These are all factors which can motivate someone to learn a language… A language achieves a genuinely global status when it develops a special role that is recognized in every country… The role of an official language is today best illustrated by English, which now has some kind of special status in over seventy countries… A language has traditionally become an international language for one chief reason: the power of its people – especially their political and military power." [8, c. 4-9].

Many publications have been devoted to the study of the worldwide spread of English as a global language as a phenomenon having serious linguistic, ideological, sociocultural, political and pedagogical implications [9]. One of the problems that can broadly be associated with the English language is its role of a Lingua Franca (J. Jenkins, B. Seidlhofer) [10, 11, 12]. The researches aim at characterizing communication in English between people from different linguistic backgrounds. That is, they explore the communication strategies employed by non-native speakers of English when they communicate with each other or address their speech to the world.

Watching the latest news to find out what is happening in the Middle East, in the Arab world, in Africa or in Europe we observe that local people are being interviewed in English, and they answer in English, and their posters and banners are in English… Obviously, they find this language an effective tool to convey their thoughts and ideas to achieve the minds of the world community.

Nevertheless, being indeed the working language for the researchers and the official language of many organizations, it is not assumed as a global language by everyone, even in the United States.

According to some surveys from 1980 to 1990 the number of Spanish-speakers in the United States grew by 50 percent. Over the same decade the number of speakers of Chinese in the United States grew by 98 percent. Today approximately 2.4 million Chinese-speakers live in America, and more than four out of five of them prefer to speak Chinese at home. Moreover – many immigrants do not speak English well and some may not even see the point of going to the trouble of learning it [13].

In Russia, it's the other way round. Studying English is not only a popular free-time activity, but even a fashionable trend. Many schoolchildren and students wish to visit any English-speaking country for getting to know cultural differences and for taking an English language course. Knowing English is associated in Russia with prosperity in business and with having a prestige work. A foreign language is an obligatory subject in the curriculum for students of comprehensive and higher schools. So, Russian students have to learn it and most often parents want their children would be taught English. That is why millions of university students in Russia study English as a Foreign Language and as a Language for Specific Purposes. University courses are focused on mastering skills to prepare students to communicate in the professional sphere. Moreover, in Russia the English language is taught as an actual means of cross-cultural and international communication.

Taking into consideration the importance of the English language and the growth of its role in the world, some years ago it was decided to run a master-programme course delivered in English at Zabaikalsky State University in the city of Chita, Transbaikal Region. This programme was developed for the graduates to improve their skills and make them ready to work in the area of international communication. It is the first and the only such course in Eastern Siberia.

The students of this master-programme were interviewed about the influence of English in the world arena, about their reasons for studying English and its usefulness for their future career. Namely, they were asked the following questions:

1. Will you name the factors which influence the growth role of English as a Global language?
2. Will English keep its role as the language of world mass media and the Internet?
3. What language should be the language of international communication in science, technology, etc. and why?
4. Do you consider your master-programme in English of great importance? Why?
5. What are your advantages as a student or a graduate of a master-programme in English?
6. In what ways is/was English useful for you?
7. How do you plan to use English in your future?

Answering the first question, students mentioned the following factors which had a great impact on the dissemination of English:

- historical (it was exported by migrants from the British empire to different colonies);
- political (the prevalence of the USA and its international influence upon the world political arena);
- economic (globalization factors);
- cultural (influence of popular American culture (Hollywood movies, music, etc.).

Discussing the role of English as the language of international communication, science and technology the students suppose that English will keep its place in the world as the prevalent one in case the USA position as the dominant power is not occupied by the growing Chinese power, otherwise the Chinese language with its great number of speakers can take place as the most influential one. However, is unlikely that this oriental language would become more popular than English because of its complexity and hieroglyphs. Moreover, it is obviously enough that for the present moment our society is eurocentric, not asiacentric. The advertisement signs, billboards, the names of the shops or hotels in Russian cities in China border region are in English, not in Chinese (Voronchenko T., Mikhina A.) [17]. Therefore, English tends to keep the advantageous positions at least in political, economic and cultural spheres. Due to its laconicism and the state of being relevant the English language, probably, has great chances to take part of New Latin.

Speaking about the importance of the English language in education the students point out that it helps to improve their linguistic skills, it allows to deal with foreign sources of information, it enlarges the world outlook. For the master-students of World Literature programme delivered in English this language helps to grasp a wide range of information, research articles and literary sources in English which are concerned with the theme of their master dissertation. Moreover, the English language is useful in everyday life (from reading the English and American literature to reading technical instructions, using the Internet and communicate with foreign friends via Skype or e-mail). Besides, when reading the literary works the students of our master-programme are happy to have a feedback with some foreign writers. They say: “We are reading and analyzing their novels and poems – and we are immediately getting in touch with them by means of e-mail or social nets. They are ALIVE! And it is happening to us NOW, TODAY! Certainly, it is very interesting and useful experience!” So, it is highly important that the master-programme students have an opportunity to use English for their personal and practical needs. That proves a great value of this course developed and held in Eastern Siberia.

What is more, in Russia the English language is popular not only

among the youth. Nowadays all modern society is influenced by the process of globalization in different spheres. The way of life of the Russians has being seriously changed because of such phenomena of the last decades as the largeness of cultural context in Russia and the growing mobility of its citizens. More and more people tend to study foreign languages, get to know culture, history, customs and traditions of the country which language they study and a great number of them choose the English language to meet their purposes. One of these purposes is to develop their competence in professional sphere. As is well-known, in post-Soviet Russia not only personal contacts were being developed but the intensive communication on a state, political and economic levels as well. That's why the knowledge of English is an advantage for those who deal with international affairs. At present, Russia is integrated into the world community and in some regions it is an obligatory for clerks and official men to speak English. For instance, in Tatarstan they employ only officials who know English. The president of Tatarstan says that in their region there was developed a special programme for clerks to study English, though many of the officials can already speak Basic English [14]. It is of highly importance for Kazan because of the coming Universiada there and different economic and touristic activities concerned.

If we take into consideration post-soviet areas, it should be mentioned that the English language has acquired a great importance for Kazakhstan. This country is in close relationships with Russia and other countries in scientific and educational spheres, the Kazakh scholars present their papers within different international conferences.

Another region in Russia where English is extremely essential nowadays - Krasnodarsky krai, Sochi. The future Olympic Games 2014 will bring many foreign tourists and sportsmen accompanied by different officials to this place. In its turn, it highlights the problem for local people concerning the English language proficiency. Practically all hotels, travel agencies, cafes and restaurants will need English-speaking staff. Today these organizations have to translate their menu, signs, advertisement, leaflets into English and we should admit that there are a lot of mistakes which lead to cultural misunderstanding or even to an offense. For example, in the Russian language it is common enough to abridge the phrase "a wide range of goods" or "an assortment of goods" to the short word-combination "в acc." Thus, one of the foreign visitors reading the menu in Sochi airport came across the following: "The ice-cream in ass." Here we have to suppose that the phenomenon of the linguistic interference takes place. That is why in the Russian price lists the word combination «в ассортименте» turned out to be as follows - "in ass." – in English it is rude and comical at the same time and sounds like an anecdote. Even worse

thing happened in the wine-list where they offer a wide assortment of French wine: "Blame of France in ass." [15]. In addition to the phenomenon mentioned above this example shows over-literal rendering, even clumsy literalism, which often is an object of jokes (in Russian в***и***на ≠ вин***а***; in English wine ≠ blame). It may happen so because of the misuse of the electronic translator. To cope with the situation Sochi administration hired the professional English-speaking staff of the local International Affairs Department to correct or approve all signs and menus before they would be typed for the public. So, it should be admitted, that while the world is getting globalized, the English language usage in everyday spheres in Russia remains so far behind.

Moreover, there are another global sports and economic projects which point out the importance of the English language for Russia. The World Football Championship in 2018, the Swimming Championship in 2015, joining The World Trade Organization, signing international educational standards – all these prove that learning English is quite topical. Consequently, nowadays in Russia not only statesmen and officials should speak English, but as well it is necessary for economists, shop-assistants, policemen, taxi drivers, barmen, receptionists and others.

As developing speaking skills is a difficult problem, for this reason special language courses are being developed. The problem of teaching English is particularly complicated in Russia where for so many years it was focused mostly on developing reading skills. At present it is available to deal with English in much more ways - communicating face-to-face, having a talk with the help of special computer software, writing e-mail or SMS-messages or listening to podcasts, thus mastering speaking, writing and listening skills. It should be mentioned that all these skills cannot be developed without the background knowledge of the world of the language under study. To produce speech it is not enough just to know words and rules of their usage in a sentence. The matter is the visions of the world by different peoples representing various speech communities do not coincide. Indeed, language reflects peoples' feelings who use it. The language picture of the world is not the same for every nation. It makes the importance and inevitability of the sociocultural component so evident [16]. A lot of those who study English are surprised to know that the word *night* denotes a different time period for Russians and Englishmen, as well as the time to have dinner, the manner to name floors and to write the address and many other examples. Words of different languages which seem to denote one and the same object or phenomenon can hardly be equivalents in the full sense of the word because of the different sociocultural content. All these have to be taken into consideration while developing language programmes and teaching process. So, to

avoid misunderstanding and to achieve success in communication we should keep in mind that "… the speaker sees and appreciates a foreign world through the prism of his/her own culture … Every lesson of a foreign language is a crossroads of culture, every learner of a foreign language intrudes an alien world …" [16, p. 157].

Thus, speaking about the English language in Russia's cultural context, about the importance of Global English for Russia under the modern circumstances it should be mentioned that our country turned to be inclusive into the processes of global intercultural communication. These processes demand taking into the consideration sociocultural features of the English-speaking world as well as new ways of studying and teaching English as the Global Language.

Работа выполнена при поддержке гранта в рамках государственного задания № гос.регистр. НИР 01201253594

Статья публикуется впервые 10.06.2013

References:

1. Marc Hempel. Global English: English is changing the world: in what way is the world changing the English language and the way it will be taught? Munich: GRIN Verlag, 2010. 28 p.
2. Bilal Genç, Erdoğan Bada. English as a World Language in Academic Writing. The Reading Matrix, Volume 10, Number 2, September 2010. pp.142-151.
3. Bakopoulos, D. English as universal academic language: Good or bad? The University Record, January 28, 1997. Retrieved February 10, 2013, from http://www.umich.edu/~urecord/9697/Jan28_97/artcl18.htm
4. Jane O'Brien. Learn English online: How the internet is changing language. BBC News Magazine, 14 December 2012. Retrieved February 105, 2013, from http://www.bbc.co.uk/news/magazine-20332763
5. The Oxford Dictionaries on-line. Accessed 15.04.2012 on http://oxforddictionaries.com/definition/world%2BEnglish?q=world+English.
6. Macmillan Dictionary. Retrieved February 10, 2013, from http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/World-English
7. John R. Kohl.The Global English Style Guide: Writing Clear, Translatable Documentation for a Global Market. SAS Institute Inc.Cary, North Carolina, USA. –2008.- p.2.
8. D. Cristal. English as a global language/Second edition. Cambridge University Press/ Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sro Paulo. 2003. p. 4-9.
9. English as an International Language. Perspectives and Pedagogical Issues. Edited by Farzad Sharifian. Multilingual Matters. Bristol.Buffalo. Toronto. 2009. – 303 p.
10. Jenkins, J. Current perspectives on teaching World Englishes and English as a Lingua Franca. TESOL Quarterly 40 (1), 2006. p.157–181.
11. Jenkins, J. English as a Lingua Franca: Attitude and Identity. Oxford: Oxford University Press, 2007.
12. Seidlhofer, B. Research perspectives on teaching English as a lingua

franca. Annual Review of Applied Linguistics № 24, 2004. pp. 209–239.
13. Barbara Wallraff. What Global Language? The Atlantic. November, 2000. Accessed 12.03.2012 on http://www.theatlantic.com/issues/2000/11/wallraff. htm.
14. Долгополов Н, Кондрева О. KAZAN по-английски. Российская газета. 15.09.2011. № 206 (5582). С. 4.
15. Айвазян С. Сочи хочет освоить английский к Олимпиаде. Accessed 15.04.2012 on http://news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_7342000/7342131.stm
16. Ter-Minasova S. Language, Linguistics and Life. A view from Russia. М.: Красанд, 2011. 176 с.
17. Воронченко Т.В., Михина А.Э. Диалог культур: английский язык в повседневной среде российского города// Вестник ЗабГУ, Чита, изд-во ЗабГУ, 2012. №9(88). С. 73-80.

DEVELOPMENT OF YOUTH VALUE ATTITUDE TO MOTHERLAND BY MEANS OF NATIONAL ART CRAFTS

[1] Rada Salakhova

1. Kazan (Volga region) Federal University, Russia.

Abstract

In this article development of youth value attitude through the use of beauty of national art crafts, that promotes formation of a complete personality and actualization of its valuable relation to Motherland, is considered. The author regards realization of pedagogical potential of national art crafts as a factor of development of moral valuable orientations of youth and considers it possible on the basis of use of certain methodological approaches, such as: the axiological; the culturological; the event.

Keywords: youth, national art crafts, personality formation, value attitude to motherland development, moral valuable orientations, axiological approach, culturological approach, event approach.

Современный период общественного развития характеризуется все возрастающим интересом народов к своему историческому и культурному наследию, что наблюдается в гармоничном слиянии общечеловеческого и духовного начала, бережном использовании национального художественного опыта, который может быть направлен на развитие художественных и творческих способностей молодёжи. Как показывают исследования последних лет, в мировом образовательном сообществе сегодня происходит постепенное возрождение интереса к национальной культуре. Каждый народ, накапливая национальные ценности, не уничтожает их, а лишь пересматривает своё отношение к тем или иным образцам художественного творчества.

Народное художественное творчество сочетает в себе как историческую память данного этноса и его традиции, так и удивительную самобытность и эстетическую функциональность предметов прикладного искусства. Благодаря народному художественному творчеству воспроизводится все богатство национальной культуры, с одной стороны, помогающей самоидентификации личности, а с другой, транслирующей ценности народной культуры вовне и помогающей устанавливать плодотворные культурные связи внутри страны и за её пределами. В этом видится потенциал народных художественных промыслов как в рамках формирования разносторонне развитой личности, так и в её ценностном воспитании.

Проблема формирования ценностного отношения к Родине в процессе художественного творчества требует обращения к базовым категориям: ценности, ценностное отношение и т.д. Ценность, по определению российского философа М.С. Кагана, следует рассматривать как феномен, возникающий в «объектно-субъектном отношении», поэтому она представляет собой некий **объект** для субъекта; в то время как оценочный момент есть «эмоционально-интеллектуальное выявление этого значения **субъектом**» [1]. Субъектом здесь может выступать как отдельный индивид, небольшая общность людей (семья, коллектив), так и большая социокультурная группа (профессиональная группа, поколение, нация). Обычно личность выступает носителем всей совокупности ценностей, разделяемых данным сообществом. Любое событие, имевшее место в обществе, так или иначе, значимо, поскольку оно выполняет определённую социальную роль. Однако только некоторые из общественных событий способны стать положительно значимыми и представлять ценность для личности [4]. В связи с этим можно сделать вывод, что ценность - это не всякая значимость, а лишь та, которая играет положительную роль в развитии общества, и связана, в конечном счёте, с социальным прогрессом [4].

Ценностные ориентации рассматриваются как индивидуальные формы проявления надындивидуальных ценностей, отношения между ними строятся либо в соответствии с категориями «общее – индивидуальное», либо согласно критерию «реально действующее – внутренне осознаваемое».

Ценностное отношение, любовь к своей Родине как универсальные ценности способны реально обеспечить каждому человеку условия для максимальной реализации заложенных в нем возможностей. Ценностное отношение к Родине является таким уровнем действия личности, когда учитывается не только её индивидуальный, но и общественный опыт; когда индивид, ставя перед собой конкретные цели, представляет себе нравственные последствия своих поступков. Это в полной мере согласуется с педагогической аксиологией, утверждающей ценность человеческой жизни и идеи гуманистического воспитания и обучения в целом.

Народное художественное творчество носит синкретичный характер, соединяя в одно целое совокупность связей человека с окружающим миром и отражаясь в его духовной и практической деятельности. Само происхождение народных промыслов, как известно, различно. Одни берут своё начало в крестьянском бытовом искусстве, связанном с изготовлением как повседневных, так и праздничных нарядных бытовых предметов для себя и своей семьи. Так, например, ручная узорная вышивка, которую использовали при выполнении одежды, полотенец, столешников и

т.д., стала затем основой для последующих оригинальных ткацких и вышивальных промыслов. Другие промыслы являются продолжением деревенских ремёсел, например, гончарное дело, плотницкая резьба, набойка на тканях и т.д. С течением времени они распространились в отдельных центрах, часто охватывая целые районы, и превращались в художественные промыслы. Изделия народных художественных промыслов ценятся именно потому, что они сохраняют творческий характер труда мастера, результатом которого является неповторимое произведение искусства.

В народных художественных промыслах заложен большой воспитывающий потенциал (не только в уже готовых изделиях, но и в самом процессе их изготовления), что предполагает необходимость самого активного его использования в формировании ценностного отношения к Родине, т.к. в изделиях народных мастеров можно увидеть органичное единство практической направленности предмета с её национальным колоритом и высокими эстетическими достоинствами.

При этом ценностное воспитание молодых людей через использование красоты народных художественных промыслов развивает и формирует творческие способности (творческое воображение, интуитивное мышление, преодоление стереотипов, индивидуальную экспрессию и т.д.); способствует эстетическому самообразованию и самовоспитанию и формирует, в конечном счёте, целостную личность и творчески развитую индивидуальность, действующую по законам красоты.

Такая личность ценностно вбирает в себя единство эстетических чувств, знаний и убеждений, ценностных норм и навыков деятельности и поведения и, следовательно, последовательность воплощения в жизнь эстетических ценностей в соответствии со своим эстетическим идеалом. Эти качества личности способствуют её мотивации к актуализации ценностного отношения к Родине, включающее в себя следующие компоненты духовной культуры: культуру образования; культуру воспитания; культуру нравственно-духовной жизни; эстетическую культуру; народное художественное творчество; культуру научной жизни; информационную культуру; культуру индивидуального и общественного сознания и культуру права выбора.

В этом отношении татарский национальный костюм – бесценное достояние культуры народа, нить в полотне времени, не только яркий самобытный элемент культуры, но и синтез различных видов декоративного творчества, вплоть до середины XX века сохранившего традиционные элементы кроя, орнамента, использования материалов и украшений, свойственных одежде татар в прошлом. Основной смысл и ценность народного костюма, его философия – в его демократичности, широко понятой функциональности, логике форм и конструкции, его рациональности и це-

лесообразности. Прямое следствие интереса к народному костюму – любовь к татарской культуре и её традициям.

Создание современного татарского костюма – это процесс творческого синтеза национальных традиций и современных реалий. В моделях используются разные пропорции и цветовые сочетания, ткани с печатными рисунками по татарским народным мотивам, аппликация, вышивка, традиционный крой отдельных деталей одежды, традиционные материалы. И хотя дизайнеры предлагают не этнографический костюм, а вполне современный, все же он обязательно сочетается с элементами национального колорита.

Реальное подтверждение этому представляет творческая деятельность студии костюма "Tatar Style" при кафедре изобразительного искусства и дизайна Казанского федерального университета и дизайн-проекты студентов - коллекции моделей современной одежды на основе традиционного народного костюма. Главная задача студии костюма - демонстрация синтеза традиционной и универсальной культур как способа разрешения проблемы культурного дисбаланса на примере одежды; формирование у широкой аудитории интереса к уникальным традициям татарского ремесленного искусства. «Дефиле из истории в будущее» – так можно охарактеризовать коллекции студии костюма "TatarStyle". В студии костюма студенты изучают историю не только историю развития национального костюма, декоративно-прикладного творчества, а также особенности использования материалов, орнамента и вышивки.

Так, в одной из коллекций – "Монлы Казан" –, представленной на международный конкурс дизайнеров мусульманской и национальной моды «International Fashion» интерпретированы национальный колорит одежды, связь прошлого и настоящего.

В современных моделях часто много выразительных идей, но они порой меркнут в однозначном предпочтении эффектных и дорогостоящих материалов: шелка, бархата, замши, мехов, всевозможных сверкающих тканей, богатство которых порой заслоняет художественный вкус и красоту. Не отсюда ли возникает порой ощущение ложного, псевдонационального искусства в стилизаторских поисках под "народное" в ряде современных коллекций. В стилизованной молодёжной коллекции "Монлы Казан" передаётся вся красота, плавность кроя и строгость линий, гармония в декоре и цветовой гамме татарского национального костюма. Это представляет национальный костюм в совершенно новом облике. Женские костюмы украшает изю – пояс – деталь, объединяющая в себе пояс и традиционную деталь татарского костюма 18 века – изю. В качестве материала для изготовления одежды, аксессуаров, декорирования обуви коллектив студии использует традиционный материал кочевых народов – войлок, который, с

точки зрения современного дизайна, является материалом практически универсальным.

Реализация педагогического потенциала народных художественных промыслов как фактора развития нравственных ценностных ориентаций молодёжи возможна на основе использования определённых методологических подходов: аксиологического; культурологического; событийного. В процессе коллективного и индивидуального творчества при создании национального костюма данные методологические подходы реализуются в комплексе.

Аксиология утверждается как трансляция общечеловеческих нравственных ценностей и специфики их проявления в национальной культуре. Популяризация народного костюма осуществляется в форме активной созидательной деятельности, личность имеет возможность лучше осознать своё «Я» и своё отношение к социуму, где она живёт, учится и работает. Это неминуемо сказывается на ценностном отношении к Родине, на направленности на осмысление и признание её духовных ценностей. В этом смысле в центре ценностного отношения к Родине можно назвать понимание со стороны учащейся молодёжи своего главного предназначения – служение Родине и её народу.

Культурологический подход ориентирован на развитие студента как личности в формах культурного бытия. В процессе понимания народной художественной культуры молодой человек начинает глубже чувствовать красоту, восхищаться ею. Поэтому для него надо создавать все условия, в которых он бы сам мог экспериментировать и искать, пробовать и контролировать, находить и реконструировать [2], что обеспечивает студийный характер творчества. Несмотря на то, что в дальнейшем личность может перестать заниматься активным творчеством, она в любом случае вырастет до понимания необходимости искусства. Вовлечённость молодых людей в социально значимую деятельность является ресурсом и инструментом освоения ими компетентностей, поиска, анализа, освоения и обновления информации, прогнозирования и проектирования. При этом у них развиваются такие качества, как самостоятельность, креативность, аналитические и исследовательские способности [3].

Событийный подход обычно рассматривается как один из аспектов личностно-деятельностного подхода, и суть его заключается в превращении организуемого мероприятия в интересное для всех участников дело, которое по своему эмоциональному восприятию приобретает характер незабываемого события. Процесс подготовки коллекции, вовлечение в её обсуждение большого числа людей, показы, осуществляемые в формате праздничных событий, поездки на конкурс, освещение событий в прессе – все это придаёт этой деятельности общественную значимость, неординарность, яркость, разворачивается в сеть событий. Таким обра-

зом, практически-преобразовательная деятельность по созданию образцов народной художественной культуры транслируется в процесс эстетического развития молодых людей, что на сегодняшний день выступает главным условием формирования их ценностных отношений.

References:

1. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание*:* Избр. статьи. СПб., 1991.
2. Крылова Н.Б. Культурология образования. М., 2000. С. 111.
3. Муртазина С.А., Хамматова В.В. Проектно-исследовательская деятельность будущих дизайнеров по разработке современного костюма с использованием полимерных материалов // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 8. С. 287-293.
4. Сокурянская Л.Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода: [Монография]; [Рец.: В.И. Астахова и др.]; Харьк. нац. ун-т им. В.Н. Каразина. Х., 2006. С. 112.

ASSESSMENT OF THE AMERICAN HISTORIAN OF THE GERMAN-SOVIET WAR

[1] Alexander Gadeev

1. Doctor of philosophical Sciences, Professor, the chair of Social, economic Sciences and Ukrainian studies, Vice-rector of the Kerch state marine technical University.

Abstract

The article is an analysis of the work of the American historian Earl Zemke «From Stalingrad to Berlin. Operations of Soviet troops and the Wehrmacht. 1942-1945» in the part, in which the author gives an estimate of the overall German-Soviet war. This estimate differs from the positions of domestic scientists. However, from a scientific point of view, the views of the American historian are of some interest.

Keywords: the most important battles of the factors of the victory, the huge scale of the war, the military losses, especially of the victory, the conduct of hostilities on one front.

Современному читателю интересующемуся Второй мировой войной известно имя американского историка Эрла Земке, книга которого «От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942-1945» была опубликована в 2010 году издательством Центрполиграф. Эрл Земке начальник отдела военно-исторической службы армии США в своей книге рассказывает о важнейших сражениях Второй мировой войны и тех факторах, благодаря которым Советский Союз стал доминирующей державой Европы. Автор последовательно, день за днём проследил ход важнейших боев между советскими войсками и немецкими армиями от Сталинграда до Берлина, осветил все аспекты партизанского движения, поведал об операциях, которые призваны изменить ход войны.

В книге нашли отражение материалы из трофейных архивов германских сухопутных войск и военно-морских сил. Использованы мемуары и другие письменные свидетельства очевидцев, принимавших участие в боевых операциях на Востоке. Эрл Земке делает ссылки на работы российских историков при оценке потерь. В частности на книгу «Россия и СССР в войнах XX в. Потери вооружённых сил» под редакцией Г.Ф. Кривошеева, на книгу «Всероссийская книга памяти» 1995 года издания. [1]

Историк отмечает огромные масштабы Советско-Германской войны. «Самой отличительной чертой германо-советского конфликта во время Второй мировой войны является его огромные масштабы. На этом фронте беспрерывные бои шли в течение 3 лет 10 месяцев и 16 дней. С осени 1941 до осени 1943 г. протяжённость советско-германского фронта никогда не была менее

чем 3000 чел., а в конце 1942 г. она достигла почти 5 тыс. км. Боями была охвачена территория Восточной и Центральной Европы от Волги до Эльбы, от Кавказа до Альп. Немецкие армии прошли по территории Советского Союза почти 2 тыс. км. В ответ советские войска преодолели на пути к Берлину почти 2,5 тыс. км». [2]

Учёный отмечает величину потерь на Восточном фронте, количество военнопленных, раненых, калек. «Общая численность постоянно участвовавших в боевых действиях военнослужащих составляли от 8 до 9 млн. человек. Потери были колоссальными. Вермахт потерял убитыми в боях от 3 до 3,5 млн. человек. (По современным данным, Германия на советско-германской фронте потеряла 3604,8 тыс. убитыми и умершими от ран. Умерло в плену 442,1 тыс. (из 3576, 3 тыс.). Итого демографические потери составили 4270,7 тыс. человек. Кроме того, на Восточном фронте погибло и пропало без вести 668163 солдата и офицера стран-союзников Германии (Венгрия – 295300, Италия – 43910, Румыния – 245388 (до объявления войны Германии), Финляндия – 82000, Словакия – 1565), умерло в плену 137753, демографические потери составили 806 тыс. Итого 4270,7 + 806.0 = 5076,6 тыс.» [3] Историк ссылается на книгу под редакцией Г.Ф. Кривошеева «Россия и СССР в войнах XX в. Потери вооружённых сил». Многие западные авторы подчёркивают факт того, что советская сторона во время Великой Отечественной войны не здорово вела учёт всего того, что касалось боевых потерь. Земке отмечает советские военные потери чётко и определённо. «Военные потери советской стороны составили более чем 12 млн. солдат и офицеров, около 47% военнослужащих всех армий, погибших во Второй мировой войне. Убито в боях и умерло от ран на этапах санэвакуации 5226800 чел. 11028800 умерло от ран в госпиталях, 555500 – от болезней и в результате происшествий. 4559000 пропало без вести (военнопленные), из них 939700 призвано в армию снова; из плена позже вернулось 1836000 чел. Общие демографические потери вооружённых сил СССР – 8 668 400 человек» [4].

«В результате войны и оккупации Советский Союз потерял около 7 млн. гражданских лиц. (Из 73 млн. человек на временно оккупированных территориях преднамеренно истреблено 7 420 135 человек, умерло также 2 164 313 человек из 5 269 513 вывезенных на работы в Германию, ещё 4 100 000 умерло от преднамеренно жёстких условий оккупации (голод, инфекции, отсутствие медпомощи). Итого 13 млн. 684,5 тыс. Для немцев эта цифра составила 1,5 млн. С учётом военных и гражданских потерь Финляндии, стран Прибалтики, Восточной и Юго-Восточной Европы, к этим цифрам добавились ещё миллионы». [5]

Земке анализирует в чем особенности победы Советского Союза. «Победа Советского Союза была победой людских ресурсов и

промышленности, которые советский режим эксплуатировал с абсолютной безжалостностью. Немецкая сторона могла бы в ответ выбрать два способа ведения войны: после провала попытки блицкрига немцы могли бы попытаться привести войну к патовой ситуации, как это было в Первой мировой войне. Другим способом было вести бескомпромиссную борьбу, не останавливаясь перед крайними мерами для достижения своих целей. Немцы предпочли пойти на огромные человеческие жертвы и материальные затраты. В то же время Германия не могла заплатить за победу более высокую цену, чем это сделал Советский Союз. Это гарантировало советскому руководству ряд практически непрерывных военных побед, без которых оно не могло бы заставить свой народ пойти на такие тяжёлые жертвы. Избранный противником путь (расчистка «жизненного пространства» для немцев) не давал советским людям другой альтернативы, кроме выбора собственной тирании вместо чужеземной.» [6]

Анализируя положительное и ошибки с той и другой стороны Земке отмечает, что «Самой большой ошибкой со стороны немцев было то, что они не могли предположить, что встретят со стороны советских людей подлинный героизм, самопожертвование и самоотверженный труд. Советская административная система доказала свою способность мобилизовать человеческие ресурсы, промышленность и сельское хозяйство на военные нужды даже в условиях жесточайшего пресса первых месяцев войны, когда было потеряно почти две трети промышленных и половина сельскохозяйственных мощностей. Главным достижением были эвакуация и ввод в эксплуатацию имевшихся промышленных предприятий, строительство новых заводов и фабрик, освоение новых сельскохозяйственных площадей. Кроме того, далеко не последним фактором стал беспрецедентный, не имевший аналогов перевод экономики на военные рельсы. В самом деле, абсолютные показатели роста советской экономики были не так важны, как массовое сосредоточение предприятий на выпуске средств ведения войны, таких как стрелковое оружие, артиллерия, боеприпасы, танки, истребители и штурмовики» [7].

Ведение боевых действий на одном фронте историк рассматривает как особое преимущество. «Советский Союз, по сравнению с другими участниками военных действий, имел ещё одно преимущество. Он вёл боевые действия на одном месте. За исключением Дальнего Востока, где угроза была не столь значительной (а также турецкой границы), русским не нужно было отвлекать средства на другие театры. Они вели практически исключительно немецкую войну. Война шла на собственной или на смежных территориях, поэтому русским не нужно было думать о создании путей тылового снабжения большой протяжённости, особенно по воде, или строительстве удалённых тыловых баз. Советские войска и население требовали меньших усилий экономи-

чески по сравнению с остальными участниками боевых действий» [8].

Земке отмечает роль и значение помощи Советскому Союзу от США по ленд-лизу. «Северный Союз получил в основном от США помощь по ленд-лизу на сумму 10,2 млрд. долларов. Несмотря на заверение русских о том, что они вели войну оружием собственного производства тем, что они смогли его произвести они также в немалой степени обязаны поддержке, полученной в рамках поставок по ленд-лизу. В период с 22 июня 1941 г. по 20 сентября 1945 г. Советский Союз получил среди прочих поставок 409 526 джипов и грузовиков, 13 315 танков, 702 САУ и 6 602 БТР, 325 784 тонны взрывчатых веществ, 13 041 паровозов и железнодорожных вагонов и 1 798 609 тонн продовольствия» [9].

Историк отмечает высокий уровень подготовки военных кадров в вермахте. «Советскому количественному превосходству в живой силе и технике Германия могла противопоставить общее качественное превосходство, особенно более высокий уровень подготовки командных кадров. Однако такое соотношение не было постоянным и постепенно смещалось в пользу советской стороны. По мере продолжения боевых действий качественное превосходство становилось менее ощутимым и наконец, совсем потеряло значение. В свою очередь, количественное превосходство русских становилось все более явным.

Гражданская война 1917-1922 гг. и последующая ликвидация русского офицерства в 1920-х гг. привели к тому, что офицерский корпус Красной армии к началу войны в массе резко уступал германскому. Репрессии же 1937-1940 гг. (более 12 тыс. расстреляно) коснулись в основном «красных командиров», а не русских офицеров, которых оказалось мало.

«По ходу войны немецкая сторона все ещё сохраняла преимущество в подготовке командных кадров среднего и низшего звена, где оно было значительным, но не решающем. Одновременно высшее командование перешло в руки генералов, которые просто пыталась заменить качество количеством. К тому моменту у русских выдвинулись такие командиры, как Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, А.М. Василевский, И.С. Конев и многие другие» [10].

Земке положительно оценивает создание эффективных объединений войск в советской армии. «Кроме того, были созданы эффективные объединения войск, как, например танковые армии, которые хотя и уступали немецким аналогам начального периода войны, но позволяли также эффективно добиваться поставленных целей. Эти достижения, а также количественное превосходство более чем компенсировали прочие сохранившиеся недостатки советских вооружённых сил» [11].

Даётся оценка Восточного фронта в целом. «С точки зрения статистики, а именно по количеству задействованных войск, ши-

рине фронта, пройденным войсками расстояниям и числу крупных сражений Восточный фронт является главным в войне против Германии». [12]

С одной стороны историк соглашается о решающем вкладе русских в победу над Германией. С другой стороны пытается показать восточный театр боевых действий с точки зрения стратегической перспективы. Такая позиция свойственна и другим американским историкам, в частности Хэнсону Болдуину. «Для того чтобы определить действительный вклад советской стороны в общую победу необходимо рассматривать этот театр с точки зрения стратегической перспективы. При этом сразу же можно определить четыре основных характеристики для Восточного фронта:

- военные действия на Востоке велись практически только на суше и на одном театре;
- Советский Союз не сделал ничего (не так много – ред.) для развёртывания стратегического воздушного наступления на Германию;
- вклад советской стороны в войну на море был незначительным настолько, что до 1945 г. Балтийское море оставалось «немецким озером» и базой для подготовки кадров немецкого военного флота;
- наконец, Советский Союз был избавлен от угрозы открытия второго фронта на Дальнем Востоке». [13]

Эрл Земке пытается показать одинаковый вклад советской стороны и союзников в разгром немецких войск. «Кроме того, требует тщательного рассмотрения вопрос о том, как именно Германия была разгромлена на суше. Сталинград и кампания в Сверенной Африке продемонстрировали, что как западные союзники, так и Советский Союз достигли способности концентрировать на решающих направлениях превосходящие силы. (Масштабы этих операций несравнимы – ред.) После операции «Цитадель» Советский Союз окончательно захватил стратегическую инициативу на Восточном фронте. На Западе союзники также продемонстрировали владение стратегической инициативой, высадившись на Сицилии. После этого угроза немецкой стороне с Востока и с Запада стала практически одинаковой. Фактически угроза с запада расценивалась немцами как более значительная, так как отсюда было гораздо ближе до основных жизненных центров Германии. Вплоть до высадки союзных войск в Нормандии, несмотря на то, что их войска были заняты боями лишь на второстепенном направлении в Италии, а все крупные сражения происходили на Восточном фронте, баланс стратегических достижений западных союзников и Советского Союза был почти одинаковым» [14].

Земке ссылается на работу Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии. 1933-1945» и показывает, что «Силы немцев

были поделены между Востоком и Западом практически поровну. На Восточном фронте даже на 1 июня 1944 г. находилось 163,5 дивизий немцев (не считая румын, венгров и др.) против 54 дивизий на Западе и 27,5 дивизий в Италии; ещё 12 были в Норвегии, 3 в Дании и 25 на Балканах» [15].

Земке подчёркивает, что по мере развития войны в 1944 г. для союзников она стала приобретать глобальный характер, для Советского Союза она носила по-прежнему локальный характер.

«До поздней весны 1944 г. как Советский Союз, так и союзники осуществляли подготовку к нанесению сокрушающих ударов. При этом они находились в разных положениях. Для союзников война приобрела глобальный характер, и им приходилось уделять значительные усилия действиям авиации и флота и вопросам тылового обеспечения. Перед ними стояла проблема осуществления гигантской по масштабам десантной операции, в которой западные союзники оказались в положении охотника с одним патроном – победить или умереть/

Задачей русских было отвоевать территории, которые все ещё удерживали немцы (огромные территории, требовавшие миллионов жертв), и выйти на расстояние нанесения удара непосредственно по рейху. Советские войска освободили территорию Украины и советской России и были развёрнуты по центру оси Варшава-Берлин. Они неуклонно шли к своей цели и заплатили за неё тяжёлую цену кровью и материальными потерями. Со своей стороны западные союзники внесли в победу не столь впечатляющий на первый взгляд вклад. Но с технической и экономической точки зрения им пришлось провести грандиозные подготовительные мероприятия, а их операции против Германии в воздухе и на море достигли апогея. Высадка (в Нормандии и на юге Франции) прошла успешно. К концу лета союзные армии достигли границ Германии. В то же время советские войска вышли на Вислу и на границу с Восточной Пруссией. В декабре по приказу Гитлера было осуществлено последнее стратегическое наступление на Западе. К тому моменту русские прорвались к Одеру. С середины февраля до середины апреля 1945 г. советские армии оставались на Одере, а западные союзники прошли две трети территории Германии к Эльбе. Теперь война поддерживалась лишь страхом, ненавистью и волей одного человека» [16].

Земке, говоря о значительном вкладе в победу Советского Союза, подчёркивает, что он не был решающим. Победу в основном одержали США и союзники. «Советский вклад в победу в Европе был значительным, но не настолько уж подавляющим по сравнению с союзниками. Несмотря на послевоенные заявления советской стороны, война ни в коей мере не продемонстрировала превосходство теории Маркса». [17]

«Точно также советская стратегия в годы войны не являлась

убедительным признаком идеологического превосходства. Она была исторической, методичной и явно политизированной». [18]

«И все же разгром Германии явился выдающейся победой марксизма в том смысле, что он привёл к прорыву карантина в Европе, в результате чего целое поколение приняло коммунизм в качестве господствующей системы в границах Советского Союза. Это изменило характер войны на её последнем этапе и сделало невозможным достижение настоящего мира». [19]

References:

1. Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX в. Потери вооружённых сил. М.: Вече, 2001. 611 с. Всероссийская книга памяти. М.: Вече, 1995. 586 с.
2. Э. Земке. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942-1945 гг. М.: Центрполиграф, 2010. С. 593.
3. Там же, с. 594.
4. Там же, с. 594.
5. Там же, с. 594.
6. Там же, с. 595.
7. Там же, с. 595.
8. Там же, с. 590.
9. Там же, с. 596.
10. Там же, с. 596.
11. Там же, с. 598.
12. Там же, с. 598.
13. Там же, с. 598.
14. Там же, с. 598.
15. Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933-1945. М.: Изографус, 2002. 855 с.
16. Э. Земке. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942-1945 гг. М.: Центрполиграф, 2010. С. 599.
17. Там же, с. 600.
18. Там же, с. 600.
19. Там же, с. 600.

PSYCHOLOGICAL CULTURE AND MEDIA BEHAVIOR OF AN INDIVIDUAL

[1] Maria Zhizhina

1. Candidate of Pedagogics Science, Associate Professor, National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia.

Abstract

The main results of the research done on the analysis of correlation of psychological culture with such indicators of media behavior as peculiarities of motivation and style of individual media consumption are presented in the article. Topicality of this study is connected not only with the lack of this kind of research in psychological science but mostly with the growing impact of mass media, the demands of social practices for solving the problems of media competence and media security of an individual. The conclusion is made that psychological culture not only prevents the appearance of negative forms of media behavior but it is a factor which provides psychological security of an individual from different forms of negative media effects. In other words, psychological culture is essential both in media production and media consumption processes.

Keywords: psychological culture, media behavior, mass media, media competence.

Актуальность исследования взаимосвязи психологической культуры с особенностями медиаповедения обусловлена возрастающим влиянием современных массмедиа (музыка, кино, реклама, глянцевые журналы, реалити-шоу, развлекательные программы) на социализацию и культурное развитие молодёжи. В контексте анализа роли и эффектов массмедиа исследователи преимущественно подчёркивают отрицательные влияния медиа на эмоциональную, поведенческую, когнитивную сферы, более того, медиасреда рассматривается в качестве фактора угрозы психологической безопасности личности. В этой связи дискутируются вопросы, связанные с информационной политикой медиа; с формированием социогуманистической направленности деятельности журналистов и соблюдением этических норм при публикации материалов; с разработкой программ формирования медиакомпетентности, медиаиммунитета и медиатерапии граждан (Г.В. Грачёв, Н. Больц, А.Е. Войскунский, П. Винтерхофф-Шпурк, М. Кастельс, Д. МакКуэйл, Г.Н. Малюченко, Л.В. Матвеева, Н. Луман, Е.Е. Пронина, Е.И. Пронин, И.В. Челышева, А.В. Фёдоров и др.).

Учитывая все возрастающую роль массмедиа в жизни общест-

ва в целом, и отдельной личности, в частности, а также принимая во внимание результаты исследований о негативном воздействии массмедиа можно говорить об особой значимости психологической культуры, как не только факторе, защищающем личность от негативных медиавоздействий и предотвращающем развития различных форм медиааддикций, но и как об условие, обеспечивающем формирование медиакомпетентности, отвечающем, в том числе, за психологическую безопасность и медиазащищенность личности в медиапространстве. При вхождении в медиасреду (например, в интернет-пространство) человек свободен в выборе своих вариантов медиакоммуникативных маршрутов (выбирая информационный, развлекательный, поисково-инструментальный или коммуникативный ресурс медиасреды и её содержательное наполнение), и этот выбор во многом обусловлен как социальной идентификацией личности, так и уровнем её психологической культуры. В связи с чем, говоря о влияниях массмедиа необходимо помнить, что степень их воздействия опосредованы личностью воспринимающего то или иное медиасообщение, другими словами индивидуальные эффекты медиавоздействий опосредованы уровнем развития психологической культуры и медиакомпетентности личности, её индивидуально-психологическими особенностями, социальными представлениями о массмедиа, возрастом, уровнем образования, принадлежностью к социальному классу, местом жительства и многими другими опосредованными факторами.

Значимость исследования взаимосвязи психологической культуры с индивидуальным стилем медиапотребления и мотивационной структурой информационной активности личности связана не только с отсутствием в психологической науке подобного рода исследований, но и связана, прежде всего, с запросами социальной практики - для решения проблем формирования медиакомпетентности и медиазащищенности личности. Как известно психологическая культура является ведущим компонентом успешности включения человека в социальную жизнь общества, становления и развития личности, вектором эффективного самоопределения и самореализации личности в жизни, способствующего успешной её адаптации и саморазвитию.

С целью изучения взаимосвязи психологической культуры личности с особенностями стиля медиапотребления и мотивацией медиаповедения в исследовании использовались следующие методы и методики: метод беседы, собственно разработанная анкета, методика О.И. Моткова «Психологическая культура личности; опросник «Индивидуальный стиль медиапотребления» (Ю.Н. Долгов, Г.Н. Малюченко и др.); для изучения мотивов обращения к массмедиа личностный опросник МСИА «Мотивационная структура информационной активности» (Ю.Н. Долгов, Г.Н. Малюченко и др.).

В исследовании приняли участие 260 респондентов, из них 132 учащихся лицеев (возраст 15-17 лет) и 128 студентов Национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (возраст 18-23 года). Временной промежуток проведения исследования – 2010 по 2012 гг.

Анализ результатов по методике О.И. Моткова «Психологическая культура личности» выявил различия в уровнях психологической культуры школьников и студентов. У большинства студентов наблюдается более высокий уровень психологической культуры, нежели, чем у большинства школьников. Из чего следует, что с возрастом уровень психологической культуры имеет тенденцию к повышению.

Проведённый корреляционный анализ результатов по методикам «Психологическая культура личности» и «Индивидуальный стиль медиапотребления» показал следующие результаты. В обеих группах респондентов все показатели психологической культуры отрицательно коррелируют со шкалой эмоционально-познавательная вовлечённость (ЭПВ), и положительно коррелируют со всеми остальными, то есть со шкалой волевой контроль (ВКМ), шкалой рефлексивная критичность (РКМ) и шкалой эффективность поиска информации (ЭПИ). Следует отметить, что наиболее высокие корреляционные связи, как у студентов, так и у школьников наблюдаются между показателями психологической культуры и двумя шкалами индивидуального стиля медиапотребления, шкалой эмоционально-познавательная вовлечённость (отрицательная корреляционная связь) и шкалой волевой контроль медиапотребления (положительная корреляционная связь), т.е. чем выше показатели психологической культуры личности, тем выше её уровень волевого самоконтроля и ниже уровень её вовлечённости в медиапространство.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что:

•чем выше уровень психологической культуры респондента, тем в меньшей степени самореализация респондента, его адаптация и эффективность самоопределения в жизни зависят от влияния массмедиа (результат отрицательной корреляции показателей психологической культуры со шкалой ЭПВ);

•респонденты с высоким уровнем психологической культуры хорошо осознают и понимают себя, свои желания, поэтому медиапотребление у них носит целенаправленный и осознанный характер (результат положительной корреляции показателей психологической культуры со шкалой ВКМ).

•респонденты с высоким уровнем психологической культуры способны быстро усваивать содержание медиаинформации, оценивать её качество и полезность (результат положительной корреляции показателей психологической культуры со шкалой РКМ и шкалой ЭПИ).

В качестве примера прокомментируем некоторые наиболее высокие корреляционные связи в обеих группах. Высокие корреляционные связи по шкалам методик «Психологическая культура личности» и «Индивидуальный стиль медиапотребления» в группе студентов:

•показатель «самопознание и самоанализ» положительно коррелирует со шкалой волевой контроль медиапотребления, т.е. чем выше личность ориентирована на самопознание и самоанализ, тем у неё выше уровень волевого самоконтроля.

•показатель «саморазвитие и самореализация» отрицательно коррелирует со шкалой эмоционально-познавательная вовлечённость, т.е. чем выше личность ориентирована на саморазвитие и самореализацию, тем она в меньшей степени вовлечена в медиапространство.

У школьников можно обратить внимание на следующие корреляционные связи:

•«самопознание и самоанализ» положительно коррелирует со шкалой волевой контроль медиапотребления, что означает следующее: чем выше у школьников склонность к самопознанию и самоанализу, тем выше уровень их волевого самоконтроля.

•показатель «психическая саморегуляция» положительно коррелирует со шкалой волевой контроль медиапотребления, т.е. чем выше у личности развитие на саморегуляцию, тем выше её уровень волевого самоконтроля в медиапотреблении.

Полученные данные позволяют считать, что уровень психологической культуры определяет характер взаимодействия личности с массмедиа.

Изучение мотивации обращения респондентов к массмедиа по методике «Мотивационная структура информационной активности» показал, что в группе школьников доминируют компенсаторная (42%), релаксационная (30%), коммуникативная мотивация (24%), а в группе студентов – познавательная (34%), коммуникативная (32%) и реактивирующая (20%) мотивация.

Проведённый корреляционный анализ результатов по методикам «Психологическая культура личности» и «Мотивационная структура информационной активности» показал следующие результаты. Для студентов и для школьников выявлена положительная корреляция между всеми показателями психологической культуры и такими типами мотивации, как коммуникативная, познавательная и реактивирующая. При этом все показатели психологической культуры отрицательно коррелируют с релаксационной и компенсаторной типами мотивации. Следует отметить, что у школьников показатели коэффициентов корреляции меньше, чем у студентов.

Полученные нами результаты позволяют говорить о том, что уровень психологической культуры определяет мотивы обраще-

ния личности к информационной среде; связан со скоростью усвоения содержания медиаинформации, с оценкой её полезности; отвечает за целенаправленность и осознанность медиапотребления; высокий уровень психологической культуры способствует самостоятельности в процессах самореализации и самоопределению личности, т.е. можно говорить о том, что уровень психологической культуры влияет на социально-психологические особенности медиаповедения личности.

Анализ литературных источников и результаты исследования позволяют заключить, что психологическая культура относительно медиаповедения может выполнять следующие функции:

•когнитивную или функцию оценки, проявляющуюся в понимании и адекватной оценке закономерностей процессов функционирования медиа в социуме, владение основами интерпретации медиасообщений, знание законов восприятия и понимания медиатекстов. Указанная функция является своеобразной защитой от массированного негативного воздействия. На основе осознание и адекватной оценки последствий взаимодействия с тем или иным видом медиа и характера их воздействия на собственную личность, человек может принять решение избежать взаимодействия с той или иной медиапродукции, т.е. сознательно уйти от получения медиатравмы (отметим, «уход» рассматривается как более частный случай, более широкий вариант – это относительно без эмоциональная, рациональная, прагматичная оценка медиасообщения, с пониманием его подтекста, а точнее истинного текста).

•рефлексивно-регулятивная функция, включающая себя два компонента рефлексию и регуляцию, состоит в анализе в целом процессов своего медиаповедения: осознания цели включения в ту или иную медиасреду, осознанное представление о своих мотивах обращения к виртуальному миру; осмысление своих ценностей по отношении к медиа, содержательную направленность своего медиапотребления; и главное осознание эффектов воздействия тех или иных медиапродуктов, или эффектов взаимодействия с массмедиа. На основе рефлексии осуществляется самооценка психологического самочувствия как результата обращения к массмедиа или взаимодействий в медиасреде, а также оценка полезности и целесообразности пребывания в медиапространстве. Данная функция позволяет человеку регулировать свои эмоциональные и волевые состояния, будучи включённым в медиасреду. Рефлексивно-регулятивная функция психологической культуры будет проявлять себя в отсутствии привычки к пассивному посещению всевозможных сайтов (интернет-бродяжничество) и бездумному поглощению огромного количества информации. Таким образом, эта функция теснейшим образом, связана с когнитивной функцией психологической культуры.

•координирующе-контролирующая функция, связанна с операциональной стороной медиаповедения, умением грамотно оперировать медиаинформацией и осуществлять медиатизированное общение, умение контролировать время пребывания в массмедийном пространстве, контролем за возникновение информационной интоксикации, перенасыщения. Данная функция обеспечивающая эффективность процессов саморегуляции, самоорганизации, самоконтроля непосредственно связана с когнитивной и функцией защиты, отвечает за отсутствие «зависаний» в медиапространстве или другими словами отвечает за профилактику медиааддикций, и в целом отвечает за безопасность взаимодействия человека с медиасредой. Осуществляя координирующе-контролирующую функцию, психологическая культура согласует личностные, мотивационные устремления с практикой медиаповедения, помогая сориентироваться с разноплановым контекстом информации.

•интегрирующая функция психологической культуры в отношении медиаповедения обеспечивает объединение в единое структурное образование мотивационную, эмоционально-волевую и ценностно-смысловую сферы личности, т.е. эта функция, отвечает за согласие этих сфер и отсутствия внутренних конфликтов и противоречий. Наряду с этим, интегрирующая функция в отношении медиаповедения личности помогает перенасыщенную разнородную, а порой и противоречивую медиаинформацию интегрировать в единую мозаику, целостную картину, а также реконструировать ряд событий, которые скрывают массмедиа (показательным примером может служить презентация противоположных жизненных ценностей транслируемых одним телеканалом буквально в интервале одного часа).

•коммуникативная функция проявляется в умении осуществлять коммуникацию в виртуальном контексте, успешно осуществлять поиск необходимой информации, адекватно воспринимать и передавать информацию в медиапространстве; данная функция отвечает за успешную коммуникативную деятельность в различных видах медиапрактик, в том числе за умение выражать своё отношение к тому или иному событию (явлению) не используя ненормативную лексику, оскорбления и хамства. Как известно, новые медиа, и в частности, интернет способствует значительному расширению коммуникативных возможностей человека, и чтобы эти возможности были реализованы в жизни личности, необходимы не только определённый уровень коммуникативных способностей, но и знания специфики сетевого общения.

• этическая функция отвечает за гуманное взаимодействие человека с другими людьми в медиапространстве, а также готовность брать ответственность за свои высказывания, действия; за все свои информационные продукты и осознавать последствия,

которые они смогут оказать на других. Значимость этой функции возрастает, когда человек выступает в роли производителя медиапродукции (речь идёт о размещении фото в сети; ведение блога, личные дневники, страницы, собственные сайты на которых может быть размещена информация затрагивающая частные стороны чужой жизни; взлом электронной почты и т.д.), иными словами указанная функция отвечает за соблюдения принципа «относись к людям так, как бы ты хотел, чтобы относились к тебе», или ещё короче «не навреди». И если вспомнить, высказывание В. В. Семикина, что психологическая культура есть «мера человечного в человеке», то, учитывая особенности, например функционирования интернета: анонимность, полная свобода действий, возможность использования вымышленных данных, лёгкий доступ к различной информации и многое другое, можно сказать, что проявление человечности и повышение ответственности за свои действия в медиапространстве становится как нельзя более актуальным.

Таким образом, можно сказать, что психологическая культура в отношении медиаповедения человека (восприятие, оценка медиапослания, медиапотребление, переработка информации, индивидуальные медиаэффекты) выполняет шесть важных функций – оценки, защиты, регуляции, интеграции, коммуникации и заботе о чувствах других людей, где каждая из указанных функций тесно взаимосвязаны.

Различные формы социального поведения (потребление, производство, коммуникативные медиапрактики) личности в медиапространстве актуализирует проблему психологической культуры личности. Геймерство («игровая наркомания»), медиааддикции, хакерство (создание вредоносных программ, несанкционированные вторжения в удалённые базы данных), обнародование файлов непристойного поведения, интернет-мошенничество, распространение недостоверных слухов и другие негативные формы социального поведения медиапространстве, не имеющие ничего общего с соблюдением норм нравственности, морали и, являются, на наш взгляд, прежде всего, следствием несформированной у индивида психологической культуры и общей культуры, в целом. Поскольку наличие психологической культуры личности непосредственным образом, связано с её нравственным и этическим поведением в медиапространстве. И, к сожалению, не наличие существующих в российском законодательстве ограничений на распространение вредоносного влияния определённого рода информации, не наличие разработанных интернет-пользователями этических кодексов, не смогут кардинально решить проблем, если у человека отсутствует психологическая культура и не сформированы чёткие представления о нравственных и моральных нормах поведения, которые распространяются, в том числе на различные

формы медиаповедения личности.

Кроме того, наличие психологической культуры не только предотвращает появление негативных форм медиаповедения, но и служит фактором, который обеспечивает психологическую защищённость личности от различных форм негативных медиавоздействий, манипуляций и обмана, другими словами психологическая культура необходима как в процессах медиапроизводства, так и в процессах медиапотребления и медиакоммуникативного взаимодействия.

Следовательно, можно говорить, и о том, что психологическая культура обеспечивает личности (как медиапотребителю) определённую защиту от различных заведомо ложных медиасообщений и манипулятивных технологий средств массовой информации, кроме того, психологическая культура является тем средством, которое позволяет личности восстановиться от медиатравм, подтверждение последнего тезиса, безусловно, требует дальнейших эмпирических исследований.

EMOTIOLOGICAL ASPECT OF THE STUDY OF SOCIAL EMOTIONS AT SENIOR PRESCHOOL AGE CHILDREN WITH SPEECH DISORDERS IN CONDITIONS OF INCLUSIVE EDUCATION

[1] Tatyana Zaharova
[2] Alyona Moiseeva

1. Candidate of Pedagogical Sciences, Associate professor, Cherepovets State University, Russia.

2. Master student, Cherepovets State University, Russia.

Abstract

Article is devoted the emotiological aspect of the study of social emotions at senior preschool age children with speech disorders in conditions of inclusive education. We have considered the problems of learning verbalizing, expression and communications of social emotions, have led the results of diagnosing emotiological aspects of social emotions in preschool children with speech disorders in inclusive education. The article will be of interest to psychologists, defectologists, speech pathologists, and all who is interested in exploring and formation social emotions in preschoolers.

Keywords: emotiology, social emotions, speech disorders, inclusive education, emotive lexicon.

Процессы воспитания и формирования социальных эмоций и чувств содействует более совершенному отношению человека к окружающему миру, природе и обществу, способствуют становлению отношений с другими людьми и формированию гармонически развитой личности, социализации человека, а также позволяют лучше оценить себя, свои переживания и выразить их в приемлемой для данного общества форме. В настоящее время социальные эмоции становятся объектом пристального внимания психологов, дефектологов и логопедов.

Сами по себе, социальные эмоции являются сложным структурным образованием (системой), включающим в себя нравственные (моральные), эстетические, интеллектуальные эмоции и чувства (подсистемы). Кроме того, социальные эмоции одновременно входят в состав более сложных образований (надсистем), таких как: 1) социальное здоровье; 2) социальный и эмоциональный интеллект; 3) нравственная сфера личности; 4) социальное поведение. В связи с этим, изучение социальных эмоций должно осуществляться на основе понимания их сложной иерархии (Т.В. Захарова, А.А. Моисеева) [4].

Категория детей с нарушениями речи имеет специфические особенности эмоциональной сферы, проявляющиеся в недостаточно точном понимании эмоциональных состояний людей, в не всегда адекватном выражении собственных эмоций, в слабой сформированности эмоционального предвосхищения.

В работах по психологии, психофизиологии и патопсихологии эмоций отмечается, что эмоция как особый класс психических явлений имеет психофизиологическую структуру, основными взаимосвязанными компонентами которой являются: чувственный компонент – субъективное переживание; моторный компонент – двигательная мимическая и пантомимическая экспрессия; компонент вербализации – выражение эмоций в речи и языке (В.А. Лабунская [7], А.Н. Леонтьев [8], К. Изард [5] и др.). В отечественной и зарубежной психологии действие моторного компонента и компонента вербализации или совокупность вербального и невербального выражения эмоций названа «языком эмоций» (О.В. Гордеева [3], Н.В. Соловьёва [11], J. Davits [16], I. Bretherton [15] и др.).

«Язык эмоций» развивается в период дошкольного детства. Основными условиями его формирования являются общее психическое развитие и развитие речи ребёнка (Л.С. Выготский) [2], общение ребёнка с взрослыми и вербализация ими эмоций (I. Bretherton) [15], адекватное эмоциональное развитие и формирование представлений ребёнка об эмоциональной сфере (I. Bretherton [15], J.R. Davits [16]).

Особо значимым является изучение «языка эмоций» у детей с отклонениями в развитии речи.

В отечественной логопедии проведено большое количество исследований специфики развития лингвистических и паралингвистических средств при различных нарушениях речевой деятельности. На современном этапе развития научных представлений о структуре лингвистического развития у детей с недоразвитием речи выявлены трудности овладения эмоциональной лексикой (И.Ю. Кондратенко) [6], определены основные направления обогащения эмоционального словаря.

Экспериментально подтверждён тот факт, что при речевом недоразвитии наблюдается несформированность или снижение уровня сформированности значений отдельных лексических единиц, слабая ориентация детей в содержательной стороне слов (Г.В. Бабина) [1], отмечается недостаточную сформированность невербальных эмоционально-экспрессивных средств общения (О.С. Павлова) [10], отсутствует или весьма ограничена и неадекватно используется эмотивная лексика (О.Л. Леханова) [9], характерны трудности в понимании и использовании лингвистических и паралингвистических средств выражения эмоций (Е.П. Чернова) [13].

В настоящее время в связи с достаточно большим накоплен-

ным эмпирическим материалом в рамках лингвистики выделяется особая отрасль *эмотиология*, или «лингвистика эмоций». Эмотиология, по определению В.И. Шаховского, – это наука «о вербализации, выражении и коммуникации эмоций» [14].

Возникает необходимость рассмотрения вербального выражения социальных эмоций у детей старшего дошкольного возраста с нарушениями речи в условиях инклюзивного образования.

С целью изучения особенностей проявления социальных эмоций у детей с общим недоразвитием речи было проведено экспериментальное исследование. Эксперимент проводился на базе БОУ ВО «Череповецкий центр психолого-медико-социального сопровождения» г. Череповца Вологодской области. В нём принимали участие дети с заключением ПМПК – общее недоразвитие речи, III уровень речевого развития, посещающие общеобразовательные дошкольные учреждения.

В ходе констатирующего эксперимента была использована методика Г.А Урунтаевой, Ю.А Афонькиной «Изучение социальных эмоций» [12].

Анализ полученных данных показал, что в основном дети старались отвечать правильно, как учат их взрослые поступать в этих ситуациях. Хотя в действительности могут вести себя иначе. Иногда они отвечали исходя из своего небольшого опыта.

К сверстникам дошкольники относятся по-разному. Большинство детей стремятся оказать помощь своим друзьям, если упал, то помогут подняться, потому что друзьям надо помогать *(Маша поможет Свете, потому что она хорошая девочка и всем помогает; Вера поможет Кате подняться, потому что если ей не помочь, то она обидится)*. Другие же не знают, что делать в такой ситуации или остаются пассивными, пойдут заниматься тем, чем им хочется *(Маша пойдёт играть, ей больше нравится играть, и она не будет помогать Свете)*. Некоторые дети опираются на мнение взрослого, так как взрослые больше знают *(Смеяться нал упавшим товарищем нельзя, потому что мама говорит, что так нельзя делать, а если сделаешь, то она будет ругаться)*.

Половина детей охотно проявляют чувство долга и заботы о маленьких детях. Они возьмут в свою игру маленьких, потому, что им надо уступать, с ними тоже надо играть, будет интересней, если они будут с ними играть, если с ними не играть, то они обидятся и заплачут *(Возьмём маленького мальчика, потому что втроём интереснее играть)*. Остальные дети не хотят брать в свою игру маленьких *(Таня и Оля не возьмут маленького мальчика играть, потому что с ним неинтересно; Мальчик не умеет играть в дочки-матери и Оля и Таня его не возьмут)*.

По отношению к животным дети проявляют заботу, считают, что их нельзя обижать, потому что они могут разозлиться и уку-

сить, поцарапать, т.е. дать сдачу, но в тоже время жалеют котёнка, который дрожит от холода и голода, проявляют к нему сочувствие, сострадание; стараются помочь ему - привести домой, накормить, положить под одеяло *(Саша принёс котёнка домой и согрел, потому что котёнку холодно, и он может простудиться)*. Некоторые дети выражали агрессию к животным *(Саша прогонит котёнка, потому что у него аллергия на кошек)*.

На успех и неудачи других большинство детей реагируют адекватно, радуются, восхищаются, если у друга получается что-то хорошо, если он в беде, то жалеют, стараются помочь.

Все дети знают, что драться нельзя, это не хорошо, что можно просто попросить, чтобы тебе что-то вернули. Но некоторые дети, если у них отберут игрушку, стукнут своего обидчика.

Основными мотивами при ответах выступили: что скажет взрослый, страх перед наказанием (могут поставить в угол, поругать, дать ремня).

Таким образом, можно сказать, что половина детей имеют представления о социальных эмоциях человека, т.е. умеют сострадать, сопереживать, стремятся помочь другу или взрослому при необходимости или просьбе, учатся радоваться за сверстника, но им не всегда это удаётся.

В процессе исследования было выявлено, что у детей дошкольного возраста с нарушениями речи имеется определённая специфика в понимании, узнавании и интерпретации эмоций. Они затрудняются в осознании и выражении, как своего, так и чужого эмоционального состояния, у детей возникают проблемы вербализации, выражения и коммуникации социальных эмоций, недостаточно развита выразительность речи.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в более глубоком изучении данной проблемы, в дальнейшей разработке и совершенствовании алгоритма проектирования индивидуальных маршрутов изучения и формирования социальных эмоций, внедрении и оценке его эффективности в коррекционно-педагогической работе с детьми, имеющими нарушения речи.

References:

1. Бабина Г.В. Особенности понимания глагольной лексики с отвлечённым значением учащимися с речевой патологией // Дефектология. 1989. № 5. С. 51-57
2. Выготский Л.С. Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование. Собр. Соч. в 6 томах. Т. 6. М., 1984. 255 с.
3. Гордеева О.В. Развитие языка эмоций у детей// Вопросы психологии, 1995. № 2.С. 137-149
4. Захарова Т.В., Моисеева А.А. Социальные эмоции у детей старшего дошкольного возраста с нарушениями речи в условиях инклюзивного образования /Специальное образование: материалы IX междунар. науч.

конф. 24-25 апр. 2013 / Под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. Т. 1. С. 78-83.
5. Изард К.Е. Эмоции человека. М.: Педагогика, 1980. 586 с.
6. Кондратенко И.Ю. Особенности овладения эмоциональной лексикой детьми старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи // Дефектология. 2001. № 6. С. 51-
7. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов н/Дону.: Феникс, 1999. 592 с.
8. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 41 с.
9. Леханова О.Л. Своеобразие употребления, понимания и интерпретации невербальных средств общения дошкольниками с общим недоразвитием речи // Дефектология. 2011. № 6.
10. Павлова О.С. Формирование коммуникативной деятельности старших дошкольников с общим недоразвитием речи (монография). М.: МОСУ, 2007.
11. Соловьёва Н.В. Особенности вербализации эмоциональных представлений дошкольников. Автореф. дисс. ... канд. псих. наук. М., 1999. 15 с.
12. Урунтаева Г.А., Афонькина Ю.А. Практикум по дошкольной психологии. М., 1998.
13. Чернова Е.П. Формирование лингвистических и паралингвистических средств выражения эмоций у старших дошкольников с недоразвитием речи. Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2005. 16 с.
14. Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике// Вопросы психолингвистики. 2009. № 9.
15. Bretherton I. et al. Learning to talk about emotions: A functionalist perspective 11 Child Devel., 1986. V.57. № 3. P. 529 548.
16. Davits J. R. The language of emotion. N. Y., 1969

PROSPECTS OF "NATURALIZATION" OF THE PERSON IN MODERN PHILOSOPHY

[1] Marina Zelentsova

1. Professor of philosophy, Ivanovo State University of Chemical Technology, a member of the RFO.

Abstract

The article discusses the significance and prospects of the concept of a new naturalism in anthropology and the theory of values, revealed its rational content, substantiates the thesis is not the identity of naturalism and biological reductionism.

Keywords: naturalism, transcendentalism, human nature, values, moral.

В современную эпоху тотального плюрализма и релятивизма, когда совершенно утерян интерес к универсалиям и абсолютам, философская мысль находится в глубоком кризисе. Одним из таких «абсолютов» является фундаментальный философский концепт *общей природы человека*, отказ от которого означает, на наш взгляд, отказ от философии вообще. Рациональное обоснование этот концепт получает первоначально в рамках натуралистической антропологии, основные положения которой были сформулированы в новоевропейской философии Т. Гоббсом и Б. Спинозой, впоследствии развиты в американском прагматизме (Дж. Дьюи) и немецкой биоантропологии (А. Гелен), в работах современных философских антропологов (Ж.-М. Шеффер, Д.Е. Браун, А. Макбит и др.).

Принято считать, что натурализм редуцирует человека, усматривая его сущность не столько в том, что человек существо разумное и культурное, а в том, что он изначально существо биологическое и инстинктивное. Как отмечает И.А. Гобозов, натуралисты утверждают, что именно биологическая природа, данная человеку с рождения, всегда и всюду определяет его жизнедеятельность, а основной принцип натурализма, который обнаруживается в учении Демокрита, предполагает сведение всех ступеней бытия к самой низшей, физикалистской ступени и её закономерностям [4].

Другие отечественные исследователи склонны различать натурализм и (биологический) редукционизм. Определение натурализма как «когнитивного принципа в философской антропологии, укореняющего человеческую идентичность в эволюции форм биологической жизни», данное, например, Р.М. Алейник [1, с. 139], предполагает не сведение сущности человека к природным основаниям, а выведение её из этих оснований, что отнюдь не одно и

то же. Как справедливо считает автор, натуралистический подход в антропологии даёт возможность устранить бинарную оппозицию природы и культуры, естествознания и гуманитарного знания, подойти к решению ряда глобальных проблем техногенной цивилизации.

На наш взгляд, значение новой «натурализации» человека ещё более фундаментально. Этот подход позволяет рационально решать такие важные теоретические проблемы философского знания, как проблема общей природы человека, объективных оснований ценностей, идеалов и норм, составляющих ядро человеческой культуры, позволяет дать критику субъективистских и трансценденталистских (идеалистических) концепций в аксиологии и этике. Поэтому не случайно интерес к натурализму в его нередукционистской версии сегодня значительно вырос, и можно говорить о формировании концепции неонатурализма в западной и отечественной философии.

Интересно, что «натуралистические» идеи содержатся в учениях многих великих философов, таких, как Аристотель, Л. Фейербах, К. Маркс, Э. Фромм и других, которых вряд ли возможно назвать приверженцами редукционизма. Так, «отец» философской антропологии, Л. Фейербах, отмечает необходимость изучения сущности человека, его общих черт, связывающих и объединяющих всех людей вне зависимости от индивидуальных особенностей. Эти общие черты Фейербах называет человеческой природой, неизменной и не зависящей ни от эпохи, ни от национальности и т.д. Наиболее существенные свойства человеческой природы – это любовь к жизни, инстинкт самосохранения, эгоизм и стремление к счастью, и именно эта природа человека – основная движущая сила любой конкретной жизни [12]. При этом социальность в смысле соединённости людей рассматривается как необходимое условие реализации родовой сущности человека: «Отдельный человек, как нечто обособленное, не заключает в себе человеческой сущности ни как в существе моральном, ни как в мыслящем. Человеческая сущность налицо только в общности, в единстве человека с человеком…» [12, с. 143]. Фейербах включает в своё рассмотрение и такой фактор, как культура: «Человек есть произведение человека, продукт культуры, истории» [13, с. 189]. Именно сам человек и культура создали из первоначального природного, биологического существа человека.

К. Маркс, развивая идеи Фейербаха в своих ранних произведениях, характеризует человека как природное существо, реализующее себя в чувственно-предметной деятельности – практике, как «действительного, телесного человека, стоящего на прочной, хорошо округлённой земле, вбирающего в себя и излучающего из себя все природные силы…» [7, с. 630].

Но человек – не просто часть природы, он – социальное и уни-

версальное существо, высший продукт эволюции материи. «Человек есть существо родовое, не только в том смысле, что и практически и теоретически он делает своим предметом род – как свой собственный, так и прочих вещей, но и в том смысле – и это лишь другое выражение того же самого, – что он относится к самому себе как к наличному живому роду, относится к самому себе как к существу *универсальному* и потому свободному» [7, с. 564].

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса понятия «человеческая природа», «родовая сущность» и т.п. встречаются довольно часто. Но эта природа не абсолютизируется, а рассматривается в конкретно-историческом контексте; в то же время, конкретно-историческое представляется как форма существования общего. Маркс обращал внимание на необходимость различать постоянное и изменяющееся в человеке, «фиксированные» стремления, общие всем людям, и «изменчивые аппетиты», которые обязаны своим происхождением лишь определённой форме, определённым условиям производства и общения…» [8, с. 245].

Аналогичное решение проблемы общей природы человека было предложено и философами XX века. Так, Э. Фромм в одной из своих работ отмечает, что в человеке есть нечто всегда постоянное – природа, но ему присуще также великое множество переменных факторов, делающих его способным к обновлению, творчеству, созиданию и прогрессу. Автор критикует точку зрения экзистенциалистов («существование предшествует сущности») как нежелательную и опасную, поскольку она означает, что не может быть единства людей, не могут быть найдены ценности и нормы, значимые для всех [14].

Из общей природы человека, согласно Фромму, вытекают универсальные человеческие потребности и ценности. Человек может меняться в связи с изменением экономической и социальной структуры общества, но его приспособляемость не безгранична. Существуют неотъемлемые психологические свойства человека (такие же императивные, как и физиологические потребности), которые нуждаются в удовлетворении. Важнейшая из них – тенденция к росту, развитию, реализации способностей, возникших у человека в ходе истории, например, способности к творческому и критическому мышлению, «тонким» эмоциональным и чувственным переживаниям. Эта общая тенденция к росту, которая является, как считает Фромм, психологическим эквивалентом аналогичной биологической тенденции, приводит к таким специфическим стремлениям, как стремление к свободе и ненависть к угнетению, поскольку свобода – основное условие любого роста [15]. Есть также основания предполагать, пишет автор далее, что стремление к справедливости и правде является столь же неотъемлемым свойством человеческой природы, хотя и оно может быть подавлено и извращено, как и стремление к свободе [там же]. Таким образом, Э. Фромм считает человеческие ценности

обусловленными, главным образом, исторически, хотя и не преуменьшает значения биологических факторов их формирования.

Идеи Э. Фромма получили развитие в современной гуманистической психологии в работах К. Хорни, Э. Эриксона, К. Роджерса, А. Маслоу и др. Этими исследователями предложена теоретическая модель структуры человеческих потребностей, рассматриваемых как врождённые. Эти потребности являются, в свою очередь, основой системы ценностей и норм, в том числе, моральных, которые принято называть общечеловеческими. Действительно, если потребность в любви и привязанности выступает, согласно, например, А. Маслоу [9], в качестве одной из пяти базовых для всех человеческих существ, то моральные ценности гуманности, сострадания, взаимопомощи должны также быть в числе универсальных ценностей и норм, регулирующих поведение социальных субъектов. Эти ценности и нормы не только универсальны, но и объективны, так как вытекают из объективно существующей общей природы человека.

Этой же точки зрения придерживаются и представители западной философской антропологии второй половины XX века. Так, А. Макбит в работе «Опыты в жизни» пишет: «Мне представляется, что все общества пытаются реализовать человеческую природу, а потому устремлены к одной и той же цели. Конечно, итоги этих усилий могут оказаться разными, но природа и потребности человека обеспечивают базис для их сопоставления». Дж. Кикс в работе «Человеческая природа и моральные теории» говорит о «базисных факторах человеческой природы», которые «являются основой любой допустимой теории морали». М. Эдел, А. Эдел в работе «Антропология и этика» отмечают: «Общие нужды, общие социальные задачи, единые психологические процессы определяют общие рамки для широкого различия в человеческом поведении. Это общее служит основанием для морали» [цит. по: 10].

Для обоснования объективной природы ценностей, в том числе, моральных, может быть также привлечён богатый эмпирический материал, собранный современным естествознанием. Сегодня о генетических корнях морали известно уже достаточно много. Генетикой установлено наличие в наследственной природе человека альтруистических начал, т.е. определённой группы эмоций, побуждающих человека совершать поступки, лично ему непосредственно не выгодные и даже опасные, но приносящие пользу другим людям. Эти эмоции возникли в результате естественного отбора и в силу антропологических особенностей человеческого вида, таких, например, как длительный период взросления детей. В результате постепенной перестройки наследственности у человека складывалась восприимчивость к этическим нормам и оценкам, а также потребность в подобных оценках. Другим

доказательством наследственных основ морали является тот факт, что некоторые болезни, в частности генные дефекты, вызывают эмоционально-нравственную деградацию личности.

Альтруистические начала есть и у стадных животных, причём, чем более «вооружено» животное, тем сильнее у него инстинктивные моральные запреты, прежде всего, запрет на убийство сородича. Это явление подробно описано в работах К. Лоренца [6] и сейчас широко известно. Кроме запрета на убийство этология обнаружила у общественных животных и другие генетические механизмы, регулирующие их совместный образ жизни, который, как и у человека, предполагает взаимодействие, кооперацию, взаимопомощь, солидарность. Это помощь слабому (альтруизм), забота о детёнышах и т.п.

Натуралистические идеи в антропологии, а особенно в аксиологии и этике подвергались резкой критике с позиций трансцендентализма И. Кантом, позднее, В. Виндельбандом и Г. Риккертом, М. Шелером, Э. Гуссерлем, Н.О. Лосским и др. Достаточно подробно аргументы против натурализма рассмотрены в работе В.Г. Борзенкова [3]. Автор формулирует два основных вопроса, по которым натурализм кардинально расходится с трансцендентализмом: 1) возможно ли, исходя из понятия жизни в том виде, в каком она понимается биологической наукой, обосновать естественное происхождение человеческих ценностей? 2) возможно ли распространить понятие ценности на феномен органической жизни, т.е., жизни в её чисто естественнонаучном смысле? На оба вопроса трансцендентализм отвечает отрицательно. Главный аргумент трансцендентализма, как он представлен, например, у Г. Риккерта в работе «Философия жизни», состоит в том, что хотя биологическая наука не может обойтись без телеологии, но понятие telos здесь используется не в смысле цели, а в смысле конечного состояния, завершения какого-либо процесса. А там, где нет целей, нет и ценностей. (Действительно, ценность – это значимость объекта для человека, соответствие объекта какой-либо цели – М.З.). Поэтому Риккерт различает два вида телеологии: ценностно-ориентированную телеологию человека и свободную от ценностей телеологию живого [приводится по: 3].

Сам автор статьи критикует Риккерта с позиций нового, эволюционного натурализма и, ссылаясь на М. Рьюза, отмечает наличие глубокого единства двух телеологий, усматривая это единство в том, что продукты природы (живые организмы) и продукты человеческой деятельности (артефакты) «представляют собой некие функциональные целостности, несущие в своей организации неустранимую печать некоторого «замысла», «плана» [2, с. 99]. Эти продукты – «как бы спроектированные» явления, результаты творческой деятельности: в первом случае – природы, эволюции, во втором случае – человека. Опираясь на работы У. Гамильтона, М. Рьюза и Э. Уилсона, автор даёт положительные ответы на оба

поставленные выше вопроса и показывает (исторически оправданную) ограниченность взглядов на природу ценностей учёных и философов к. 19-н. 20 в. Социобиология, считает автор, породила устойчивые и вполне обоснованные надежды подвести научную биологическую базу под объяснение происхождения и эволюции всех форм социальности, включая человека, человеческое общество и человеческую культуру [там же].

Полностью разделяя позицию В.Г. Борзенкова, я хотела бы отметить, что обращение к аргументу «замысла», порождающего идею «творца», несколько противоречит общему научному и рациональному характеру дискуссии. Дело здесь, по-видимому, не столько в «замысле» и «проектировании», сколько в том, что живые организмы стремятся к самосохранению (конечно, бессознательно), и эта фундаментальная функция, как показал академик П.К. Анохин [2], является главной целью и системообразующим фактором биологических систем. Деятельность живых организмов не целенаправленна, как у человека, но она целесообразна, поэтому можно говорить и о «телеологии» живого (вероятно, лучше использовать понятие телеономии), и о наличии ценностей в живой природе: в основном это полезность или вредность условий существования для организма. А это значит, что человеческие ценности имеют естественное происхождение, но в социуме их диапазон, конечно, значительно расширяется и включает в себя, помимо полезного, также прекрасное, интересное, доброе, правильное, величественное, святое. Человек, будучи существом сознательным, осваивает мир целенаправленно и избирательно, т.е., он ставит цели и соответственно выбирает средства для достижения этих целей. И средства, и сами цели являются для человека ценностями. Человек вступает в многообразные отношения с другими людьми, которые (отношения) тоже являются ценностью. Любая вещь, любое свойство вещи, любое отношение может представлять для человека определённую ценность. Ценности вытекают из целей, цели, в свою очередь, вытекают из потребностей, а потребности – из общей природы человека (5).

Ещё один важный вопрос связан с возможностью распространения понятия телеономии и, соответственно, понятия ценности не только на биологические, но и на неорганические системы. Ничего мистического в такой постановке вопроса нет. То, что Г. Риккерт, говоря о telos в смысле конечного состояния, завершения какого-либо процесса, относил к биологии, сегодня можно отнести к физике и химии. Поведение неорганических систем, конечно, не является целенаправленным, как у человека, или целесообразным, как у живых организмов. Но оно, как утверждает синергетика, является квазицелесообразным, поскольку эти системы стремятся к оптимуму состояния, или минимуму энергетических затрат, осуществляют «выбор» дальнейшего пути развития

в точках бифуркации, обладают «памятью» и «параметрами порядка» (т.е., квазицелями), а их элементы способны кооперироваться и осуществлять согласованные действия, приводящие к переходу системы на новый уровень организации [16]. Отсюда следует, что понятия телеономии и квазиценности вполне могут быть использованы при описании неорганических систем.

Более того, отсюда следует, что человеческие ценности, в том числе, моральные имеют, по-видимому, ещё более глубокие и фундаментальные объективные основания, и их естественное происхождение можно обосновать, исходя не только из понятия жизни, но и из понятия материи, Вселенной, Космоса. Эта точка зрения высказывалась представителями русского естественнонаучного космизма, а позднее академик Н.Н. Моисеев отмечал, что использование терминов «кооперация» и «компромисс» вполне уместно при описании ряда форм взаимодействия в живой и неживой природе, и что человеческая нравственность имеет природные основания. «Принципы нравственности, - писал он, - формируются (как и духовный мир человека) в процессе эволюции общественного сознания как следствие общих законов самоорганизации Универсума» [11, с. 138].

Таким образом, концепция натурализма, которую у нас было принято критиковать как устаревшую, обедняющую и примитивизирующую образ человека, в действительности является вполне адекватной с научной и философской точек зрения. Выведение сущности человека из природных оснований не означает сведение, редуцирование её к биологии, а, напротив, означает возможность дать её генетическое, причинное объяснение. Натурализм не тождествен биологическому редукционизму, он содержит в себе ряд рациональных моментов: утверждение о наличии биологических детерминаций человеческого бытия, в том числе, культурных ценностей и норм, тезис о тесной взаимосвязи биологического и социального в человеке, тезис о наличии общей природы человека. И хотя неонатурализм в антропологии и аксиологии пока ещё носит характер мировоззренческой установки (как, впрочем, и универсальный эволюционизм, и антропный принцип в космологии), он имеет все шансы стать полноценной научной теорией, не потеряв при этом и своего глубокого философского содержания. Первые шаги в этом направлении уже сделаны, в том числе, в работах автора настоящей статьи.

References:

1. Алейник Р.М. Натуралистический поворот в философской антропологии// Философские исследования. 2013. № 3. С. 139-169.
2. Анохин П.К. Принципиальные вопросы теории функциональных систем. М.: Наука, 1980.

3. Борзенков В.Г. Жизнь и ценности. К обоснованию современного натурализма // Жизнь как ценность. М., 2000. С. 94-110.
4. Гобозов И.А. Натурализм в учениях о сущности человека и его бытия//http://society.polbu.ru/gobozov_socialphilo/ch57_all.html.
5. Зеленцова М.Г. Монистическая парадигма философского понимания мира и человека. Иваново: Изд-во ИвГУ, 2001. 248 с.
6. Лоренц К. Кольцо царя Соломона. М.: Знание, 1980. 208 с. Его же. Год серого гуся. М.: Мир, 1984. 184 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3.
9. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб: Евразия, 1999. 479 с.
10. Медведев Н.В. В поисках основания морали// Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 6 (50). 2007. С. 82-86.
11. Моисеев Н.Н. Нравственность и феномен эволюции // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 131-139.
12. Фейербах Л. Основные положения философии будущего// Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1995. С. 90-146.
13. Фейербах Л. Фрагменты к характеристике моей философии CURRICULUM VITAE// Сочинения: в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1995. С. 168-191.
14. Фромм Э. Хирау Р. Предисловие к антологии «Природа человека»// Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 146-168.
15. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1995. 256 с.
16. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 404 с.

A SYMBOLIC IMAGE AS A CONTAINER OF CONCEPTUAL MEANINGS (ON THE BASIS OF THE OLD NORSE EDDAIC VERSE "VÖLUSPA")

[1] Stepan Kalinin

1. Undergraduate, Department of Romanic and Germanic Philology, Kemerovo State University, Russia.

Abstract

The article deals with symbolic images and their conceptual meanings. The structure of these images is analyzed by using of the linguistic genetic methods; some different conceptual meanings are recognized and shown. The eddaic verse "Völuspa" (it is the part of the Old Germanic folklore texts gathering named The Elder Edda) is used as basis of this research, because it lets reconstruct the Old Germanic mindset by the best way.

Keywords: symbolic image, conceptual meaning, linguistic genetics, Old Norse language, The Elder Edda.

Наряду с концептами и концептуальными метафорами образы и образы-символы являются основными концептуальными и когнитивными единицами языка [11]. Задачей исследования образов и образов-символов в когнитивном аспекте является вычленение и анализ его основных структурных единиц – концептуальных смыслов.

Существует достаточно обширный спектр подходов к дефинициям понятий «образ» и «образ-символ». Так, согласно Н.Д. Арутюновой, в понятии образа «обозначилась идея формы, мыслимой отвлечённо от субстанции и поэтому воспроизводимой. Отделившись от природно данной ей материи, форма (образ) слилась с принципиально другим «партнёром» - духовной (идеальной) категорией. Понятие формы из области природы перешло в сферу культуры» [2, с. 314]. Она же упоминает о необходимости выявления связей между понятием образа и понятием символа, отмечая при этом, что данные понятия «… вступают между собой в системные отношения, содействующие их стабилизации» [2, с. 313]. Образ является составной частью более сложного образования – картины мира, и «является отражением предметов окружающего мира и воссоздаёт в сознании объект максимально похоже» [11]. Образ создаётся сознанием человека и присутствует (выражаясь в терминологии теории компьютерной метафоры, «хранится») там же. Воспроизводится же он «памятью, воображением, впечатлениями» и обычно формируется в сознании человека спонтанно, без явного внешнего воздействия и участия человека [11] (за ис-

ключением образов, конструируемых осознанно, со специальными целями, например, художественных образов [11]). «Зачастую сам образ носит схематический фрагментарный характер» [10, с. 103]. Образ может возникнуть в сознании даже при непосредственном отсутствии объекта отражения вблизи познающего субъекта или при невозможности объективного существования такого объекта в реальности (т.н. симулякры). «Образ обладает предметным характером, благодаря чему для познающего субъекта он выступает не как его собственное внутреннее состояние, а как объективная реальность, не отличающаяся в принципе от объективного источника отражения» [10, с. 99-100].

Несколько сложнее дело обстоит с дефиницией понятия «символ», поскольку однозначной и общепризнанной трактовки данное понятие в современной науке пока не имеет [11], несмотря на его широкое применение в лингвистике, филологии, литературоведении и др. областях знания. Так, считается, что понятие символа строится из обобщения понятия образа или понятия знака, как, например, в знаковой теории языка А.Ф. Лосева (например, определение символа в [5, с. 51]). С точки зрения данной теории языковой знак, употребляющийся в потенциально бесконечном множестве контекстов и тем самым приобретающий бесконечное множество значений, динамически переходит в символ [4]. Такой взгляд на природу символа сопоставим с подходом Р. Лангакера [13], в котором символы определяются как знаковые единицы языка, обладающие группой взаимосвязанных значений (т.н. «сеть значений»). Значение целой языковой единицы равно множеству значений всей сети [4]. В свою очередь, «сеть значений» можно сопоставить с понятием языковых генов, введённым М.М. Маковским [6, с. 3-171], на том основании, что, согласно определению, данному М.М. Маковским [6, с. 14-15], языковой ген является наименьшим основным носителем семантического значения того или иного языкового знака («семантического континуума» в терминологии М.М. Маковского [6, с. 15]). Семантическое значение того или иного языкового знака (а, следовательно, и символа) видоизменяется за счёт развития и изменения языковых генов, составляющих данный языковой знак (рекомбинаций и мутаций, опять же в терминологии М.М. Маковского [6, с. 15]).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для изучения структуры образа-символа необходимо исследовать структуру того языкового знака, за счёт которого он порождается, т.е. сеть значений или языковые гены, образующие структуру того или иного языкового знака. Необходимо также отметить тот факт, что концептуальные смыслы того или иного образа-символа напрямую зависят от «семантического континуума» соответствующих языковых генов.

Существуют и другие подходы к определению понятия «сим-

вол», например литературоведческий подход, предложенный С.С. Аверинцевым [1]: «В широком смысле можно сказать, что символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделённый всей органичностью и неисчерпаемостью образа. Всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ), но категория символа указывает на выход образа за собственные пределы, на присутствие некоторого смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного. ... Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немыслимые один без другого (ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты), но и разведённые между собой и порождающие между собой напряжение, в котором и состоит сущность символа. Переходя в символ, образ становится «прозрачным», смысл «просвечивает» сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива, требующая нелёгкого «вхождения» в себя» [1]. Тем не менее, стоит отметить тот факт, что в данном случае определение символа опять же строится на его соотношении с порождающими его образом и знаком.

Со времени появления первого человека с сознанием современного типа образы-символы продолжали и продолжают оставаться важнейшим средством для выражения концептуальных смыслов, существенно важных для данного индивида/этнической группы/этноса/народности. «Важнейшим средством концептуализации окружающего мира в древнем человеческом коллективе была символика, которая теснейшим образом связана с магическим мышлением язычников. Любое действие и движение... облекались в форму символа, соотносимого с божественной благостью, опасностью, жизнью или смертью, божественным очищением, принесением клятвы и т.д.» [8, с. 28]. Как предполагает М.М. Маковский, семантика большинства языковых знаков (а, следовательно, и соответствующих символов) в древних индоевропейских языках напрямую связана с ритуальной практикой язычников-индоевропейцев. В дальнейшем, по мере развития индоевропейской религии развивалась и совершенствовалась сама символика. «Большинство сакральных значений слова, обычно, табуированы, как бы «упрятаны» в пределах одного слова. Необходимо иметь в виду, что в целом ряде случаев в одном слове может быть скрыта тайна другого слова того же языка или целой семьи слов, а в этих словах может быть скрыта тайна человеческого бытия. Буквенные формулы (слова), имевшие изначально сугубо сакральный характер, хранят в себе тайну человеческой духовности, сущность различных ступеней, форм и параметров духовной энергии, глубоко скрытой от взглядов поверхностного наблюдателя» [8, с. 28]. Символами становились разнообразные предметы и явления окружающей действительности, как одушев-

лённые, так и неодушевлённые. «…В качестве естественных символов избираются силы и стихии природы, небесные и космические тела, драгоценные камни, реки, моря, леса, животные и т.п.» [2, с. 340]. Символами становились животные, растения, мифологические существа и т.п. Особую роль в процессе концептуализации действительности сознанием архаического человека занимают образы людей, так как именно в структуре данных образов отразились наиболее важные концептуальные смыслы, отражающие представление человека о самом себе, о собственном бытии и о своём месте в мире. В связи с этим интересно отметить тот факт, что модель мира во многих древних индоевропейских культурах представлена в виде человека. Во многих индоевропейских культурах существует миф о создании мира из тела первочеловека (иногда представляемого великаном), существовавшего от начала времён. Так, в ведической мифологии мир создаётся из тела первочеловека Пуруши, в германо-скандинавской – из тела великана Имира и т.д.

Ниже будет представлен анализ концептуальных смыслов образов на примере женских образов божеств, упоминаемых в песне «Прорицание вёльвы» (дисл. Völuspa) из фольклорного памятника германо-скандинавской мифологии «Старшая Эдда». Несмотря на то, что он был письменно зафиксирован только в XII-XIII вв., нет никаких сомнений в том, что представленные в нем песни о богах и героях бытовали и ранее в устной традиции.

Песнь «Прорицание вёльвы», о которой упоминалось выше, является одной из самых известных песней «Старшей Эдды». Она является одной из самых известных песен «Старшей Эдды» и одним из наиболее богатых источников по мифологии и верованиям германо-скандинавов. По всей вероятности, она возникла в переходную эпоху между язычеством и христианством (вторая половина-конец X в. [9, с. 400-401]). Фабулой песни является пробуждение вёльвы (колдуньи, предсказательницы, от дисл. völva) из царства мёртвых верховным богом германцев и скандинавов Одином с целью услышать от неё рассказ о прошлом, настоящем и о будущем мира, о его судьбах.

Сама номинация «вёльва» имеет глубокие праиндоевропейские корни. Так, по всей вероятности, оно восходит к индоевропейскому корню *u̯el-, первоначальная семантика которого связана со смертью [4]. Примеры дериват этого корня можно найти во многих индоевропейских языках, в т.ч. и в германских, например, двн. wal «труп» (ср. с современным немецким Walfeld «поле боя», в настоящий период развития немецкого языка Wal- употребляется только как компонент сложных слов, в древневерхнемецком же это было вполне самостоятельное слово), да. wael «поле боя», дисл. valr «тела павших на поле боя» и др. [14]. В других индоевропейских языках данный корень представлен в таких лек-

семах как, например, дирл. fuil «кровь», лит. veles «призраки», длит. veluokas «привидение», лат. veli «духи» и др. [14]. Кроме того, нельзя не упомянуть о таких мифологических персонажах как славянском боге Велесе и балтском Велнясе. В этих мифологических системах данные боги являются властителями подземного царства и мира мёртвых, а также покровителями магии и волшебства. В этом прослеживается их несомненная схожесть с вельвой из «Старшей Эдды», которая, во-первых, сама является колдуньей и предсказательницей (буквально с дисл. völva – «колдунья», «волшебница»), во-вторых, пробуждена Одином из мира мёртвых, в-третьих, способна перемещаться в вертикальной мировой проекции вдоль ясеня Иггдрасиль («мировая ось» в системе германо-скандинавской мифологии) от мира мёртвых Хель внизу до царства богов наверху.

Другими значимыми персонажами в данной эддической песни являются три норны (буквально, как стоит в тексте, «три вещие девы») – Урд, Верданди и Скульд (дисл. Urð, Verðandi и Skuld). Буквально их имена означают «судьба», «становление» и «долг». Норны являются хранительницами времени и судеб всего мироздания. Соответственно, норна Урд – хранительница прошлого, Верданди «отвечает» за настоящее, а Скульд – за будущее. Имена первых двух норн восходят к одинаковому праиндоевропейскому корню *u̯er-/*u̯ert- со значением «вращаться», «оборачиваться» [14], который широко представлен во всех древних и во многих современных индоевропейских языках. Так, в частности, дериватами данного корня являются санскр. vartati «поворачиваться», лат. verto, verti, versum, vertere «вращать», «поворачивать», отделительный глагол revertor «поворачиваться», vortex «вращение», versus «противоположный» и др. [14]. Славяно-балтский корень *u̯ertio-, являющийся исходным для огромного пласта лексики, также является дериватом от *u̯er-/*u̯ert-, как и дирл. adferta «находиться напротив», adbart «противолежащий» [14]. Широко представлен данный корень и в германских языках: гот. wairþan, да. werdan, двн. werdan «становиться», «превращаться» [14]. К имени норны Urð существуют и западногерманские параллели да. wyrd, двн. wurt с подобными значениями – «судьба», «участь», «жребий» [14].

Имя же норны Skuld также восходит к праиндоевропейскому корню *skel- со значением «быть должным», причём данный корень репрезентируется только в германских, в славянских и в балтских языках, в которых широко представлены его дериваты [14]. Примерами могут служить гот. skulan, да. sculan, двн. scolan «быть должным», да. scyld «стыд», гот. skula «должник». В балтских языках примерами дериват данного корня являются длит. skelė́ti (соответственно, совр. лит. skeliéti) «быть должным», длит. skolà «стыд», дпрус. skellānts «виновный», дпрус. skallīsnan «обязательство» (вин. п., с чередованием по аблауту), лит. kaltẽ «стыд», kal̃tas

«виновный» с редукцией фонемы –s [14]. Можно также провести параллель с омонимичным данному корнем *skel-/*kla-/*klo-, имеющим значения «сгибать», «согнуть», «искривить» [14]. В некоторых древних индоевропейских языках он был переосмыслен по цепочке метафор «сгибать» - «наклонять» - «искажать» - «предавать». Примером может служить лат. scelus, -eris «предательство», «злоба».

Ещё одним значимым женским персонажем в «Прорицании вёльвы» является Гулльвейг (дисл. Gullveig), упоминаемая в связи с повествованием о самой первой войне в мире, происходившей между двумя группами богов – асами и ванами. Содержание данного мифа, по-видимому, следующее: ваны (аграрные божества), в т.ч. и такие боги как Ньерд, Фрейр и Фрейя, послали асам женщину по имени Гулльвейг – воплощающую жадность, которая сеяла среди них раздоры, прикинувшись колдуньей. Тогда асы стали совещаться, брать ли им с ванов выкупов и принять ли их в свой род. Совещание не состоялось, и между двумя группами богов началось прямое противостояние. Верховный бог Один начал войну с ванами, метнув в них копье (традиционный обычай древних германцев, возвещавший о начале битвы, кроме того, таким образом копье символически посвящалось богу войны). Асы терпели поражения, но, в конце концов, между асами и ванами был заключён мир, и они обменялись заложниками.

Само имя женщины, ставшей причиной войны между богами, - Gullveig – является двухкомпонентным, русским эквивалентом его может служить словосочетание «власть золота» или «сила золота». Вообще, лексема veig в древнеисландском языке имеет достаточно широкий спектр значений, связанных с семантикой силы и мощи [3] [12] [15]. Так, помимо значений сила «сила», «власть», «мощь» [12] [15], оно имеет значения «прочность» [3], обозначает некоторые абстрактные понятия, как, например, «суть», «сущность» [12], является номинацией для некоторых крепких напитков, вина и пива (что, по-видимому, и было первоначальным значением данной лексемы [12]). Кроме того, данная лексема является компонентом такого словосочетания, как Fjölnis veig (буквально обозначающее «напиток Фьялара» от имени одного из персонажей мифа о добыче Одином мёда поэзии; подробно этот миф изложен в «Младшей Эдде»), которое метафорически означало «поэзия», «стихи» и употреблялось в основном в поэтической речи [12]. Также компонент veig- входит в состав многих женских имён, например, Þórveig «сила Тора», Sólveig «сила Солнца», Álmveig «сила вяза», Mjaðveig «сила мёда» и др. [12]

Что касается этимологии слова veig, то он имеет несколько параллелей в других индоевропейских языках, преимущественно со значением «вечер» [14]. К таковым можно отнести лат. vesper, -eris «вечер», лит. vakaras и лат. vakars с тем же значением, лат.

umbra (от *unskra-) «тень», дирл. fescor «вечер», ст.-слав. вечеръ [14]. Данные лексемы восходят к одному праиндоевропейскому корню *su̯es-kero с аналогичным значением [14].

Подводя итоги всему вышесказанному, можно выделить несколько основных черт и семантических компонент, которые содержат женские образы в «Прорицании вёльвы». В первую очередь, женщина выступает как носительница творящей энергии и силы, также как носительница магии (образ вельвы, образ Гулльвейг, прикинувшейся колдуньей). Также некоторые женские образы маркируются как связанные со временем и с судьбой (норны с метафорическими, «говорящими» именами, воплощающие прошлое, настоящее и будущее; кроме того, также явно обозначена связь норн с магией: они «резали руны … судьбы судили, жизнь выбирали», т.е. совершают магические действия). Некоторые женские образы маркируются как связанные с войной (Гулльвейг, ставшая причиной войны между богами). Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторым женским мифологическим персонажам доступно то, что недоступно даже богам, например, норны определяют судьбы всего сущего, вёльва может «заглянуть» и в прошлое, и в будущее, что неподвластно даже верховному богу Одину и т.д. Таким образом, основными концептуальными смыслами, актуализируемыми в женских образах из «Прорицания вёльвы», является волшебство, магия, способность к магическому преобразованию действительности, а также женщина как вместилище (сосуд) для производящей и творящей силы. Можно сделать вывод, что женские образы занимают значительное место в мифологической картине мира древних германцев и в их языковом сознании, следовательно, являются для неё важнейшими носителями концептуальных смыслов.

References:

1. Аверинцев С.С. Символ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/simv.php
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. [Текст]. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
3. Берков В.П., Бёдварссон А. Исландско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://norse.ulver.com/dct/ berkov/index.html.
4. Дубровина И.В. Знак и значение в знаковой теории языка А. Ф. Лосева и когнитивной грамматике Р. Лангакера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://losevaf.narod.ru/dubrov.htm.
5. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. [Текст]. М.: Мысль, 2001. 558 с.
6. Маковский М.М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. Изд. 2-е, испр. и доп. [Текст]. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 208 с.
7. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. Изд. 2-е, стереотипное. [Текст]. М.: КомКнига, 2005. 200 с.

8. Маковский М.М. Язык – Миф – Культура. Символы жизни и жизнь символов. [Текст]. М.: Русские словари, 1996. 330 с.
9. Старшая Эдда / Пёр. с древнеисл. А. Корсуна [Текст]. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. 464 с.
10. Уваров Л.В. Образ, символ, знак (анализ современного гносеологического символизма). [Текст]. Минск: Изд-во «Наука и техника», 1967. 120 с.
11. Шарикова Л.А. Образ-символ рыбы как ментальная единица мифологической картины мира древних германцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-412/folklore-412/15217-412-0664.
12. Cleasby R. Icelandic-English dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://norse.ulver.com/dct/cleasby/index.html
13. Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Volume I: Theoretical Prerequisites. [Text] / R. W. Langacker. - Stanford, California: Stanford University Press, 1987. – 521 p.
14. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dnghu.org/ indoeuropean.html
15. Zoega G. A concise dictionary of Old Icelandic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://norse.ulver.com/dct/zoega/index.html.

STATE CONTROL IN THE 1927-1934 YEAR (FOR EXAMPLE, LENINGRAD)

[1] Anton Kopiak

1. Student Saint Petersburg State University, Russia.

Abstract

This paper investigates the activities of state control in Leningrad in the 20-30 years of the last century. The work par excellence, based on the materials the state archives of St. Petersburg, which had not previously been used.

Keywords: government control, Leningrad.

Данная работа представляет собой тезисное изложение нашего исследования проведённого в Санкт-Петербургском университете в рамках магистерской диссертации. Оно охватывает следующие временные рамки: нижняя граница представлена 1927 г., который характеризуется началом первой пятилетки по индустриализации СССР; верхняя граница представлена 1934 г., т.е. когда произошла реорганизация органов государственного контроля, вместо рабоче-крестьянской инспекции (далее – РКИ) образуется комиссия советского контроля при Совете народных комиссаров СССР. Географически наше исследование ограничено Ленинградом. Этот город представляет некоторые особенности для данной темы по причине того, что он являлся одним из крупнейших промышленных центров страны. Актуальность темы исследования выражается в том, что до настоящего времени отсутствовали работы по данной теме построенные на архивных материалах, по причине закрытости архивов; работы наших предшественников, по преимуществу, были основаны на материалах газет и журналов (например, Ленинградской правде, За рационализацию, За темпы и качество и др.). Мы отказались от исследования темы РКИ в совокупности с Контрольной комиссии партии (далее – КК ВКП (б)), по причине того, что в противном случае объем материала увеличился за счёт анализа чистки партийных рядов. Кроме того, в работе мы анализируем соотношение понятий «контроль» и «надзор», они представляются нам различными. В России понятие «надзор» используется преимущественно к прокурорскому надзору. РКИ принадлежали контрольные функции, благодаря которым она могла вмешиваться в хозяйственную деятельность предприятий и учреждений, прокуратуре принадлежали надзорные функции, что позволяли ей вмешиваться только по факту, вопросы её компетенции находятся исключительно в правовой плоскости. Рассматриваются различия между так называемом буржуазном контроле, в сферу которого попадает преимущест-

венно финансовый контроль, и социалистическом контроле, который может вмешиваться во все сферы, как хозяйственной деятельности организации, так и нехозяйственной. Кроме того был отграничен государственный контроль от рабочего контроля, который являлся первым этапом национализации предприятий в первые годы советской власти. Архивные источники представлены в основном фондом 1027 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб) и фондом 433 Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГА ИПД СПб). В ЦГА ИПД СПб были использованы и другие фонды, но интересующая нас информация там была представлена в незначительном объёме. Помимо материалов проверки предприятий и учреждений, рассмотрения жалоб граждан и организаций, нами рассмотрена структура РКИ на территории Ленинграда, установлена численность штата, уровень заработной платы, работа совместителей и общественных помощников РКИ. Были исследованы материалы по Библиотеке академии наук СССР, государственной публичной библиотеке, фабрики Гознак, Балтийскому судостроительному заводу, заводу Большевик, Ленинградской консерватории, предприятий и учреждений Василеостровского района и др. В историографической части помимо научных публикаций была исследована учебная литература по отечественной истории и истории отечественного государства и права. Был сделан вывод, что деятельность РКИ, не смотря на её значимость, освещается в ней незначительно. Исследован ряд нормативно-правовых актов с целью определения места РКИ среди существовавших органов управления. Был подтверждён тезис о широчайших полномочиях предоставленных РКИ в рассматриваемый период. Незначительно нами были использована пресса – газета «Ленинградская правда», официальный печатный орган городской парторганизации. Материалы прессы необходимо изучать под призмой цензуру, архивные материалы, ввиду ограниченности доступа, от этого свободны. Материалы печати отражают ту же атмосферу, что и архивные материалы, с учётом, что последние акцентируют внимание на той или иной проблеме более детально. Однако именно обращение к Ленинградской правде позволило нам говорить о некотором противоречии между источниками. Так архивные материалы (в нашем случае это сообщение ОГПУ) показывают нелицеприятную картину в Ленинградском отделении Птицеводсоюза по экспорту яйца и птицы заграницу. За исследованный сезон 1927 г. было экспортировано 1430 вагонов яиц. В результате ряда махинаций под видом яйца 1 и 2 сортов поставлялись яйца 3 и 4 сорта. На каждый вагон яиц заграницу приходилось 50-60% не экспортного товара. Таким образом, экспортный сезон закончился убытком в 950 000 руб. Птицеводсоюз незаконно выручил ва-

люты на 8 680 000 руб. [1, л. 323-328]. Вместе с тем в Ленинградской правде опубликовано, что покупатель яиц – гамбургская фирма «Бер и Матью» были довольны качеством яиц поставляемой им Птицеводсоюзом, кроме того отмечалось, что сбор яиц в минувшее лето был особенно удачным [2, с. 5]. Конечно, это только одна из сделок по поставке товара, однако, маловероятным представляется одна качественная поставка при массе некачественных. Любопытно отметить, что через некоторое время, а именно в августе 1929 г. яйцо в Ленинграде становится дефицитным товаром.

Материалы проверок РКИ могут представлять интерес для специалистов, занимающихся историей отдельных предприятий и учреждений, т.к. они представляют собой прекрасную выдержку по их деятельности. Так материалы по заводу Большевик показывают нам: социальный состав рабочих и служащих (коммунистов – 18,29%, комсомольцев – 0,8%, беспартийных – 80,97%), их социальное происхождение (было представлено даже 15 представителей дворянского сословия), лица которые подлежали снятию, замене, перемещению с занимаемых должностей; количество выдвиженцев (они были преимущественно мужчины, что впрочем, говорит о преобладании на производстве мужчин над женщинами; большинство из них были партийные, что может говорить о том, что были случаи вступления в партию из-за желания сделать карьеру; по социальному происхождению выдвиженцы в подавляющем большинстве происходили из рабочего класса), также данные показывают нам о большом количестве «летунов», т.е. лиц которые часто меняли место работы. Имеются данные по стажу работы среди выдвиженцев. В различных группах по стажу количество выдвиженцев в целом равномерно за исключением группы со стажем до 5 лет и в двух группах со стажем до 35-40 лет и свыше 40 лет [1, л. 553]. На примере Балтийского судостроительного завода и Ленинградской консерватории видно, каким образом лица недовольные назначениями расправлялись со своими конкурентами. В первом случае заявление было составлено группой студентов недовольных сложностью поступлению на завод лиц пролетарского происхождения и желающих быть принятыми вместо «вредителей» под которыми подразумевались, естественно, бывшие, например Семён-Тянь-Шанский. Это происходило вследствие якобы действующей там контрреволюционной группы, которая помимо прочего давала брак, передавала секретные сведения по новым подводным лодкам за рубеж [1, л. 482-484]. Во втором случае заявление анонимное, но по его содержанию видно, что оно составлено группой лиц из профессорско-преподавательского состава, рисующих яркую картину контрреволюционной группы в стенах консерватории [1, л. 952-953 об.].

Ввиду ограниченности объёма тезисов говорить об организационной структуре РКИ особо не приходится, однако стоит отме-

тить, что на 1930 г. в составе РКИ имелось 11 групп (строительства; лесного хозяйства; сельского хозяйства; транспортная; торгово-кооперативная; советского строительства и рационализации аппарата; финансово-бюджетная; культурно-бытовая; кадров; особая), а также Бюро жалоб, которое включало в себя 4 сектора (проверки и инструктирования; массовой работы; информации и учёта; планирования) [2, л. 14-18]. Положение их было изменчивым, в зависимости от задач которое ставило партия и правительство полномочия указанных групп, а также их название менялись. Так одна группа именовалось в одно время – группа торговли и кооперации, торгово-кооперативная группа, группа торговли, снабжения и заготовок. Кроме того, не все структурные части РКИ образовывались одновременно, например в 1932 г. образована военно-морская группа, инспекция цен, в 1933 г. – группа городского транспорта, общественного питания и хлебопечения, внешней торговли.

К работе РКИ активно привлекался совместители и актив. Так, в частности, при Бюро жалоб был организован актив. В него входили: члены секций Ленинградского совета; члены ВЛКСМ, работающие на предприятиях; студенты высших и высших технических учебных заведений; женщины-делегатки рабочих и крестьянок; рабочие заводов и фабрик; рабкоров и стенкоров; красноармейцев и краснофлотцев; заседатели народных судов и народных заседателей. Таким образом, представители различных слоёв общества должны были представлены довольно широко. Однако среди этого перечня мы не видим представителей интеллигенции и слабое представительство крестьянства, говорится только о женщинах крестьянках.

Безусловно, тезисное изложение подразумевает весьма общее изложение и, как правило, содержит только выводы. Однако представляется, что нам кратко удалось познакомить читателя с нашей работой.

References:

1. ЦГА СПб. Ф. 1027. Оп. 4. Д. 2.
2. ЦГА СПб. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 74.
2. Ленинградская правда. 1927. 6 окт.

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF TATARSTAN IN THE MID-1950S - EARLY 1960S. SOUTH-EASTERN TRANS-KAMA

[1] Bulat Minnibaev

1. Senior lecturer, department of law and economics Elabuzhsky institute of Kazan (Volga) federal university.

Abstract

In historic importance of South-Eastern Trans-Kama is one of the most important economic regions of Tatarstan. Unlike other areas of the country, South-Eastern Trans-Kama stands extremely rich mineral resources. The main natural resources are oil. Thanks to the large deposits of oil, the economy has changed dramatically in the whole area and the economic potential of Tatarstan.

Keywords: administrative regions, oil, building materials, mineral springs, intake structures, industrial and cultural center.

Юго-Восточное Закамье, расположенное на юго-востоке Татарской АССР, занимает площадь 11236 кв. км. В административном отношении, делится на 7 районов: Азнакаевский, Альметьевский, Бавлинский, Бугульминский, Лениногорский, Сармановский и Ютазинский [1, с. 216].

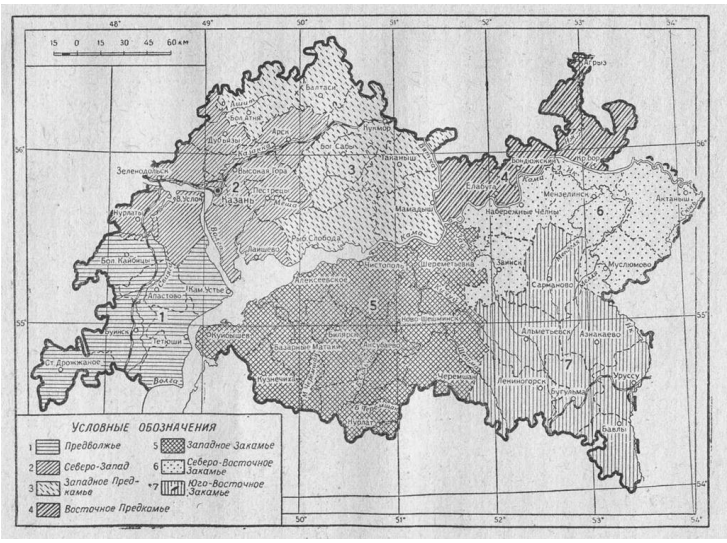

Рис. 1. Экономические районы Татарской АССР [1, с. 151]

Юго-Восточное Закамье находится на самой возвышенности Татарии, имеющая богатые месторождения природных ископаемых.

К началу 1959 г. Юго-Восточном Закамье проживает 440 тысяч человек. По средней плотности «населения (39,1 человек на 1 кв. км) Юго-Восточное Закамье превосходит все экономические районы, за исключением Северо-Запада. По отдельным административным районам средняя плотность населения колеблется от 23,6 (Сармановский район) до 59 (Бугульминский район) человек на 1 кв. км» [1, с. 218].

После окончание Великой Отечественной войны, Юго-Восточное Закамье становится одним из индустриальных районов республики. Главной отраслью народного хозяйства стала нефтяная промышленность. Практически вся добываемая нефть Татарии сосредоточена именно в этом районе. По своим размерам добычи нефти Юго-Восточное Закамье «намного превосходит Бакинский район и занимает первое место в Советском Союзе» [1, с. 220].

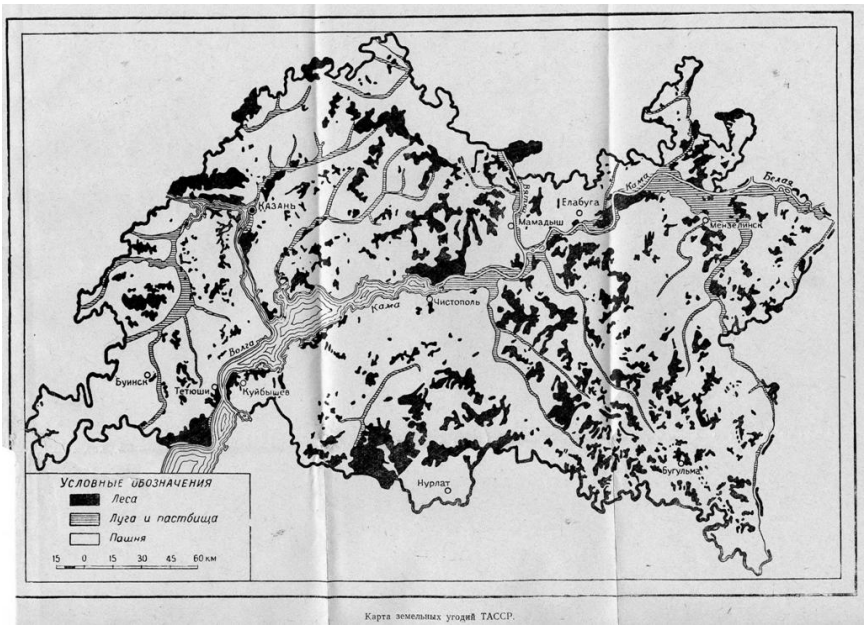

Рис. 2. Карта земельных угодий ТАССР [1, с. 201]

Население Юго-Восточного Закамья, является многонациональным. За исключением Бугульминского и Альметьевском районов практически повсеместно преобладает татарское население. Кроме татар и русских Юго-Восточном Закамье, проживают в небольшом количестве чуваши, мордва, удмурты, мари и украин-

цы. В связи с развитием нефтяной промышленности и притоком из других частей страны, произошло значительное изменение национального состава.

Важным центром Юго-Восточного Закамья является город Бугульма, который занимает второе место в республике по количеству жителей (61 тысяча человек) [1, с. 222]. Ниже в таблице приведены данные роста численности некоторых городов Юго-Восточное Закамья.

Таблица 1

Рост городского населения и численность населения
её городских поселений [1, с. 68]

№ п/п	Города и рабочие посёлки	Количество жителей			1959г. в% к 1926 г.
		1926 г.	1939 г.	1959 г.	
1	Азнакаево	—	—	11700	—
2	Альметьевск	—	—	50900	—
3	Бавлы	—	—	13300	—
4	Бугульма	14302	24900	61000	427
5	Лениногорск	—	—	38600	—

Бугульма является наиболее крупным культурным центром юго-восточной части Татарии. Так как здесь располагается «Татарский нефтяной научно-исследовательский институт, педагогическое училище, более 20 общеобразовательных школ, два технических училища, дом культуры и др.» [1, с. 222].

Следующим, по значимости городов Юго-Восточного Закамья является Альметьевск, который занимает пятое место в республике по количеству жителей. Прежде всего, Альметьевск это главный центр нефтяной промышленности Татарии. Здесь построены целый ряд предприятий, которые «обслуживают нефтяную промышленность и население города, в том числе хлебозаводы, маслозавод, завод железобетонных изделий, по ремонту нефтяного оборудования, деревообрабатывающий комбинат, автотракторо-ремонтный завод и другие предприятия» [1, с. 223].

Кроме этого в Альметьевске основана «целая сеть школ и культурно-просветительных учреждений, среди них вечерний факультет Московского института нефтехимической и газовой промышленности, дворец культуры и дом пионеров» [1, с. 223]. Осуществляется работа по «благоустройству города электроэнергией, сооружён водопровод, в широких масштабах проводится газификация, асфальтирование, озеленение» [1, с. 224].

References:

1. Абрамов П.В. Татарская АССР (Экономико-географический очерк). Казань, 1960. С. 216-228.

2. Народное хозяйство РСФСР в 1958 году. / Статистический ежегодник. Москва, 1959.
3. Очерки по географии Татарии. Казань, 1957. С. 135.
4. Татарская АССР за 40 лет. Статистический сборник. Казань, 1960.

THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF THE TYPOLOGY OF FORTRESS-TYPE CHURCHES (EGLISES - FORTIFIEES) IN FRANCE

[1] Igor Orlov

1. Docent Lipetsk State Technical University.

Abstract

The article considers the problem of the emergence and formation of the typology of fortress-type churches between the 5th and 10th centuries as a peculiar phenomenon of European culture. The various historical, religious and geographical reasons are considered which influenced the formation of the fortress-type cult architecture. The present article is one of the first attempts in Russian medieval studies to trace the emergence and formation of the typology of fortress-type churches (eglises - fortifiees).

Keywords: Crusader, Occitany, Church, theoretical concept, construction.

Опыт возведения укреплённых церквей (eglise fortifiee) на территории Европы, вообще, и на территории Окситании, в частности, имеет весьма древние истоки. И хотя наиболее старые «eglise fortifiee», сохранившиеся до наших дней, берут своё начало со второй половины XI в., когда начинают возводиться первые каменные церкви-донжоны (типа – eglise fortifiee), тем не менее, сегодня мы достоверно знаем, что культовые христианские сооружения (приходские церкви, соборы, монастыри, часовни) с самых первых веков своего возникновения в IV-V вв. уже обладали «правом убежища» (лат. – jus asyli). Это право, которое законодательно было закреплено за Церковью ещё при Феодосии II (431 г.), в дальнейшем подтверждалось и другими правителями. [1, с. 115-117] «Право убежища» подразумевало также возможность служить местом укрытия во время многочисленных войн раздиравших и пространства Европы и в эпоху поздней Античности и в эпоху почти всего Средневековья. Изначально культовые христианские сооружения использовались в качестве убежища при нашествии многочисленных племён «варваров» (во времена «Великого переселения народов»), затем во времена экспансии воинов Ислама, далее в эпоху постоянных набегов викингов, и затем во времена почти постоянных феодальных и религиозных войн (с неизбежными бесчинствами отрядов наёмников и мародёров - рутьеров). На долгие, долгие времена, западная христианская Церковь воспримет такое использование культовых религиозных сооружений, как неприятную необходимость. Вопрос состоял лишь в том, что подчас это «право убежища» не соблюдалось даже

дружинами и армиями христианских правителей, не говоря уж о войсках арабских халифов, доходивших в VIII столетии практически до Пуатье или «язычников» – викингов, наводивших ужас на всю Европу.

На всем протяжении Средневековья мы также постоянно встречаем примеры перенесения наиболее ценных христианских реликвий в отдалённые укреплённые монастыри или укреплённые церкви, подальше от военных опасностей. Так, например, святые мощи св. Бенуа (Бенедикта) Нурсийского (+529), аббата монастыря Мон-Кассен (Монте-Кассино), (свод «Правил» которого, был принят первоначально около 620 г. в аббатстве Отрив (епархия Альби), а затем во Флери-сюр-Луар (Сен-Бенуа) и стал в дальнейшем основой западного «Бенедиктинского» монашества), были спасены и перенесены около 672 г. в Галлию из разграбленного арианами-лангобардами аббатства Монте-Кассино (Ломбардия). Видимо не сильно уповая на соблюдение «священного права убежища» в эти «Тёмные века» местные жители и духовенство издавна стремились возводить культовые христианские сооружения таким образом, чтобы они в случае необходимости могли создать хотя бы некоторую защиту укрывшимся в них жителям. Во многих городах, храмы, возводившиеся в эти неспокойные времена, чаще всего стремились соорудить прилегающим непосредственно к крепостным стенам. Например, в городке Теруане (Terouanne) при сооружении церкви строители просто «наложили» полукруглую апсиду на уже существующий до этого галлороманский пояс городских стен, образовав своеобразный гибридный «культово-фортификационный» интерьер. Известно, что подобное строительное решение было реализовано в эпоху раннего средневековья во многих городах, например в Дижоне (Dijon), Туре (Tours), Ле Мане (Le Mans), Анжере (Angers), Нанте (Nantes), Суассоне (Soissons), Нуайоне (Noyon), Сенли (Senlis), Колонь (Cologne), Бурже (Bourges), Каоре (Cahors), Бордо (Bordeaux), Родезе (Rodez), Тулузе (Toulouse), Сен-Лизьере (Saint-Lizier). [2]

«Великое переселение народов», мощными потоками захлестнувшее и систематически разрушавшее Римскую империю, и как следствие этого – ускорившее процесс образования т. н. «Варварских королевств» на римских землях, были изначально основными причинами, которые вынуждали Церковь придавать своим культовым сооружениям фортификационный характер, приспосабливая их к обороне от частых и внезапных набегов незваных пришельцев. [3] В римском обществе, которое распадалось под ударами свежих сил, Христианская Церковь, хранительница культурного наследия римской цивилизации и её сокровищ, была подвержена нескончаемым грабежам как на севере и западе Галлии (германцами и норманнами), так и на юге Галлии и Испании (арианами-вестготами и сарацинами). Немецкий учёный Ульгорн

(Uhlhorn) замечательно точно характеризует роль Церкви в эту переломную эпоху истории: «Что стало бы с Римским государством без христианства! Одним Церковь оказала помощь, несчастья других облегчила, иным осушила слезы. Древний мир должен был умереть, и этого предотвратить было не в состоянии христианство, но оно, по крайней мере, сделало то, что умирающий мир нашёл в нем утешение и успокоение. Церковь присутствовала при последнем часе умирающего, окружая его нежной заботой и облегчая его с такой гуманностью, о которой древний мир даже в цветущее его время и понятия не имел ». И далее Ульглорн отмечает: «Вот над страной пронеслись полчища диких народов, села и города лежат в пепле, но продолжает жить христианская Церковь и начинается её деятельность. Храмы, капеллы, госпитали и монастыри, богадельни снова возникают, эти здания прежде других поднимаются из пепла. Организуется помощь потерпевшим, церковные житницы растворяются, несчастные жители имеют хлеб и питье. Церковь не отказывает им и в крове. Вместе с материальной помощью получают они и духовную. А народ, бывший причиной общественного бедствия, народ варварский, непривыкший к труду, презирающий труд, под благодетельным влиянием монастырей приучается к труду. Монастыри везде были исходными пунктами новой культуры». [4]

По мере относительной стабилизации варварских набегов к VIII в. у Церкви появляется новый «враг», не менее жадный и хищный чем варвары и мавры – свой же «брат во Христе» местный феодал (алчность и жестокость которого порой была не меньше чем у «нехристей»). Картулярии старешего аббатства Сен Бертен (Cartularie de Saint-Bertin, par Guerard. Preface, p. XLIV.) поведали нам о том, что в IX в. аббатству приходится защищаться на два фронта: от норманнов и местного графа Бодуэна Фландрского, захватившего монастырь Сен-Бертен (а затем и аббатство Сен-Омер) в 900 г. и превратившего его в свой укреплённый замок, не забыв конфисковать в свою пользу богатства обители. Так, что после неверного и еретика, естественным врагом Церкви частенько становится местный сеньер, человек жестокий, алчный и воинственный. [5, с. 188-206] Такова была эпоха и таковы были условия, которые могут объяснить нам почему Церкви приходилось заранее прибегать к поиску средств защиты при возведении культовых христианских сооружений практически повсеместно. Причём подобная картина наблюдается в указанный период как на христианском Востоке (например, в Египте – где монастыри становятся настоящими крепостями), [6, с. 138] так и на христианском Западе – где первоначально аббатства и церкви укреплялись весьма поверхностно (например, ранний план аббатства Сен-Галль). [7, с. 72] Обилие строительного леса на просторах Британии, Германии, Галлии и Ближней Испании в V-IX вв. позволяло быстро и недорого возводить многочисленные культовые

сооружения и хозяйственные постройки, которые впрочем, были мало приспособлены к обороне в случае внезапного нападения. Значительное число примеров подтверждающих подобную практику мы можем отыскать в работах зарубежных медиевистов. Так, например, церковь монастыря Молем (de Molesme), выходцем которого был св. Робер (Saint Robert), в последствие основатель аббатства Сито, первоначально была возведена из дерева в 1075 году, точно так же была построена посреди глухого леса первая церковь Сито (de Citeaux) в 1098 году. Цистерцианское аббатство Фонгийом (de Fonguillem) в Базаде (en Bazadais) основанное в 1124 году, первоначально возводило свои церковь и часовню из древесины и лишь спустя несколько лет, уже реконструировало их в камне. [8, с. 295-296] Весьма интересен для нас тот факт, что помимо тех редких в эту эпоху случаев, когда церкви и монастыри находились внутри городских стен и были защищены ими, аббатства и церкви, возводимые вне городов, имели потребности в сооружении земляных укреплений (рвов и валов) или стен ограждения.

Наиболее ранние элементы фортификации применённые в культовых зданиях мы встречаем, например: в монастырском комплексе Сен-Флоран-ле-Вией (Saint-Florent-le-Vieil) в Анжу (Anjou), построенном в 1030 году, в аббатство Фульк Нерра (Foulque Nerra) на горе Гломм (Glomme), которое было защищено помимо стен горой и лесным массивом, или в аббатстве Сен-Трон (Saint-Trond) во Фландрии, которое было укреплено аббатом Аделяром II (Adelard II) в середине XI столетия. [9, с. 324-326] Подобные деревянные культовые сооружения имеющие фортификационный характер охваченные пожаром, можно видеть также изображёнными на знаменитом ковре из Байо, датируемым XI в. В биографии епископа Иоанна Теруэнского, составленной около 1130 г., есть описание одного из таких церковных укреплений: «Епископ Иоанн, объезжая свой приход, часто останавливался в Мэрчеме. Возле церкви находилось укрепление, которое с полным основанием можно назвать замком. Он был построен по обычаю страны бывшим лордом этой местности много лет назад. Здесь, где благородные люди большую часть жизни проводят в войнах, приходится защищать своё жилище. Для этого насыпают холм земли такой высокий, насколько это удаётся, и окружают его рвом, широким и глубоким, насколько это возможно. Вершину холма окружают очень крепкой стеной из отёсанных брёвен, располагая по окружности изгороди маленькие башенки – столько, сколько позволяют средства. Внутри изгороди ставят дом или большое здание, откуда можно наблюдать, что происходит окрест. Войти в крепость можно только по мосту, который начинается от контрэскарпа рва, поддерживаемый двумя, а то и тремя опорами. Мост этот поднимается до вершины холма». [10, с. 580-

581] Интересно, что далее биограф повествует о том, как однажды, епископ со своей свитой поднимались по мосту и мост обвалился, а люди с высоты 35 футов (11 метров) упали в глубокий ров. Согласно мнению ряда историков, например Э. Окшотта (Ewart Oakeshott), именно под непосредственным влиянием укреплённых монастырей во Франкском королевстве, для защиты от набегов викингов, начинают возводиться и первые светские деревянные замки. Укрепления этого типа, как и укреплённые монастыри, первоначально представляли собой земляные сооружения – продолговатый или округлый ров и земляной вал, окружавшие сравнительно небольшую площадку, в центре или на краю которой располагался высокий насыпной холм. Сверху земляной вал венчался деревянным частоколом, такой же частокол располагался и на вершине холма. Внутри деревянного палисада находились деревянные строения и высокая деревянная башня (прототип будущего донжона). Подобная схема постройки укреплённых церковных и светских сооружений сохранялась практически по всей Европе до X-XI вв.

Сохранилось достаточное количество источников, которые повествуют нам о причинах и этапах основания и последующих перестроек галльских монастырей и церквей в период времени до конца X-начала XI вв., когда началось повсеместное возведение каменных культовых сооружений. Согласно мнению ряда историков, например С. Левека, до VIII века в западной Церкви ещё не существовало строгой иерархии монашеских орденов и каждый монастырь оставался относительно независимой единицей, что наглядно отражалось в отсутствии единого плана обителей и монастырских структур. Например, обитель во Флери имела внутри две церкви, монастыри в Нивель, в Центум (Сен-Рикье), основанные в 625 г. и в Фонтенеле (Сен-Вандрий, основан в 649 г.) – по три церкви каждый, в аббатстве Жюмьеж (Сен-Филибьер) было пять церквей. Относительно последнего монастыря есть интересное описание в «Житии св. Филибьера» конца VII в., повествующее о проведении строительных работ по замены деревянных монастырских сооружений – каменными (в т.ч. фортификационными). «Именно тогда были предусмотрительно сооружены стены с башнями на квадратной площадке, а также прекрасные покои для гостей (...). За стенами открывается взорам мирная обитель, достойная монахов. В восточной стороне возвышается храм крестовидной формы (с алтарями, посвящёнными Деве Марии, Святому Иоанну и святому Колумбану, а также с гробницей святого Филибьера); на севере находится небольшой храм, воздвигнутый во славу блаженного мученика Дионисия и исповедника Жермена; слева – храм Святого Петра, рядом – часовня, посвящённая святому Мартину, на юге – склеп, где покоятся мощи святого Филибьера, ставшие предметом поклонения. Монашеские кельи (постройка длиной в 90 метров) занимают восточную сторону. Лучи,

проникающие сквозь оконные витражи, освещают книги, делают их разноцветными, помогая глазам читателя. Внизу находится трапезная…». [11.] Перед нами достаточно подробно и точно описан план монастыря: наличие литургического пространства, защищённость крепостными стенами и башнями от внешних угроз, открытость и гостеприимство для паломников-христиан, желающих приложится к мощам святых угодников, часовни и мартирии, общая трапезная и общие келии соответствующие общежительному монашескому уставу св. Бенедикта Нурсийского, библиотека, где сосредоточена «книжная премудрость» и даже витражи (конец VII в.), освещающие это книгохранилище и создающие определённый духовный настрой.

На Юге Франции распространение монастырей связано с именем Преподобного Иоанна Кассиана (ок. 360-435), ученика знаменитого Константинопольского патриарха и учителя Церкви - Св. Иоанна Златоуста. В 404 г. Кассиан прибывает в Рим к папе Иннокентию I с посланием от Константинопольского клира просить защиты несправедливо осуждённому и сосланному Константинопольскому патриарху св. Иоанну Златоусту, но когда его миссия не имеет успеха, Иоанн Кассиан остаётся на Западе. В Риме Кассиан сближается с будущим папой Львом Великим, а около 410-416 гг. преп. Иоанн прибывает в Марсель, где и основывает два наиболее известных и прославленных монастыря: мужской – монастырь Сен-Виктор и женский - Христа Спасителя. [12, с. 61] Здесь Кассиан пишет свои знаменитые книги: «О постановлениях киновитян» (Institutes) и «Собеседования египетских подвижников» (Conferences), в которых он, основываясь на своём опыте, приобретённом в египетских пустынях, пытается соединить общежительный уклад с высоким подвижническим духом отшельничества. Эти труды, адресованные и посвящённые различным галльским аббатам и основателям монастырей, в V-VI вв. становятся наиболее авторитетными аскетическими писаниями в Галлии, Окситании, Испании и в других странах Европы. Оставаясь бессменным настоятелем монастыря Сен-Виктор, преп. Иоанн Кассиан более не покидал Марселя до самой своей кончины в 435 г. (сегодня в Марселе память преп. Кассиана отмечается ежегодно 23 июля). Аббатство Сен-Виктор сразу же становиться колыбелью восточно-православного христианства в Южной Галлии, имея многочисленные филиалы в Испании, Сардинии, Сирии, и настоящей богословской школой для всех последующих поколений, например, одним из настоятелей монастыря был будущий папа Урбан V (1362-1370). К середине X в. у монастыря Сен-Виктор была такая слава, что со всех уголков Окситании к аббатам монастыря обращаются за помощью при возведению других монастырей. [13, p. XXXII] Хотя стены и башни монастырских укреплений Сен-Виктор была окончательно перестроена во времена

понтификата Урбана V, однако общая схема и система укреплений XIV в. сохраняла в целом свой архаичный характер V-VI вв., и во многом напоминает фортификационную систему Леринского монастыря Сен-Гоннорат (Saint-Honnorat de Lerins), который в Средние века считалась самой передовой крепостью всего средиземноморского побережья Южной Франции и Каталонии. [14, с. 230] Основателем и аббатом Леринского монастыря на уединённом «Острове Святых» в V в. был св. Гонорат епископ Арльский (+426), а затем преп. Фавст епископ Регийский (+490), – второй из великих отцов Галльского монашества после Иоанна Кассиана, оказавший огромное влияние на знаменитого свт. Кесария Арльского (480-542). Примерно к XI столетию Леринское аббатство стало представлять собой мощнейшую крепость, способную противостоять и многочисленным пиратам и сарацинам, благодаря огромному квадратному донжону, возведённому на утёсе. [15]

Походы Карла Великого и его сына Людовика Благочестивого против мавров в VIII-IX вв. передвинули границу «христианского мира» от Пиренеев до реки Льобрегат на юге Барселоны и способствовали созданию т.н. «Испанской (франкской) марки», управляемой графами. Началась кристаллизация марок в независимые единицы, опорными центрами которых часто становились замки, укреплённые монастыри и церкви, поскольку вокруг них быстро росли города и деревни, – так как крестьяне (pagesos) заселяли освободившиеся земли Каталонии и Руссильона. Например, в документе, сообщающем об освящении собора города Ургель в 839 г. уже упоминаются 280 укреплённых церквей в Ургеле, Бергеде, Серданье, Риполи, Кардоне и пр. [16, с. 114] Среди графов «Испанской марки» второй половины IX в. особенно выделялся «граф и маркиз Барселоны» Гифре эль Пилос (Вильфрид Волосатый, ум. в 898 г.), который дальновидно и энергично осваивая отвоёванные у мавров территории с энтузиазмом помогал Церкви возводить многочисленные укреплённые монастыри и церкви, служившие опорными пунктами против неверных. Сегодня достоверно известно, что при его непосредственном участии были возведены укреплённые монастыри: Санта-Мария де Формингера (873), Санта-Мария де ля Грасса (878), Сан-Жоан де Риполь (885), Сан-Жоан де лес Абадессес (887), Санта-Мария де Риполь (888) и Сан-Пьер де Риполь (890). Именно с Гифре эль Пилоса, с 870 по 878 гг. захватившего и объединившего марки Барселоны, Ургеля, Серданьи, Осоны, Жероны и Руссильона, берет начало государство графов Барселонских (будущая Каталония). К сожалению, в современной Каталонии сохранилось не так много укреплённых монастырей и церквей того периода, но кое-какие фрагменты культовой христианской архитектуры первого тысячелетия можно увидеть, например, в монастыре Сан-Фелиу де Гуисоль на Коста-Брава (железные ворота – Порта Феррада) или церковь Сан-Эстебана в Вульпеллаке в Вилананте. Маленькая Санта-Пау дель

Камп – старейшая церковь в Барселоне со своей приземистой восьмиугольной башней и грубыми толстыми стенами и колоннами VII-VIII вв. – напоминает скорее рыцарский замок, нежели культовое сооружение, именно потому, что в XII в. она находилась в чистом поле, за пределами городских стен. Сохранившиеся постройки периода Гифре эль Пилоса также можно увидеть в укреплённом бенидиктинском монастыре Санта-Мария де Риполь в городе Риполе (впрочем, сильно перестроенном при настоятеле Раймоне де Берга в 1171-1205 гг.) и в монастыре Сант - Жоан де Лес Абадессес (сохранилась монастырская церковь 898 г.) в долине реки Тёр, недалеко от Риполя. [17, с. 128-130]

Стоит отметить тот факт, что подобная оборонительная функция монастырей не являлась чем-то исключительным в эти неспокойные времена, наоборот, и на юге и на западе и севере Европы монастыри практически повсеместно выполняли задачи фортификационного характера. Например, на берегах Ла-Манша монастырь Мон-Сен-Мишель (Mont Saint-Michel) выполнял аналогичную функцию против набегов норманнов и англичан. Сохранившийся до наших дней монастырский ансамбль Сен-Мишель, представляет собой удивительное сочетание архитектурных конструкций различных эпох, и здесь мы легко можем проследить развитие фортификации на протяжении по меньшей мере четырёх веков. [18.] Аббатство Мелизье (Maillezais), разрушенное норманнами в 1082 году и после восстановления снабжённое мощной оборонительной системой, выполняло подобную роль на побережье Океана. Континентальная Франция демонстрирует нам подобные примеры укреплённых монастырей, например, таких как Сен-Мартин-де-Канигу (St.-Martin-du-Canigou) в Руссильоне, возведённый в X столетии и сохранившийся до наших дней. Отрывок из «Картулярия основных законов Клюни» (Recueil des chartes de l`abbaye de Cluny) повествует нам о том, что аббат Тибо де Вермандуа (Thibaut de Vermandois) (1179-1186) окружил монастырь крепостной стеной для защиты от грозных и алчных соседних баронов. [19, p. LV] И нет ничего удивительного в том, что значительное количество колоколен этого периода превращается в укреплённые донжоны, как например, Сен-Ипполит (Saint-Hippolyte) который представлял собой в XII-XIII вв. огромную четырёхугольную башню с бойницами для стрельбы из лука.

В целом, мы можем констатировать тот факт, что начиная с XI-XII вв. легко проследить параллельные линии в развитие фортификационного искусства, как монастырей так и феодальных замков, причём, эти достижения в области военной архитектуры свободно можно изучать как по церковным сооружениям, так и по сеньеральным. [20, с. 13-19] Обусловлено это, прежде всего тем, что общее руководство строительством в этот период, как правило, осуществляют клирики и монахи, поскольку письмен-

ных свидетельств о светских архитекторах и мастеровых этих времён, до сего дня обнаружить не удаётся. В мировоззрении раннего средневековья и романской эпохи, вплоть до Клюнийских реформ папы Григория VII (приведших к роковому расколу духовной и светской власти в XI веке), власть императора воспринималась отражением власти и всемогущества Бога. Поэтому то, что монументальные монастыри и церкви (эти «крепости Божьи») выглядят также как и рыцарские замки, а на головах распятого Христа Спасителя и Святых мучеников частенько красуется корона монарха (вместо привычного и появившегося позднее тернового венца), которая воспринимается в эту эпоху как нечто равнозначное и само собой разумеющееся. [21, с. 91]

ПРИМЕЧАНИЯ:

1.«Право убежища» (лат. – jus asyli) – древнейшее право Римской республики, представлявшееся первоначально лишь некоторым языческим храмам и алтарям. Со времён императора Антонина это право формально было распространено на все языческие храмы, посвящённые обожествлённым императорам (например, таким как – «храм божественного Юлия Цезаря» или «храм божественного Августа» и т. д.). Эта привилегия со времён Константина Великого была распространена и на христианские храмы по всей Империи. Интересно, что в Западной Церкви пространство в 50 шагов вокруг церкви тоже пользовалось правом убежища. Законодательным порядком «jus asyli» было признано за Церковью, лишь в 431 г. указом императора Феодосия II. Прибегшие к защите храма должники, преступники, беглые рабы, освобождались от преследования, а епископ должен был вступить в переговоры о прощении их вины. Со временем формально это право было перенесено и на площади перед церковью, на ограду вокруг него, и даже на жилище клириков. Во времена императора Юстининана I было даже признано, что человек, идущий возле епископа или священника, не может быть взят силой под стражу без соизволения клирика. Более подробно об истории становления и развития «права убежища» можно прочитать в капитальной работе проф. В. В. Болотов «Лекции по истории древней Церкви» в 4 тт. Минск, «Харвест», 2008. Т. 3-4, с. 115-117.

References:

1. Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви в 4 тт. Минск, «Харвест», 2008. Т. 3, с. 115-117.
2.C. Enlart Villes mortes du moyen dye, 1920, p.22; Можно также обратиться к работе: M.A. Blanchet. Les enceintes romaines de la Gaule, - Paris, 1907.
3.Л. Альфан Великие империи варваров. М.: Вече, 2006.

4.Uhlhorn. Die christliche Liebesthatigkeit in der alten Kirche. Zweite Auflage, 1882.
5.С. Лебек Происхождение франков V-IX века. М.: «Скарабей», 1993. С. 188-206.
6.Didron Voyage au Mon Athos (Annales archeol., 1846, p. 138).
7. J. Flach Etudes sur les origines et les vieissitudes historiques de l`habitation en France. Или капитальный труд A. de Foville Enquete sur les de l`habitation, les maisons-types, t. II, 1899. P. 72.
8.Сборник текстов, относящихся к истории архитектуры Средневековой Франции за 1911 г. - Vila sancti Roberti, c. II, num. 8; texte dans Victor Mortet: Recueil de textes a l`histoire de l`architecture et a la condition des architectes en France au Moyen Age, XI-XII-e s., 1911. P. 296, note 4. И ещё там же - V. Mortet, ibid., p. 295.; Gallia Christ., t. I, Instrum., col. 190 et col. 1220-1221.
9.V. Mortet, idem. P. 21; Pertz: Script. T. X. Gesta abb. Trudon, p. 242, цит. по V. Mortret p. 324-326.
10. Окшотт Э. Оружие и доспехи Европы. С древнейших времён до конца Средневековья / пёр. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. С. 580-581.
11. Vita Filiberti; перевод на франц. язык Мишеля Молла (M. Mollat et Rene Van Santbergen “Le Moyen Age”, - Liego, 1961).
12. Gennadius. De script. Eccl., 61. Возможно, женский монастырь был основан преп. Кассианом для своей сестры (см.: Instit., XI. 18)
13. Картулярий изданный Жераром (Guerard) - V. Cartulaire, t. I, 1857. Preface, p. XXXII.
14. V. Mortet, cup. Cit., p. 230, note 1.
15. Leon Palustre - Destruction de l`abbaye de Saint-Honnorat par les religieux Bernardins – les moines de Lerins (Bullet. Monum., 1876)
16. R. Hughes – Barcelona, 1992, p. 114.
17. Р. Хьюз Барселона. История города. М.: Эксмо, 2008. С. 128-130.
18. de Paul Gout sur le Saint-Michel.
19. Cartut. De Saint-Bertin, предисловие Герарда(Guerard). p. LV
20. R. Rey Vieilles Eglises Fortifiees du Midi de la France. Paris, 1925. P. 13-19.
21. В. Кох Энциклопедия архитектурных стилей./ Пёр. с нем. М.: ЗАО «БММ», 2011. с. 91.

A MULTILINGUAL PESONALITY OF A STUDENT IN MULTICULTURAL SOCIETY

[1] Anna Prokhorova

1. PhD, Associate Professor, Ivanovo State Power University, Russia.

Abstract

The article is devoted to the social adaptation of a student in the multidimensional process of Globalization involving economic, political, legal, ethical and educational domains. The cornerstone of Russian Educational System is the multilingual policy which allows the students to learn not only their Mother Tongue and English as a universal language, but to become literate in multiple languages in order to be able to communicate in the World Society and make International contacts.

Keywords: globalization, multilingual person, multicultural society, multiculturalism, educational process, cross-cultural communication.

В современном мире взаимодействие культур представляет собой основу развития общества и имеет первостепенное значение, занимая ведущее место в ценностных ориентациях людей. Особое внимание уделяется социальной адаптации личности в условиях межкультурной коммуникации, когда противостояние культур, все ещё существующее в мировом сообществе, не является определяющим.

Глобализация с её противоречивыми явлениями выдвигает перед образованием сложную задачу подготовки молодёжи к жизни в условиях многонациональной и поликультурной среды, что обусловлено рядом факторов. С одной стороны, двадцатый век с его мощной компьютеризацией, спутниковым телевидением, развитием электронных средств коммуникации постепенно стал превращать землю в коммуникативную многоязычную и поликультурную арену. С другой стороны, насущные проблемы интенсификации межкультурной коммуникации послужили причиной формирования идеи ценностного плюрализма и культурного релятивизма, поставив задачу формирования большей толерантности в отношениях между людьми.

Ведущие международные организации, такие как ООН и Совет Европы провозгласили, что культура мира и ненасилия становится определяющей идеей жизни и развития человечества в XXI веке и в третьем тысячелетии. «Культура мира – это новая, формирующаяся в противоречиях и столкновениях традиций, взглядов и убеждений, система идеологических, экономических,

социокультурных, социально-психологических и педагогических факторов, явлений и процессов, которые оказывают друг на друга глубокое взаимовлияющее и взаимообогащающее воздействие» [2, с. 10].

Обзор педагогической и научно-методической литературы свидетельствует о том, что раскрытие возможностей воспитательного потенциала языкового образования не получили теоретической завершённости. Недостаточно разработаны вопросы обучения иностранному языку с учётом основных перспектив реформы российского образования.

Общепедагогическая цель в реформе образования Российской Федерации реализуется в стратегической направленности на развитие школьников и студентов в социокультурной среде. В условиях социально-экономических и политических реформ начала XXI века в России складывается новая ситуация поликультурного мультилингвального образования, для которой характерен отказ от отражения одной линии российской духовной культуры и развитие русско-национального двуязычия. Это актуально и в регионах с полиэтническим составом населения, и в центральной России.

В ситуации альтернативного образования в России необходим анализ и критическое осмысление модернизации языкового образования в вузе с учётом международного опыта и интеграции в единое образовательное пространство путём активного вовлечения молодёжи в изучение межкультурных особенностей зарубежных стран и межкультурной коммуникации.

«Задачу формирования поликультурной мультилингвальной личности помогут решить программы и учебники нового, интегрированного типа, в содержании которых гармонично сочетаются как общечеловеческие и общероссийские культурологические и специальные знания, национально-региональные или этнокультурные, так и международные факты и события», считает доктор филологических наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук Тамерлан Таймуразович Камболов [3, с. 58]. И действительно подобный подход значительно более продуктивен, чем традиционная форма раздельного преподавания общероссийского и зарубежного компонентов содержания образования. Более того, практикуемое до настоящего времени разделение этих содержательных компонентов, напротив, содействует дезинтегрированности картины мира у студентов.

В этой связи интересен опыт работы кафедры иностранных языков Ивановского государственного энергетического университета, преподаватели которой разработали Интернет-ресурс для самостоятельной подготовки студентов всех специальностей к разделу “International Studies”, содержащий не только актуаль-

ную страноведческую информацию, но и проверочные задания для самоконтроля, и тестовые задания для аудиторной работы. Ознакомившись с информацией по каждой из заявленных преподавателями стран, студенты проверяют качество и полноту усвоенного ими материала, выполняя проверочные тесты (Quizzes) в режиме он-лайн, которые в свою очередь, подготавливают их к написанию контрольного теста в аудитории. Последний проверочный тест является обзорным и включает задания по всем ранее изученным странам. Студенты, достигшие наилучших результатов в написании указанного теста, приглашаются в качестве участников на межфакультетскую олимпиаду по страноведению, которая представляет собой командное соревнование и состоит из четырёх основных этапов, конкурса капитанов и конкурса карт. Присутствующие на мероприятии болельщики также проверяют свои знания, участвуя в конкурсе страноведческих кроссвордов. Внеаудиторные мероприятия подобного рода вызывают огромный неподдельный интерес у студентов всех факультетов и специальностей, поскольку помогают молодым людям самореализовываться, проявляя себя и в индивидуальной и в командной работе, что, безусловно, благотворно влияет на развитие личности будущего специалиста.

Таким образом, в интерпретации полиязыковой личности преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека и выделяются различные её составляющие. Поэтому под «мультилингвальной личностью» понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, то есть как речевая личность, которой присущ комплекс психофизиологических свойств, позволяющий ей производить и воспринимать речевые произведения на нескольких языках. Другими словами это совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего иностранные языки как средство общения с представителями других языковых групп.

Ориентация процесса обучения иностранному языку на эффективное участие в межкультурной коммуникации предполагает наличие в его ходе возможностей как для коммуникативного, так и когнитивного развития личности студента. В этой связи перспективным и оправданным представляется нам обучение иностранным языкам с использованием коммуникативно-когнитивного компонента, ориентирующего обучаемых на социально-познавательную активность. Организация деятельности, ведущей к развитию этой активности, предполагает включение обучаемых в когнитивную деятельность, направленную на осмысление социальных процессов, на осознание языковой картины мира и себя в ней. Это способствует формированию языкового сознания личности, элементов его когнитивного сознания,

имеющие следствием формирование индивидуальной концептуальной системы как совокупности смысловых структур и вербальных средств их выражения.

Отметим, что термин «студент» латинского происхождения, в переводе на русский язык означает усердно работающий, занимающийся, то есть овладевающий знаниями. Студент – это представитель специфической социальной категории людей, готовящихся к производственному труду. Ещё в первые годы Советской власти В.И. Ленин подписал постановление, в котором говорилось, что все лица, принятые в число студентов, считаются зачисленными на государственную службу. Подчёркивалось, что, с одной стороны, учение в вузе – это не личная прихоть человека, а соединение его желания, его мечты об образовании и государственной необходимости. С другой стороны, отмечалось также все возрастающее значение такого вида общественного труда, как учёба в вузе, его потенциальное значение для нашей страны и её прогресса.

В XX веке личность советского студента – это личность молодого человека, готовящегося к высококвалифицированному выполнению функций специалиста в той или иной области трудовой деятельности. В ходе обучения у студента должны быть сформированы необходимые для этого качества, знания, навыки, умения, к сожалению, все они были применимы лишь в рамках Советского Союза, поскольку общение с зарубежными коллегами было строго ограничено правительством государства.

Советский студент входил в особую социальную группу, которая пополняла ряды интеллигенции. Главным направлением в жизни студента было учиться, развивать свой интеллект, расти духовно, нравственно, физически, эстетически, овладевать профессией, а не языками.

Современный студент XXI века, пришедший на первый курс, и по возрасту, и по социальной зрелости совсем не тот, что в XX веке. Сейчас до 70-80% всех первокурсников – моложе 20 лет. Такой процент «омоложения» имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Известно, что наилучшим для восприятия вузовских дисциплин считается возраст от 17 до 23 лет. Вместе с тем малый жизненный опыт затрудняет решение многих вопросов вузовской учёбы, особенно лингвакультурологических.

Согласно утверждению авторов. «Психологии высшей школы» М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбовича [1], студент как человек определённого возраста и как личность может характеризоваться с трёх различных сторон: 1. С социальной, в которой воплощаются общественные отношения, качества, порождаемые принадлежностью студента к определённому классу, национальности, группе. Социальная сторона проявляется в личности студента

благодаря включённости его в социальную студенческую группу, выполнению им функций учащегося в вузе.

2. С психологической, которая представляет собой единство психических процессов, состояний, образования и свойств личности. Главное в психологической стороне – психические свойства (направленность, темперамент, характер, способности), от которых, как уже отмечалось, зависит протекание психических процессов и возникновение психических состояний.

3. С биологической, которая включает тип высшей нервной деятельности, строение анализаторов, безусловные рефлексы, инстинкты, физическую силу, телосложение, черты лица, цвет кожи, глаз, рост и т.д. Эта сторона в основном предопределена наследственностью и врождёнными задатками, но в известных пределах изменяется под влиянием условий жизни.

Если же изучить студента как личность, то возраст 18-20 лет – это период наиболее активного развития нравственных и эстетических чувств, становления и стабилизации характера и, что особенно важно, овладения полным комплексом социальных ролей взрослого человека: гражданских, общественно-политических, профессионально-трудовых и др. С этим периодом связано начало «экономической активности», под которой демографы понимают включение человека в самостоятельную производительную деятельность, начало трудовой биографии и создание собственной семьи.

Преобразование мотивации, всей системы ценностных ориентации, с одной стороны, интенсивное формирование специальных способностей в связи с профессионализацией – с другой, выделяют этот возраст в качестве центрального периода становления характера и интеллекта. Это время спортивных рекордов, начало художественных, технических и научных достижений, стремления к постижению всего нового: поиска новых друзей (в том числе и зарубежных), путешествий. У молодых людей возникает желание выйти за рамки обыденных Российских реалий и двигаться вперёд. Именно в этом возрасте возникает тяга, а иногда и просто жизненная необходимость изучения нескольких иностранных языков или совершенствования навыков уже изученных. Появляются предпосылки для появления феномена мультилингвизма и, впоследствии, его становление как приоритетного направления развития личности студента в поликультурном мире.

Таким образом, студент – это развивающаяся, изменяющаяся личность и эффективная организация её полиязыкового пространства зависит от механизма, позволяющего осуществлять оптимизацию интеграционных процессов в условиях поликультурности и языкового плюрализма.

References:

1.Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Требования к специалисту с высшим образованием и особенности развития личности студента/М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович//Психология высшей школы. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1978. 319 с.
2.Кабатченко М.В. Предложения о разработке нового содержания образования, соответствующего потребностям современного человека и общества // Родительское собрание. 2009. № 1. С. 8-15.
3.Камболов Т.Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Северная Осетия: Изд-во Северо-Осетинского гос. Ун-та, 2007. 164 с.

FEATURES OF THE FORMATION OF RUSSIAN ETHNOS OF THE CRIMEA IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

[1] Natalia Sidorenko

1. Senior lecturer, Zaporizhzhya National University.

Abstract

The article is devoted to one of the most difficult periods of the formation of ethnic Russian Crimea - the post-war. Based on the analysis of archival and literary sources, it is concluded that the forced-voluntary migration of the Russian population in the 40-50s formed the bulk of the Slavic ethnic group of the peninsula, as well as it became the foundation of the emerging regional ethnic community.

Keywords: ethnicity, migration, the autochthonous peoples, deportation, ethno-national structure, accommodation, inter-ethnic integration.

Крымский полуостров является уникальным регионом, в котором проживает около 130 этнических общностей и насчитывается близко 1250 зарегистрированных религиозных общин. Геостратегическое положение Крыма вовлекает его в сферу внимания множества сопредельных государств, в первую очередь Российской Федерации, которая сохраняет здесь сильные военно-стратегические, экономические и демографические позиции. На протяжении более 200 лет именно русский (российский) этнос занимает лидирующие позиции в этнической структуре полуострова. Русский язык и русская культура так прочно «встроились» в этноментальные установки жителей Крыма, что сегодня можно говорить о существовании собственной крымской региональной идентичности – «крымско-русской» [10, 16].

Несмотря на то, что проблемам этногенеза русского этноса Крыма посвящено достаточно большое количество работ как украинских [12, 13], так и российских учёных [3, 16], некоторые аспекты его формирования во второй половине XX века, требуют дальнейшего уточнения и доработки. В частности, недостаточно изученным, на наш взгляд, является период конца 40-х-50-х гг., на котором мы остановимся подробнее.

Как известно, массовый приток русского и русскоязычного населения в Крым начался сразу по окончании военных действий на полуострове и был вызван огромной убылью населения. Так, если в 1939 году население Крыма составляло 1 126425 тыс. чел., то к сентябрю 1945 года всего 589 тыс. чел. [2, с. 123]. Отметим, что в результате военных потерь, эвакуации и военных мобили-

заций, произошло сокращение населения на 175 тыс. чел.; в ходе депортации пяти автохтонных этносов Крыма ещё на 300 тыс. чел. [11, с. 23].

В этих условиях принимается решение о перемещении в сельскую местность Крыма жителей южнорусских областей РСФСР. Официальными причинами массового переселения населения в Крым были названы следующие: «ЦК КПСС и советское правительство, проявляя исключительную заботу о быстрейшем восстановлении и развитии сельского хозяйства области, приняли специальное постановление о его заселении» [5, л. 3]. Однако стратегической целью массового миграционного движения в Крым, стало желание властей замести следы недавней депортации и восполнить катастрофическую убыль населения полуострова.

Послевоенные миграции в Крым проходили в несколько этапов, первый из которых датируется 1944-1949 гг. В 1944 году, практически сразу же после окончания военных действий на полуострове, началась волна массовых переселений из южнорусских областей РСФСР: Воронежской, Курской, Ростовской, Тамбовской, Ставропольского и Краснодарского края. К концу 1944 года в Крым было переселено около 65 тыс. чел. [13, с. 54].

Советская командно-административная система, опираясь на огромный человеческий ресурс, продуцировала массовые перемещения населения в рамках межреспубликанских, межобластных и внутриобластных миграции. Методы, используемые властью для организации таких переселений, чётко соответствовали данной системе и являлись, по большей части, принудительными. В первую очередь, это касалось первых послевоенных переселений, однако, не лишённым истины кажется мнение российского учёного П.Н. Поляна, что все массовые перемещения населения в советский период относятся к принудительно-вынужденным миграциям [15].

Первые послевоенные переселения русского населения в Крым не стали исключением. На сборы отводилось минимум времени, а количество имущества, предназначенного к вывозу, ограничивалось. Отправка переселенцев производилась в так называемых «людских эшелонах», которые формировались из «людских», пульмановских и обыкновенных вагонов [6, л. 147]. Каждый из вагонов должен был быть укомплектован фонарями, вёдрами, продуктами питания. Кроме того, каждый такой эшелон должен был сопровождать медработник. Однако, на деле эти требования часто не выполнялись, а вагоны не были обеспечены самым необходимым: хлебом, свечами, топливом. Учитывая, что большую часть мигрантов составляли семьи с детьми, можно утверждать, что все они несли в дороге огромные лишения.

Данный этап массовых миграций пришёлся на тяжелейшее послевоенное время, что обуславливало объективные трудности

адаптации переселенцев (отсутствия промышленных товаров и товаров первой необходимости, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, проблемы с финансированием, неурожаи 1946-1947 гг.). Однако имел место целый комплекс причин хозяйственно-культурного плана: неприспособленность русских переселенцев к новым климатическим и хозяйственным условиям, в результате чего была израсходована большая часть денег, полученных от государства, а продуктивный скот съеден. Кроме того, русские крестьяне с трудом адаптировались к непривычным для них архитектурно-планировочным особенностям татарских и греческих домов и считали их «непригодными для жилья» [6, л. 23].

Местные власти не справлялись с огромным потоком переселенцев и нередко пускали ход их хозяйственного обустройства на самотёк, что так же не способствовало приживаемости крестьян. В силу вышеперечисленного, на протяжении всего первого этапа миграции отток переселенцев был чрезвычайно высоким, и в 1944-1946 гг. составлял 52,5%, а в специализированных хозяйствах доходил до 62,5% [16, с. 234, 7, л. 7]. Как отмечают архивные источники: «Колхозники из Орловской и Брянской областей не утратили связь с личным хозяйством на старом месте. Они посылают туда членов семьи, которые в большинстве своём не возвращаются обратно» [8, л. 5]. Положение русских крестьян-переселенцев в Крыму было чрезвычайно сложным. Так в 1947 году на один трудодень приходилось 500-800 гр. хлеба при полном отсутствии овощей и фруктов. Многодетные семьи, как указывается в архивных документах, находились буквально «на грани истощения» [6, л. 49].

Переселённые в Крым полунасильно, русские переселенцы вынуждены были заново формировать собственную социокультурную среду, идентифицироваться в новом, «переселенческом» социуме. Источники отмечают, что нередко между переселенцами «первой волны» и последующих миграционных потоков, имели место враждебность и даже открытые столкновения [6, л. 5, ЦДВАВУ; 9, л. 2]. Причиной данных случаев, нередко являлась дискриминация при нарезке приусадебных участков. Так, новопоселенцам выделялось от 10 до 15 ст. земли, в то время как «старым» колхозникам до 0,50 га [8, л. 4]. Безусловно, в условиях низкой оплаты труда за трудодень, приусадебный участок являлся единственным источником для выживания крестьянской семьи, поэтому его размер имел огромное значение.

Между тем, советское государство, манипулируя щедрыми переселенческими льготами, стимулировало переселенческое движение, посредством выпуска агитационных брошюр, работы агитаторов, системы «приглашений» от земляков. Учитывая высокую миграционную привлекательность Крыма, сюда осуществлялась не только организованная, но и стихийная миграция. Многих пе-

реселенцев завораживало само слово «Крым», который рисовался их воображению в качестве какого-то фантастического «южного рая». Так, с 1944 по 1947 год в Крым самостоятельно прибыло 2377 семей из 23 областей страны. К 1958 году в сельские хозяйства области влилась 1133 семья колхозников, прибывших самостоятельно из других областей РСФСР, которые были оформлены как новосёлы из городов и рабочих посёлков и наделены всеми льготами, которые распространялись на эту категорию переселенцев [13, с. 121].

Русские крестьяне-переселенцы, не имевшие никакого опыта в разведении садов и виноградников, заняли самые благополучные, с климатических и гидрографических позиций земли – предгорные садово-виноградные районы Крыма. Однако, столкнувшись с непривычными для них культурами, продемонстрировали полную неприспособленность к новым почвенно-климатическим условиям и методам орошения.

На этих территориях исконно развивалось интенсивное земледелие и выращивались традиционные для Крыма культуры: виноград, табак, эфирномасличные. В довоенный период возделыванием этих культур занимались представители старожильческого населения: крымские татары, греки, еврее, отлично приспособившиеся к местным климатическим условиям и получавшие большие урожаи. Многочисленные этнические общности, жившие на одной территории, имевшие одну экономическую и культурную базу, показывали разнообразные и качественные результаты своей трудовой деятельности. Уменьшение полиэтничности, в связи с депортацией, привела к потере многих факторов, влияющих на количественные и качественные показатели развития экономики.

Не смотря на активную государственную переселенческую политику такие отрасли сельского хозяйства как горно-долинное садоводство, виноградарство, табаководство, эфирномасличные культуры, продолжали приходить в упадок. Так, если до войны с каждого гектара табачной плантации получали тонну сырья, то в послевоенные годы не более 800 кг. В 1948 году средняя урожайность с гектара составила 64% по фруктам и 48% по винограду от довоенного уровня. В 1953 году урожайность зерновых на полуострове была почти втрое ниже уровня 1913 года. Как видим, не смотря на все усилия по возрождению сельского хозяйства, в рассматриваемый нами период, оно не смогло достигнуть даже довоенного уровня.

В то же время, массовые миграции населения 40-50-х годов, осуществляемые в форме сельскохозяйственных переселений, способствовали значительному росту численности населения Крыма. В результате массовых миграций, населения области выросло к 1959 году до 1 201,5 тыс. чел. и в последующие годы про-

должало интенсивно расти. Проследить динамику численности населения области в XX веке можно с помощью таб. № 1.

Таблица 1

1925	1940	1945	1951	1959	1979
712 тыс.	1127 тыс.	589 тыс.	862, 8	1201,5	2135,919

Кроме того, организованные миграции трансформировали этнонациональную структуру полуострова, значительно увеличив удельный русского и других славянских этносов Крыма. Так если в 1939 году в Крыму проживало 558 481 тыс. русских, то к 1959 году их количество увеличилось до 858273 тыс. чел. Количество украинцев возросло с 154123 тыс. чел. до 267659 тыс. чел, а белорусов с 6 726 тыс. чел. до 21 672 тыс. чел. [14, с. 3-7]. В то же время, в практически полностью исчезли автохтонные этнические общности Крыма: крымские татары, немцы, греки, армяне, поляки и болгары.

Этносы-переселенцы, не имевшие глубинных корней в истории и культуре Крыма, достаточно быстро утрачивали признаки собственной этнической идентичности, переживая процессы интенсивной межэтнической интеграции, аккомодации и аккультурации. Как отмечает Р. Парк, результатом миграций является амбивалентная, маргинальная личность. Неудивительно, что переселённые в Крым полунасильно, мигранты 40-50-х гг. идентифицировали себя как «крымское население», вкладывая в данное понятие этнический смысл.

Несмотря на то, что большинство крымчан составляли русские, их национальная идентификация была развита слабо. Ведь национальная идентичность проявляется в местах традиционного проживания, где она подкрепляется топонимикой и традиционным бытом, а так же природными условиями. Именно географические названия являются способом формирования и передачи межпоколенной информации и важным компонентом исторической памяти этносов.

Особенностью Крыма являлось то, что этносы, творившие топонимику на полуострове, были выселены, а исторически сложившаяся топонимика уничтожена. Российские переселенцы прибывали одновременно с присвоением новых названий, носивших нередко формальный и тенденциозный характер. Так появились Богатые, Ударные, Урожайные. В практику вошло присвоение одинаковых названий сразу нескольким населённым пунктам, поэтому к 1960 году в области насчитывалось 5 Васильевок, 5 Весёлых, 7 Камышовок, 7 Луговых, 5 Октябрьских, 6 Широких, 4 Южных и т.д. [1, с. 6].

Таким образом, в 40-е-50-е гг. XX века, в Крыму имели место организованные массовые миграции, которые и сформировали

основной массив русского населения области – 71%. Не смотря на то, что в последующие годы доля данного этноса в этнической структуре Крыма несколько снизилась (до 67%), что было вызвано ростом численности украинских переселенцев, его удельный вес, в изучаемый нами период, оставался самым значительным среди других этносов.

Эту ситуацию не могла изменить передача в 1954 году Крыма в состав УССР. На деле Крым находился в «двойном подчинении» Киеву и Москве, что способствовало его экономическому и культурному подъёму. Кроме того, в данный период окончательно сложился особый тип политических, экономических, культурных и социальных отношений, которые вкупе с «пограничным» статусом, обусловили «особое» положение Крымской области среди других регионов СССР.

References:

1. Андрощук О.В. Адміністративно-територіальні зміни в УРСР: плани, втілення, наслідки (друга половіна 40-х-60-ті роки XX ст.): автореф. Дисс. ...канд.. істор. наук: спец. 07. 00. 01. «Історія України»; Інститут історії України НАН України. Київ: 2004. 20 с.
2. Акулов М.Р. Восстановительные работы в Крыму в 1944-1945 года/ М.Р. Акулов // Отечественная история. 1993. № 3. С. 182-189.
3. Володарский Я.Е. Население Крыма в конце 18-нач. 20 вв. (численность, размещение, этнический состав) / Я.Е. Володарский, О.И. Елисеева, В.М. Кабузан. М.: Наука, 2003. 200 с.
4. Вербицкая О.И. План сельскохозяйственного переселения в РСФСР в 1946-1958 // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 34-38.
5. ГААРК. – Р.3508. – Оп.1. – Д.168. – Л.3.
6. ГААРК. – Р.2888. – Оп.1. – Д.10. – Л.147.
7. ГААРК. – Ф. 3508. – Оп.1. – Д.12. – Л.7.
8. ГААРК. – Ф. 3508. – Оп.1. – Д. 10. – Л. 5.
9. ЦГАВОУ. – Ф. 4626. – Оп. 1. – Д. 274. – Л. 2.
10. Киселёв С.Н. Политико-географические и геополитические образы Крыма // Автономная республика Крым в 21 в.: опыт, проблемы, развитие: матёр. Научно-практической конференции, (Симферополь, 11-12 октября 2006 г.) / Симферополь: Таврический Национальный ун-т им. В. Н. Вернадского. 2006. 167 с.
11. Крым многонациональный. Вопросы и ответы / сост. Н.Г. Степанов. Симферополь: Таврия, 1988. Вып.1. 144 с.
12. Максименко М.М. Переселення в Крим сільського населення з інших районів СРСР (1944-1966) // Український історичний журнал. 1990. № 11. С. 52-58. Максименко М.М. Местные Советы Крыма в послевоенный период (1946-1958 гг.). К.: Наукова думка, 1972. 60 с.
13. Население Крымской области по данным переписей населения. (Справочный материал) / отв. за выпуск В.Е. Аксютин. Симферополь: 1989. С. 7.
14. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР [электронный ресурс]. М.: О.Г.И. Мемориал, 2001. режим доступа: http: // www. chechen.orq.

15. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / од ред. С. Я. Козлова, Л. В. Чижовой. М.: Наука, 1994. 459 с.
16. Шевчук О.Г. Територіальні особливості соціокультурного розвитку сучасного Криму: дис. ...канд. географ. наук: 11.00.02; Таврійський націон. Ун-т ім.. В.І. Вернадського. Сімферополь, 2007. 209 с.

IDENTITY CRISIS UNDER CONDITIONS OF GLOBALISATION AND INFORMATION SOCIETY FORMATION

[1] Elena Chikalova

1. Postgraduate student, Donetsk National University.

Abstract

In this article an author examines the crisis of identity in the conditions of globalization and becoming of informative society. The basic ways of stage-by-stage consideration of this question are characterized.

Современный человек формируется как личность в медианасыщенной среде, где любые социальные отношения оказываются неразрывно связаны с интенсивным информационным обменом. Проблема кризиса идентичности нашла свое отражение во многих современных исследованиях, ей посвящены работы таких авторов Гнатенко П.И. [7], Лебедева Н.М. [11], Павленко В.Н. 13], Шнейдер Л.Б. [18], Эриксон Э. [20], Ядов В.А. [22].

Нередко информационный поток несет противоречащие и даже взаимоисключающие сведения, а общее количество информации возрастает в геометрической прогрессии. Эта проблема была исследована более глубоко Р.Ф. Абдеевым [1], Т. С, Барановым [2], Д. Беллом [4], И. В. Коном [10], А.О. Морозовым [12], Н.М. Римашевской [15], Ю.В. Юковец [23].

Целью данного исследования является раскрытие понятия кризиса идентичности путем рассмотрения принципов глобализации и становления информационного общества.

Актуальность данной темы возвращает нас к кризису идентичности.

В данной статье раскрываются понятия «информационная революция», «буферная реальность», «информационный обмен», виртуализация, мотивационный кризис» и др.

В информационном обществе происходит переход к совершенно новой системе самоидентификации, позволяющей свободно моделировать собственное «Я» из многообразных информационных ресурсов окружающего мира, конструировать собственную идентичность, а не искать ее в сопричастности с иным сообществом и культурными традициями.

Проблема идентичности оказалась одной из наиболее актуальных в начале XXI в. Самые различные процессы и явления современной жизни рассматриваются сквозь призму понятий «кризис идентичности» и «поиск идентичности». В последние годы обсуждение проблем идентичности стало магистральным

направлением глобалистики – междисциплинарного научного направления, ориентированного на анализ современного мирового порядка.

Термин «глобализация» начал использоваться еще в начале 1980-х гг. Т. Левитом, Дж. Маклином, Р. Робертсоном и другими американскими исследователями, изучавшими транснациональный характер экономических процессов. После опубликования в 1990 г. книги японского экономиста Кеничи Омае «Мир без границ» термин «глобализация» приобрел более широкое звучание и вскоре превратился в один из наиболее употребляемых при обсуждении «пост современной эпохи» [23, с. 168].

При существенных разночтениях в трактовке природы и последствий глобализации практически все аналитики делают акцент на проблеме целостности современного миропорядка, перспективах общепланетарной универсализации знаний, культурных ценностей, производственных и политико-правовых форм [15, с. 211]. Фундаментальной основой глобализации считается революция в средствах коммуникации, связи и информатики, радикально изменившая характер интеллектуального, культурного и технологического взаимодействия, породившая беспрецедентную социокультурную взаимозависимость отдельных стран и народов. Многие специалисты делают вывод о том, что развитие глобальных экономических, политико-правовых и информационных систем ведет к ослаблению национальных государств и нарастающему кризису национальной и конфессиональной идентичности. Но столь же очевидным становится и нарастающее противодействие мировой «периферии». Пропасть между богатыми и бедными странами становится особенно зримой на фоне закрепления единых стандартов производства и потребления. Экспансия западного образа жизни, «лавина американских артефактов», как Джеймс Дэвидсон назвал массу современных бытовых явлений от фастфуда и джинсов до рэпа и кредитных карточек, воспринимается в качестве культурной и даже политической агрессии. Нескрываемые притязания США на роль единственной «сверхдержавы» и упорные попытки формирования мировой системы «Pax Americana» лишь усиливают это впечатление.

На протяжении 1990-х гг. стало очевидно, что подъем националистических и клерикальных настроений в современном мире во многом связан именно с реакцией традиционных культур на глобальный вызов. Вслед за Самюэлем Хантингтоном многие исследователи называют эти процессы «столкновением цивилизаций». Сам Хантингтон определяет цивилизации как культурные сущности, формируемые на основе единства языка, религии, обычаев и существующие в качестве идентификационных систем. В современном мире, когда вслед за

окончанием «холодной войны» потерял значимость вопрос «С кем вы?», ключевой проблемой стало определение «Кто мы?». Стратегия блоковой солидарности сменилась культурным самоопределением, а политическая борьба переместилась в сферу межкультурной конфронтации [20, с. 136].

Проблема идентичности актуальна не только для «периферийных» стран, уязвимых в условиях глобализации, но и для ведущих держав мира. Показательно, что острый кризис идентичности поразил американское общество, которое по праву могло бы считаться триумфатором эпохи глобализма. После трагических событий 11 сентября 2001 г. настроения в американском обществе изменились радикально. На смену гражданской апатии и культурному сепаратизму пришло обостренное чувство патриотизма и готовность деятельно отстаивать «место Америки в мире». Однако за этим эмоциональным движением по-прежнему сохраняются признаки растерянности и духовной разобщенности. С. Хантингтон в своем бестселлере «Кто мы?» резонно замечает: «Изобилие американских флагов после 11 сентября явилось не столько свидетельством возросшего осознания национальной идентичности, сколько признаком неуверенности в собственной сути, признаком колебаний в ответе на вопрос, а кто мы такие… Неужели Америке необходим Усама Бен Ладен, чтобы осознать: мы - американцы?».

Существует немало объективных причин для обострения проблемы идентичности именно в американском обществе. К ним относятся и последствия окончания «холодной войны», когда распад СССР психологически ослабил значимость национальной стратегии безопасности, и мощнейшая волна иммиграции, в том числе испано-язычной, и результаты долговременной политики «мультикультурализма». Но наиболее болезненная проблема рождается совершенно в иной плоскости – американская идентичность в условиях торжества глобализации оказывается в состоянии почти неразрешимого противоречия. Признание американской идентичности в качестве «особой», «уникальной», т.е. именно «национальной», означает полную бессмысленность распространения американских ценностей среди других народов и дискредитирует характерное для американцев самоопределение в мире. Если же американская идентичность позиционируется как совокупность бесспорных общечеловеческих ценностей, то она утрачивает характер национальной и не может стать препятствием для нарастания центробежных культурных тенденций.

Подобная проблема характерна не только для американского общества. Она носит универсальный характер. Укрепление транснациональной экономики и международно-правовой системы, экуменического движения и мировых информационных

систем, синтез классических идеологий и формирование усредненных стандартов социального обеспечения уничтожает привычное пространство идентификации. Идентичность начинает «сужаться» до уровня субкультур. Размывание национальных и культурных границ заставляет людей все более настойчиво искать «собственное» социальное окружение, придавать гипертрофированное значение расовой или конфессиональной принадлежности, общим «историческим корням» или политическим мифам. Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, П. Бьюкенен, И. Валлерстайн и другие ведущие западные мыслители усматривают в этой тенденции угрозу глобальной цивилизационной катастрофы. На страницах их произведений формируется трагический образ мира, где разворачивается то ли конец истории, то ли столкновение цивилизаций, а в самое последнее время - пришествие нового варварства, начало очередной мировой войны - на этот раз с глобальным терроризмом. Проблема идентичности в этом свете остается объектом и полем конфликтного противоборства социальных, политических и идейных сил, каждая из которых стремится подавить другие и навязать свой вариант цивилизационного движения. Поиск идентичности, т.е. попытки ценностного и культурного самоопределения, рассматриваются, прежде всего, как защитная реакция в условиях глобализации, а потому трактуется в качестве источника нарастающей социальной напряженности. Однако очевидно, что не меньшую роль в обострении кризиса идентичности имеет и сложная перестройка социальной организации самого западного общества [17].

Устраняя традиционное классовое деление индустриального общества, «информационная революция» провоцирует не менее жесткую социальную поляризацию. Причем критерием нового социального деления является не владение неким объемом знаний, а именно личностные качества человека, его способность свободно оперировать информацией и знаниями, создавать новые информационные продукты. Поэтому в системе стратификации общества акцент постепенно переносится с типов поведения на структуру ценностей человека. Ведущим социальным типом становится человек, способный к свободному поиску информации, творческому ее осмыслению и на этой основе – к личному самосовершенствованию. «Информационная революция», качественно изменившая источники и носители информации, формы и методы ее поиска и использования, предоставила неограниченные возможности для развития такого типа личности и наращивания влияния подобных людей на все общество.

Феномен появления новой социальной элиты следует рассматривать в контексте более широкой проблемы – процесса виртуализации общества. Этимология термина «виртуальный»

позволяет дать множество его трактовок, подчас весьма противоречивых и даже взаимоисключающих. Латинское virtualis, переведенное как возможный, и английское virtual, переведенное как фактический, действительный, получали самые различные смысловые толкования еще в античной и средневековой философских традициях. Но всегда подразумевалась вполне четкая онтологическая грань между «реальными объектами», с характерными для них упорядоченностью, наглядностью, «практичностью», и «виртуальными», как иллюзорными, магическими, «потусторонними» [22].

Априорное разделение реального и виртуального являлось одной из важнейших характеристик традиционной картины мира, унаследованной и классической научной парадигмой. Рождение на рубеже XIX–XX вв. квантовой физики буквально взорвало эту стройную онтологическую систему. Фотонная теория позволила впервые говорить о феномене «виртуальной реальности». Но сам термин «virtual reality» закрепился в середине 1980-х гг. в ином смысле. Джарон Ленье первым тогда предложил рассматривать виртуальную реальность в качестве мультимедийной имитации реалистичных или вымышленных сред, некоего иллюзорного мира, в который погружается и с которым взаимодействует человек. В исследованиях А. Крокера, М. Вэйнстайна, М. Кастельса, Ф. Хэмита, Д. В. Иванова сложилась целостная концепция виртуальной реальности как сложного имитационного пространства, не имеющего собственной онтологической сущности, но оказывающего многогранное воздействие на все сферы человеческой деятельности. Очевидно, что использование компьютерных технологий придает воздействию виртуальных объектов на органы чувств человека весьма «практический» характер. Вместе с тем виртуальное пространство представляет собой именно имитационную среду, своего рода «буферную реальность», которую каждый человек наполняет собственным смыслом, ощущениями, образами.

Первоначально «экспансия» виртуальной реальности связывалась с внедрением мультимедийных технологий. Однако уже вскоре стало очевидно, что виртуализация различных сфер общественных отношений сопряжена не только с технологическими нововведениями, но и существенными изменениями в самом характере человеческой деятельности, способах и мотивах коммуникативного взаимодействия. Ускоренное развитие системы электронной, в том числе фьючерсной, торговли переносит в виртуальное пространство все большую часть товарно-денежного обращения. Сами образы товаров и фирм-производителей превратились благодаря системе

брендинга и франчайзинга в чрезвычайно выгодный объект сбыта. Бренд товара, т.е. имиджевый образ, сегодня является неотъемлемым компонентом его себестоимости [1, с. 153].

Еще более заметный феномен – виртуализация политической сферы. Технологии public relations превратили политический процесс в подобие виртуального политического рынка, где «продаются» и «покупаются» образы политиков, партий, программ и событий. Политические имиджи, создаваемые рейтинг- и имиджмейкерами, постепенно превращаются из «предвыборного» товара в постоянный элемент властных отношений. С их помощью симулируются самые различные компоненты политических практик. Все основные институты представительной демократии – парламентаризм, разделение властей, многопартийность, состязательный политический процесс – вытесняются интегрированной виртуальной средой, перенасыщенной маркетинговыми образами и разнообразными «ресурсами», но совершенно нивелированной с точки зрения реального идеологического многообразия. Схожие процессы виртуализации происходят и в других сферах – постмодернистском искусстве, мультимедийной массовой культуре, постнеклассической науке, «нетрадиционных» семейных отношениях, сетевых интернет-сообществах и пр.

Очевидно, что все перечисленные явления могут существовать только в условиях интенсивного информационного обмена, основанного на использовании передовых мультимедийных технологий. Уровень виртуализации той или иной сферы общественных отношений напрямую зависит от количества способов создания, преобразования и потребления информации. С этой точки зрения информационное пространство можно рассматривать как неотъемлемую форму существования виртуальной реальности. Однако формирование информационного пространства сопряжено не столько с решением технологических задач, сколько с утверждением нового масштаба человеческого мировосприятия, с тотальной экспансией информации, вытесняющей привычные смыслы, установки, ценности [1, с. 237].

Современный человек формируется как личность в медианасыщенной среде, где любые социальные отношения оказываются неразрывно связаны с интенсивным информационным обменом. Он оказывается погружен в настоящий океан информации. Причем вместо получения пространных, соотносящихся друг с другом, собранных и систематизированных информационных «полос» он сталкивается с короткими «вспышками информации» – аудиовизуальными клипами, числовыми рядами, новостными текстами, «обрывками теорий», которые не укладываются в прежние границы представлений и знаний. Нередко этот информационный поток

несет противоречащие и даже взаимоисключающие сведения, а общее количество информации возрастает в геометрической прогрессии [22].

Восприятие виртуальной реальности как метафоры, отражающей «перепроизводство смыслов» и упадок «реальности», стало одной из наиболее заметных черт постмодернистской философии. В трудах Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра, А. Турена, Ж. Делеза всесторонне рассматриваются онтологические, социальные, мировоззренческие аспекты этого феномена. Показательно, что, рассуждая о специфике современного общества, постмодернисты охотно прибегают к терминам и выражениям с «игровой семантикой». Игра становится одним из наиболее популярных символов бытия человека в виртуальной реальности. В эпоху повального увлечения компьютерными «стрелялками» и «стратегиями» это не вызывает удивления. Но игровой компонент культуры оказался объектом пристального внимания европейских мыслителей существенно раньше. Еще в начале XX в. Йохан Хейзинга разработал концепцию игровой деятельности как одного из основных архетипов человеческого самовыражения и взаимодействия. Он же ввел в социальную антропологию термин Homo ludens (человек играющий) [23, с. 302].

Становление информационного общества существенно меняет характер игровой деятельности. Классическая игра очень четко обособляется от «обыденной жизни» местом действия и продолжительностью, протекает внутри своего пространства, которое обозначается сценарием. В обществе, где царит «утрата смыслов», где виртуальная, знаковая культура приобретает собственное бытие, игра не только проникает в реальность, но и придает ей все более театрализованный характер. Причем на смену шекспировской формуле «Весь мир театр, а люди в нем – актеры» приходит метафора Моэма: «Актер живет на сцене, а в жизни лишь играет». Homo ludens становится вполне реальным социальным типажом, причем имеющим немалые преимущества. Такой человек принципиально меньше отягощен грузом сформированных и исторически обусловленных стереотипов, он обладает более мобильными реакциями и способностью манипулировать любыми пластами информации. Ощущение «неполной реальности мира», характерное для игровой концепции жизни, порождает раскрепощенность социального поведения, относительную легкость адаптации к новым условиям, способность к гибкому моделированию социальных ролей, творческому использованию окружающей реальности, манипулированию людьми и информацией.

Игровая концепция жизни разительно изменяет систему социализации личности и всю модель стратификации общества.

Она формирует сообщества, основанные на симуляции образов «Я» и «МЫ». Смоделированная идентичность такого сообщества может основываться на самых произвольных комбинациях социальных признаков – половых, возрастных, семейных, этнических, конфессиональных, культурных, идеологических и т.п. Она не обязательно имеет преемственный характер и подвержена быстрым изменениям. Социализация индивида в рамках подобного сообщества представляет собой не усвоение групповых ценностей или норм поведения, а построение определенного личностного имиджа. Причем, в отличие от статусных признаков, основанных на престижности того или иного стиля жизни, имидж нельзя «выбрать». Под имидж невозможно «подстроиться», как под модный образ поведения или потребления. Имидж является результатом социального творчества индивида. Он может быть сконструирован из различных атрибутов потребления или занятости, распространенных в обществе, но является, прежде всего, средством самовыражения, самопрезентации человека [10, с. 165].

Имиджевая модель поведения предполагает особую значимость неформальных межличностных связей. По своей сути имидж отражает свободное самоопределение человека, но социальную значимость он приобретает лишь при условии активного коммуникативного взаимодействия. Иметь имидж означает заявить окружающим о своем личном стиле жизни и быть услышанным. Таким образом, имидж не только требует от человека постоянного «самореферирования», но и основывается на рефлексивном восприятии социального окружения. Складывается парадоксальная закономерность – чем активнее человек стремиться к поддержанию собственного имиджа, тем больше он зависим от интенсивного общения с окружающими. Возникает и обратная зависимость – все большая плотность информационного пространства, растущая интенсивность общения заставляют человека втягиваться в процесс симуляции своей идентичности, дополнять и корректировать свое «Я», выстраивать свой образ в глазах все большего числа людей.

Итак, в информационном обществе способность моделировать и поддерживать личный имидж оказывается важнее, чем наличие престижных атрибутов того или иного стиля жизни. Формирование имиджа становится ключевым в социальных притязаниях человека, в поиске социального окружения. Тем самым в обществе стремительно нарастает многообразие поведенческих моделей, ценностный и мотивационный плюрализм. Под воздействием этих факторов меняется и вся система стратификации общества. Она приобретает все большую гибкость, многомерность, фрагментарность, почти эфемерность. На смену нормативной, предписывающей социализации человека

приходит спонтанная самоорганизация социальных групп. Стройная институциональная структура общества сменяется интенсивными коммуникативными связями. По выражению Н. Лумана, общество становится «коммуникативным». Но парадокс ситуации связан с тем, что адаптация человека к новой социальной системе не преодолевает, а скорее усиливает угрозу кризиса идентичности [14].

Распространение имиджевой модели поведения и игровой концепции жизни, социальная успешность их приверженцев (заметная и в политической, и в экономической, и в культурной сферах) создают угрожающий разрыв между «социально реальным» и «социально виртуальным». Происходит «размывание» привычных категорий идентичности, основанных на групповой солидарности и культурных традициях. Из коммуникативной культуры общества вытесняются исторически сформировавшиеся формы общения. Традиция начинает восприниматься как искусственное ограничение свободного самовыражения человека, а не сосредоточение культурного опыта поколений. Все это может трактоваться как глобальный ценностный и мотивационный кризис. Однако суть происходящей метаморфозы заключается не в фатальной ценностной дезориентации современного человека. В информационном обществе происходит переход к совершенно новой системе самоидентификации, позволяющей свободно моделировать собственное «Я» из многообразных информационных ресурсов окружающего мира, конструировать собственную идентичность, а не искать ее в сопричастности к тем или иным сообществам и культурным традициям.

Способность к свободной, моделирующей самоидентификации является одним из проявлений так называемого креативного мышления. В отличие от традиционной вербально-логической системы, креативное мышление не является инструментом логики и результатом многоуровневого абстрагирования. Оно опирается на систему разрозненных образов, иррационально воспринимаемых и обрабатываемых подсознанием. Человек с креативным мышлением воспринимает все многообразие окружающей реальности как изначально неорганизованную, хаотичную, деструктурированную среду, лишенную предустановленных правил и жесткой внутренней логики. Информационное пространство превращается для него в неисчерпаемый поток «клипов» – модульных единиц информации, предельно динамичных, изменчивых, необязательных, относительно независимых друг от друга, подлежащих свободному отбору и комбинированию. При этом сознание вольно или невольно вытесняется в сферу интуитивного творчества - оно попадает в пространство симуляции образов, моделирования

виртуальной реальности. Необходимым условием для такого творчества становится не преемственность опыта, не энциклопедическое обобщение знаний, а постоянная смена впечатлений, непрерывное обновление «ресурсной базы». Креативность мышления оказывается в прямой зависимости от ускоренного темпа жизни, от формирования все новых ситуаций и раздражителей, от многообразия «клиповой культуры» [2].

Современная политическая, экономическая и научная элита с успехом рекрутирует людей с креативным мышлением. Но это неизбежно раскалывает общество, поскольку на другом социальном полюсе оказываются те категории населения, которые могут считаться аутсайдерами «виртуального мира». Их составляют люди с традиционной системой мышления и мировосприятия. Они не только не обладают определенным образовательным цензом или уровнем профессиональной компетенции, но и прежде всего психологически не готовы к происходящим переменам. Их маргинализация основывается на устойчивом недоверии к мультимедийным технологиям, отсутствии психологического комфорта при использовании новейшей техники, а главное - на неспособности к постоянному генерированию новых знаний, интенсивному участию в коммуникативных процессах, пересмотру устоявшихся представлений. Это люди, которые предпочитают «закрытое» социальное пространство, испытывают чувство комфорта, опираясь на привычные и знакомые категории целесообразности, полезности, допустимости тех или иных шагов и реакций. Необходимость подвергать сомнению собственные знания и убеждения, гибко моделировать свое поведение и менять ролевые установки приводит таких людей к стрессовому состоянию [7].

Распространенное убеждение в том, что подобные психологические проблемы могут быть решены благодаря широкому распространению современной информационной культуры, своего рода «компьютерному всеобучу», глубоко ошибочны. При столкновении с «виртуальной реальностью» личность, не готовая к открытому «игровому» диалогу с внешней средой, испытывает еще большую потребность в строгих, понятных, безапелляционно воспринимаемых «смыслах», в образовании замкнутого культурного пространства, воспринимаемого как «собственное». Происходит своего рода психологическая инфляция. Не имея возможности освоить окружающую социокультурную реальность, человек начинает транслировать на нее свои собственные представления и ожидания. И по мере того, как окружающий мир становится более сложным и изменчивым, человек традиционного типа все активнее стремится к воссозданию в нем наиболее привычных, традиционных форм социальной идентификации. Феномен возрождения семейных, религиозных, этнокультурных ценностей

во многом объяснятся именно этим фактором. Сама общественная дискуссия о «кризисе идентичности», об «угрозе утраты исторической памяти» или «разрушения культурного наследия» наглядно иллюстрирует фобии и устремления «традиционного человека». Не случайно и то, что возрождение этнонациональных и конфессиональных ценностей сопровождается взрывом ксенофобии. За этой априорной неприязнью к «инородцам» скрывается нарастающая конфликтность «традиционного человека».

Инстинктивно защищаясь от потока новой информации, человек традиционного типа приобретает такие черты, как скрытность, подозрительность, инфантильность. Он охотно верит в широкое распространение заговоров, тем более что представление о господстве неких тайных сил, о царящих в обществе обмане и лжи компенсирует его собственную неуспешность. Спасаясь в калейдоскопе насущных, повседневных проблем, подобные люди предпочитают не замечать принципиальные изменения окружающего мира и расценивать новые явления как бессмысленные, не имеющие практического значения фантазии. При этом именно они оказываются объектом мощнейшего информационного манипулирования, объединяются в массу, которая восторженно принимает и легко усваивает любые образы, имитирующие «подлинный смысл», «настоящую правду». Преобладание массы превращает общество в публику, падкую на впечатления, но инертную в своем социальном бытии [8, с. 382].

Итак, кризис идентичности является одной из наиболее сложных и взрывоопасных глобальных проблем человечества. Он не может быть осмыслен в категориях конфронтации «новых» и «старых» социальных сил, в контексте борьбы за сохранение или забвение традиционных этнокультурных и конфессиональных ценностей. Проблема идентичности порождена инновационным характером развития информационного общества, перманентной изменчивостью и клиповой фрагментарностью современной культуры. Современный человек вынужден постоянно терять идентичность с тем, чтобы вырабатывать ее вновь и вновь. Уже, казалось бы, найденный ответ, сформированный «Я-образ» рассыпается всякий раз, когда окружающее информационное пространство образует новые фантомы «образов», «смыслов», «проблем» и «угроз». Этот информационный прессинг вынуждает человека заново переосмысливать не только внешнюю реальность, но и постоянно выстраивать собственное «Я» [12, с. 126].

Рефлексивный характер современной идентичности и ее предельная пластичность могут восприниматься как издержки инновационного становления новой общественной системы.

Однако реальной альтернативы подобный тип социализации человека не имеет. Даже в тех случаях, когда поиск идентичности происходит на основе наиболее привычных культурных кодов и символов, когда он сопряжен с формированием «защитного поля» для маргинализированных социальных групп и индивидов, речь не может идти о действительном воссоздании традиционных социальных связей. Охранительная культурная политика может возродить архаичные, «закрытые» кланово-корпоративные формы социализации, которые полностью блокируют влияние на человека информационного общества (под лозунгами «истинной веры», псевдопатриотизма, «этнической чистоты» и т.п.). Но подобный регресс возможен лишь в краткосрочной перспективе и в масштабе отдельных этнических или конфессиональных сообществ. В условиях глобализации реконструировать полностью «закрытое» общество практически невозможно. Более того, охранительная культурная политика способна создать лишь видимость консолидации общества. Паразитируя на иррациональных страхах перед меняющимся миром, она пестует в человеке априорное недоверие к «Другим», создает своего рода «апартеидное мышление» и, в конечном счете, лишь усиливает социокультурный хаос [13].

Отказ от охранительной культурной политики и активная адаптация к виртуальной культуре информационного общества отнюдь не предполагают забвение семейных и конфессиональных ценностей, упадок наций и этносов. Рефлексивная, «открытая» идентичность современного человека по-прежнему зависима от традиционных, в том числе этнокультурных и конфессиональных факторов. Но меняется характер их воздействия. Традиции становятся не основой пассивного восприятия человеком уже устоявшихся, жестко зафиксированных установок, ценностей и стереотипов, а компонентом предельно многообразного, плюралистичного информационного пространства. Их многообразие позволяет человеку приобщаться к нескончаемому потоку «ролей», «образов», «смыслов». Мультикультурное, многонациональное, поликонфессиональное общество превращается в неисчерпаемый информационный ресурс, в многогранную «матрицу» для свободной самоидентификации, для построения образа собственного «Я». Таким образом, преодоление монокультурного мировосприятия, отказ от деления мира на «своих» и «чужих» становятся залогом развития востребованных личностных качеств – динамизма, критичности, высокой коммуникативной культуры, способности к позитивному восприятию разнообразных образцов мышления и поведения и, на этой основе, склонности к творческому саморазвитию.

References:

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994. 336с.
2. Баранова Т.С. Теоретические модели социальной идентичности личности // Психология самосознания. Самара. 2000.
3. Бахтин М.М. Как философ. М.: Наука. 1982. 256с.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia. – 1999. – 956с.
5. Бердяев Н.А. Философский дебют Н.А. Бердяева // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 147–163.
6. Большой энциклопедический словарь. М. 1994. 864с.
7. Гнатенко П.И., Павленко В.Н. Идентичность: Философский и психологический анализ. Киев. 1999.
8. Делез Ж. Логика смысла: пер. с фр. М.: Екатеринбург: Раритет: Деловая книга, 1998. 480 с.
9. Колин К.К. Фундаментальные основы социальной информатики: социальная информатика: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. – 2000. – 350с.
10.Кон И.В. В поисках себя. Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат. 1984. 225 с.
11.Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла. // Психологических журнал. 1999. Т.20. № 3. С. 48–58.
12.Морозов А. О. Четвертая секуляризация // Глобализация и столкновение идентичностей. Международная интернет-конференция 24 февраля — 14 марта 2003 г.: Сб. материалов / Под ред. А. Журавского, К. Костюка. М. 2003. С. 329.
13.Павленко В.Н. Разновидности кризиса социальной идентичности в Украине // Этническая психология и общество. М.1997. С. 88–96.
14.Павленко В.Н., Корж Н.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. Т.19. 1998. №1. – С. 75 – 89.
15.Римашевская Н.М. Население и глобализация / Н.М. Римашевская В.Ф. Галецкий, А.А. Овсянников. М.: Наука. 2002. 321с.
16.Стефаненко Т.Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках // Трансформация идентификационных структур в современной России. М. 2001. С. 11–30.
17.Шендрик А. И. Глобализация в системе культурологических координат // Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. С. 60.
18.Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность и память: опыт генетической реконструкции // Мир психологии. 2001. №1. С. 64–78.
19.Шнейдер Л.Б. Тренинг профессиональной идентичности. М. 2003.
20.Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Под ред. А.В.Толстых. М.: Издательская группа «Прогресс». 1996. 344 с.
21.Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М. 1999. 238 с.
22.Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования идентичности личности / Психология самосознания. Самара. 2000. С. 589–602.
23.Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика. 2001. 345 с.

THE VOLGOGRAD HIGH PARTY SCHOOL IS LIKE AN ORGANIZATIONAL AND METHODICAL CENTRE OF PROMOTION OF QUALIFICATION

[1] Christina Sharova
[2] Evgeney Fedoseev

1. Candidate of Sociological Sciences, Russia.
2. Candidate of Sociological Sciences, Russia.

Abstract

Volgograd Higher Party School of the Central Committee of the Communist Party formed by decree in 1988, in 1989 organized the first set of listeners Leu school. The article presents statistics on the admission of the issued and students of the institute in 1991 describes the main tasks and structure of the higher education institution.

Keywords: sociology, pulpits, the Communist Party of the Soviet Union (CPSU), the central committee of the CPSU.

Волгоградская высшая партийная школа образована постановлением ЦК КПСС СТ-92/219 ГС № 92 от 15 декабря 1988 г. 1 марта 1989 года (приказ № 6) был утверждён ректорат, который являлся рабочим органом Волгоградской высшей партийной школы.

В 1989 году был организован первый набор слушателей школы, для чего были созданы приёмные комиссии (приказы № 7, № 8 от 23 марта КПСС,1989 г.).

В школе были образованы кафедры истории КПСС, марксистско-ленинской философии, политической экономии (приказ № 17 от 30 июня 1989 г.) [1].

В связи с изменением в учебном плане были образованы кафедры политологии и социалистической культуры (приказ № 32 от 24 апреля 1990 г.) [2].

В соответствии с проектом Устава Волгоградской высшей партийной школы, обсуждённого и одобренного на заседании Учёного Совета в 1989 году, Волгоградская высшая партийная школа являлась одним из учебных заведений КПСС, осуществлявших подготовку и повышение квалификации партийных, советских и идеологических работников и рассматривалась как главный канал формирования резерва кадров для комплектования всех звеньев партийного аппарата, советских органов.

Волгоградская высшая партийная школа была подотчётна в своей деятельности Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, строила свою работу на основе Программы и Устава КПСС, решений партийных съездов, конферен-

ций, пленумов, постановлений ЦК КПСС, а также действующего законодательства и положения «О высшей партийной школе».

Основные задачи школы. Волгоградская высшая партийная школа:

• осуществляла обучение и воспитание партийных, советских и идеологических кадров, систематическое повышение их квалификации в соответствии с требованиями ЦК КПСС;

• проводила научные исследования по общественным наукам, активно сотрудничала с другими высшими учебными заведениями и соответствующими учреждениями АОН при ЦК КПСС, научно-исследовательскими институтами, обеспечивала повышение квалификации научно-педагогических кадров;

• занималась изучением, обобщением и распространением передового опыта работы партийных, советских и идеологических организаций;

• должна была стать организационным и методическим центром повышения квалификации партийных, советских и идеологических кадров Казахской ССР, Калмыцкой АССР, Астраханской, Волгоградской, Воронежской областей, Политуправлений МВД и Гражданской авиации СССР;

• участвовала в жизни местных партийных и советских организаций, оказывала конкретную практическую помощь партийным комитетам и Советам народных депутатов, идеологическим учреждениям зоны в работе с кадрами, совершенствовании стиля, форм и методов их деятельности.

В школе существовала следующая система подготовки и повышения квалификации кадров:

- двухгодичное отделение (очное) на базе высшего образования;

- трёхгодичное отделение (заочное) и группы вечернего обучения на базе высшего образования;

- четырёхгодичное отделение (очное) на базе среднего образования;

- факультет повышения квалификации партийных, советских и идеологических кадров (в перспективе).

Структура Волгоградской высшей партийной школы:

В школе были организованы следующие кафедры:

партийного строительства и кадровой политики КПСС;

советского государственного строительства и права;

научного коммунизма;

марксистско-ленинской философии;

политической экономии;

истории КПСС;

экономики СССР;

социалистической культуры и языков;

мировой политики и международной деятельности КПСС;

специальной подготовки.

Ректорат по согласованию с ЦК КПСС мог создавать по необходимости новые кафедры.

Административно-управленческие подразделения школы:

Ректорат, деканат, учебная часть, библиотека, бухгалтерия, отдел кадров, канцелярия, хозяйственная часть.

В школе имелись научно-исследовательские, учебно-методические подразделения:

Лаборатория социологии партийной жизни, лаборатория информатики и вычислительной техники, учебно-методические кабинеты кафедр.

Планировалось в перспективе открыть социально-бытовые учреждения: общежитие, предприятия общественного питания, организации бытового обслуживания, спортивно-оздоровительный комплекс [3].

Лаборатория социологии партийной жизни. Основные задачи лаборатории – проведение научных исследований по актуальным проблемам партийной и советской работы, изучение и обобщение передового опыта с целью его использования в учебном процессе, научно-исследовательской работе, в работе партийных, советских органов, идеологических учреждений.

Основными направлениями её деятельности являлись: организационно-партийная работа, идеологическая, политико-воспитательная работа, партийное руководство хозяйственной деятельностью [4].

Постановлением Политбюро ЦК КПСС о реформе системы научных и учебных заведений КПСС (Пб-513 от 07.03.91) Волгоградская высшая партийная школа передана в ведение ЦК КП РСФСР. Постановлением Политбюро ЦК КП РСФСР (Пб-8/2 от 27.03.91) Высшая партийная школа преобразована в Волгоградский социально-политический институт ЦК КП РСФСР (приказ № 58 от 14 мая 1991 г.).

Волгоградский социально-политический институт стал бюджетно-хозяйственной организацией с правом юридического лица.

В целях повышения уровня координации научных исследований, развития хоздоговорных отношений с заказчиками, привлечении к научно-исследовательской работе слушателей и студентов института при социально-политическом институте был создан научно-исследовательский центр. В составе центра организованы лаборатории социологии партийной жизни и информационно-вычислительной техники ВСПИ (приказ № 66 от 1 июня 1991 г.) [5].

Распоряжением Президента от 5 ноября 1991 г. № 73-РП деятельность Волгоградского социально-политического института прекращена.

Распоряжением правительства РСФСР № 156-р от 16 декабря 1991 г. материально-техническая база бывшего ВСПИ передана

Поволжскому кадровому центру для создания филиала.

Приказом № 2 от 11 января 1992 г. начальника Главкадров РФ Х.Д. Бекова на Поволжский кадровый центр была возложена работа по ликвидации ВСПИ, была организована ликвидационная комиссия, которая должна была провести работу по ликвидации института до 20 апреля 1992 г. Данные о приёме и выпуске студентов социально-политического института в 1991 году [6] приведены в таблице 1.

Таблица 1

Статистический отчёт о приёме и выпуске студентов социально-политического института на 01.09.91 г.

1. Распределение студентов по курсам и специальностям

Название факультетов, специальностей	Принято	Обучается на курсах			Итого обучается на всех курсах	в том числе женщин
		I	II	III		
социологи	49	49	16	27	92	55
политологи	72	72	32	12	116	60
Итого	121	121	48	39	208	115

2. Распределение численности студентов по возрасту (число полных лет)

	17 лет и менее	18 лет	19 лет	20 лет	21 год	22 года	23 года	25-29 лет	30-34 года	35-39 лет	Конт-ая сумма
Численность студентов в возрасте	1	67	39	9	9	5	2	16	35	22	205

References:

1. ЦДНИВО, ф. 34, оп. 1, д. 4, лл. 1, 6-9, 32
2. ЦДНИВО, ф. 34, оп. 1, д. 17, лл. 60-61
3. ЦДНИВО, ф. 34, оп. 1, д. 2, лл. 2-4
4. ЦДНИВО, ф. 34, оп. 1, д. 2, лл. 20-21
5. ЦДНИВО, ф. 34, оп. 1, д. 34, лл. 88, 100-102
6. ЦДНИВО, ф. 34, оп. 1, д. 42, л. 1

B&M Publishing

A PERSON IN THE MODERN WORLD

ISBN-10: 0989879909

ISBN-13: 978-0-9898799-0-3